Поссе

Способы Пролетарской БОРЬБЫ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА 155
П 861

№ 2671.
335
П.61.

Possé: Les moyens de la lutte

Prix: 40 коп., 1 fr.

BIBLIOTHÈQUE GEORGES KOUKLINE

ЦА155
П861

В. А. ПОССЕ

СПОСОБЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

изъ книги

«Теорія и прантика пролетарскаго соціализма»

ЖЕНЕВА

1905

2 т-из

Ц А155
П861

№ 6953

2010 г.

№ 2671
335
п. 61.

Глава V.

Средства и способы борьбы.

I.

Стачка рабочихъ.

Одна изъ реакціонныхъ нѣмецкихъ газетъ заявила недавно, что «*всякая стачка — маленькая революція*». Въ извѣстномъ смыслѣ это совершенно вѣрно. Во всякой стачкѣ рабочихъ имѣется зародышъ революціоннаго рабочаго движенія, зародышъ пролетарской революціи. Въ каждой отдѣльной стачкѣ проявляется во первыхъ *противоположность интересовъ* хозяина и «его» рабочихъ, во вторыхъ *солидарность рабочихъ* между собою, а это — двѣ основы классовой борьбы пролетаріата. Стачки въ своемъ развитіи неминуемо ведутъ къ созданію рабочихъ организацій и *рабочихъ союзовъ*. Завоевывая себѣ право стачекъ, рабочіе одновременно завоевываютъ право союзовъ и наоборотъ. «Коалиціонной свободой» одинаково обозначается и право союзовъ, и право стачекъ. Стачка, воспитывая рабочихъ бороться на почвѣ производства, нанося предпринимателямъ удары въ самое чувствительное для нихъ мѣсто — въ ихъ прибыль, ведетъ къ *бойкоту* въ смыслѣ совмѣстнаго (коллективнаго) отказа отъ покупки товаровъ той или другой предпринимательской фирмы, съ которой, напр., въ данное время ея рабочіе ведутъ борьбу путемъ стачки. Связь стачки съ бойкотомъ является обыкновенно выраженіемъ связи забастовщиковъ одной или нѣсколькихъ фабрикъ съ рабочими вообще: рабочіе, какъ потребители, стараются поддержать своихъ товарищей, какъ стачечниковъ. Но и независимо отъ бой-

кота стачки въ своемъ развитіи устанавливаютъ *боевую связь* между забастовщиками отдѣльныхъ фабрикъ и рабочимъ классомъ вообще. Стачечниковъ, борющихся за улучшеніе своего положенія съ даннымъ капиталистомъ или данной группой капиталистовъ, поддерживаютъ рабочіе другихъ фабрикъ, устраивая *стачки по симпатіи.*

Вообще стачка имѣетъ тенденцію (стремленіе) расширяться съ одной стороны *профессіонально,* съ другой *районно.* Стачки отдѣльныхъ фабрикъ превращаются въ стачки рабочихъ *цѣлой отрасли промышленности въ странѣ.* На ряду съ этимъ стачка иногда охватываетъ рабочихъ цѣлаго большого района независимо отъ той или другой профессіи: бастуютъ рабочіе одновременно всѣхъ отраслей промышленности въ данной мѣстности. За послѣднее время стачечное движеніе начинаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходить даже за предѣлы отдѣльныхъ странъ, принимая международный характеръ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше стачки принимаютъ *массовой* или *всеобщій* характеръ.

Въ то же время въ революціонномъ движеніи пролетаріата все большую роль начинаетъ играть борьба съ государственной властью, этой политической представительницей капиталистовъ. И тутъ на помощь является массовая или всеобщая стачка, при помощи которой пролетаріатъ стремится *усилить свое политическое положеніе* и ослабить господствующее положеніе буржуазіи (напримѣръ введеніемъ всеобщей подачи голосовъ). Политическія массовыя стачки повсюду пріобѣтаютъ огромное значеніе. Стачка тѣсно сьязана и съ *демонстраціями.* Внушительными демонстраціи бываютъ обыкновенно только во время стачекъ, и съ другой стороны демонстраціи усиливаютъ революціонное значеніе стачекъ. Международная рабочая демонстрація 1-го мая съ самаго начала во многихъ странахъ пріобрѣла характеръ всеобщей стачки, и, если она не имѣла и не имѣетъ того огромнаго значенія, которое могла имѣть для освобожденія рабочаго класса, то въ этомъ виноваты тѣ «вожди-политики», которые всѣми силами боролись и борются противъ «всеобщей стачки» 1-го мая.

Особенно въ этомъ отношеніи постарались нѣмец-

кіе соціалдемократы, представитель которыхъ Вильгельмъ Либкнехтъ прямо заявлялъ, что его партія на парижскомъ конгрессѣ протестовала бы противъ установленія празднованія 1-го мая, если бы она замѣтила, что этотъ день хотятъ отмѣтить всеобщимъ прекращеніемъ работъ.

Наконецъ, даже потребительные и производительныя рабочія общества, которыя развиваются, не смотря на протесты нѣкоторыхъ ортодоксальныхъ марксистовъ, получаютъ особое значеніе въ виду стачекъ, въ особенности массовыхъ, предоставляя свои запасы и свое производство въ распоряженіе стачечниковъ.

Ставя преграды ненасытной эксплуатаціи капиталистовъ, стачки спасаютъ рабочихъ отъ полнаго физическаго и духовнаго вырожденія, онѣ вырываютъ у буржуазіи уступки въ видѣ уменьшенія рабочаго дня, увеличенія рабочей платы и т. д; но эта лишь одна сторона ихъ боевого значенія. Еще важнѣе, что развивая рабочую солидарность, пріучая рабочій классъ къ самообладанію и дисциплинѣ, помогая ему сознать свои силы и слабости, *наглядно* доказывая ему, что онъ въ сущности творецъ всего богатства, что безъ его труда нѣтъ производства, нѣтъ культуры, нѣтъ жизни, стачки подготовляютъ окончательную побѣду пролетаріата надъ буржуазіей, подготовляютъ соціальную революцію, подготовляютъ экспропріацію экспропріаторовъ во имя устраненія угнетенія человѣка человѣкомъ.

И тѣ, кто смотрятъ на стачки, какъ на низшее и устарѣлое средство борьбы, не достойное названія революціоннаго, тѣ не понимаютъ вообще сущности рабочаго движенія и пролетарской революціи. Споря съ нѣмецкими противниками «стачкизма», Швейцеръ еще въ 60-хъ годахъ, прекрасно сказалъ:

«Стачки исторически необходимая переходная стадія къ полному господству соціалистическаго и коммунистическаго движенія».

Развитіе стачечнаго движенія стоитъ, конечно, въ зависимости отъ промышленнаго развитія, и промышленное развитіе, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе дѣлаетъ стачки опасными для господства буржуазіи. Различныя отрасли промышленности все тѣснѣе связываются между собою и все больше зависятъ отъ правильности

желѣзнодорожнаго и пароходнаго передвиженія. Остановка одной отрасли производства и въ особенности пріостановка транспорта колеблетъ всю промышленность, и колебанія чувствуются далеко за предѣлами данной страны.

Концентрація производства ведетъ далѣе къ концентраціи рабочихъ, и рабочимъ современныхъ огромныхъ заводовъ, сосредоточенныхъ въ опредѣленныхъ промышленныхъ районахъ, неизмѣримо, конечно, легче начать и провести массовую стачку, чѣмъ рабочимъ былыхъ мануфактуръ, чѣмъ «рабочимъ на дому».

Огромное значеніе имѣетъ, конечно, и то, что съ каждымъ днемъ жизнь каждаго «цивилизованнаго человѣка» и въ особенности капиталиста-буржуа становится въ прямую зависимость отъ непрерывности промышленнаго производства. Отъ рабочихъ зависитъ сразу лишить буржуа и воды (водопроводы), и кухни (газъ), и освѣщенія (газъ, электричество), и сообщенія съ другими (телеграфъ, телефонъ, желѣзныя дороги и т. д.), и газетъ и пр. и пр.

Рабочіе только еще начинаютъ учиться пользоваться этимъ оружіемъ, но уже и эти «уроки» заставляютъ трепетать капиталистовъ всего міра. Буржуа съ ужасомъ думаетъ теперь не о баррикадахъ, не о динамитѣ, а о всеобщей стачкѣ, когда, по мановенію волшебнаго жезла, сразу останавливается движеніе, улицы погружаются во мракъ, телефоны бездѣйствуютъ, сообщеніе политическихъ и биржевыхъ новостей прекращается и т. д.

Но «стачки» еще въ періодѣ развитія, рабочимъ придется еще много «учиться», много разъ терпѣть пораженія, прежде чѣмъ имъ удастся «уничтожить всѣ частныя обезпеченія и частныя обезпеченности» и установить обезпеченіе и обезпеченность всѣхъ и каждаго.

Мы намѣтили характерныя черты развитія стачекъ. Для доказательства, выясненія и развитія выше сказаннаго мы приведемъ теперь *факты* изъ исторіи стачечнаго движенія въ различныхъ странахъ; это тѣмъ болѣе необходимо, что многочисленныя *теоретическія* сужденія иностранныхъ и русскихъ соціал-

демократовъ по вопросу о всеобщей стачкѣ показываютъ, что исторія развитія стачечнаго движенія отнюдь не можетъ быть названа «общеизвѣстной» въ соціалдемократическихъ кругахъ. Такъ, напримѣръ, голландскій соціалдемократъ Флигенъ въ «Die Neue Zeit» отъ 14 ноября 1903 г., обрушиваясь на идею всеобщей стачки, говоритъ, между прочимъ:

«И такъ первый вопросъ: что мы видѣли до сихъ поръ въ этой области? Нельзя, конечно, установить, гдѣ впервые обнаружилась идея всеобщей стачки. Первая попытка ея примѣненія была сдѣлана въ Бельгіи въ 1893 г. соціалдемократическими рабочими при борьбѣ за избирательное право. Этой попыткѣ особенно могучую силу придали, главнымъ образомъ, углекопы. Намъ нѣтъ надобности дѣлать изысканія о томъ, какія бы послѣдствія имѣла эта попытка, если бы правительство рѣшилось противодѣйствовать натиску рабочихъ. Новая попытка въ 1902 г., послѣ того, какъ рабочій классъ усилился почти десятилѣтнею организаціонной и просвѣтительной работой, потерпѣла позорную неудачу. Во Франціи мы имѣли нѣсколько пробъ всеобщей стачки со стороны углекоповъ, въ Испаніи — со стороны барцелонскихъ рабочихъ. Значительнѣе была всеобщая стачка, послужившая для демонстраціи въ Швеціи въ 1902 г. Объ успѣхѣ или неуспѣхѣ здѣсь не могло быть и рѣчи, такъ какъ это должно было быть лишь демонстраціей рабочей воли и непосредственный успѣхъ не ставился цѣлью. Затѣмъ въ началѣ этого года мы имѣли въ Голландіи попытку всеобщей стачки, чтобы принудить правительство взять обратно законопроектъ, отмѣнявшій право стачекъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ общественныхъ службъ».

И это все, что Флигену извѣстно о попыткахъ всеобщей стачки! Онъ не знаетъ или не хочетъ знать ни ланкаширской всеобщей стачки 1842 г., ни испанской всеобщей стачки — революціи въ 1873 г., ни массовыхъ стачекъ въ Америкѣ и Австраліи, ни южно-русскихъ стачекъ прошлаго года, ни массы очень поучительныхъ всеобщихъ стачекъ въ Англіи, Франціи, Швейцаріи, Италіи, Австріи и т. д.

Флигенъ умалчиваетъ объ англійской стачкѣ 1842 года, Либкнехтъ, напротивъ, какъ разъ на основаніи этой стачки старался доказать на Парижскомъ кон-

грессѣ 1889 г., что всеобщая стачка — вещь невозможная.

«Англійскіе рабочіе» — говорилъ онъ — «были въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ превосходно организованы, гораздо лучше, чѣмъ французы теперь, и все же ихъ большія стачки, точно также какъ другія попытки всеобщей забастовки, потерпѣли неудачу».

Можно подумать, что англійскія рабочія организаціи устраивали въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ планомѣрныя всеобщія стачки, и эти стачки потерпѣли неудачу. Между тѣмъ эти стачки носили такой же стихійный характеръ, какъ наши южнорусскія и превратились во «всеобщія» независимо отъ рабочихъ организацій. Вообще ссылаться на англійскія стачки чартистскаго періода въ доказательство невозможности всеобщей забастовки, какъ мы увидимъ, во многихъ отношеніяхъ рисковано.

Среди русскихъ соціалдемократовъ находились «еретики», которые еще задолго до массовыхъ стачекъ 1902 и 1903 годовъ, отлично понимали значеніе массовыхъ забастовокъ для революціонной борьбы русскаго пролетаріата. «Нѣтъ, баррикады отжили свой вѣкъ, да они и не нужны! — писалъ въ концѣ 90-хъ годовъ авторъ уже цитированной нами брошюры «Кто совершитъ политическую революцію?» — «У пролетаріата есть другое, несравненно болѣе могучее, по-истинѣ страшное оружіе въ борьбѣ съ своимъ врагомъ это — всеобщая стачка».

За то искровскіе ортодоксы обходили вопросъ о всеобщей стачкѣ презрительнымъ молчаніемъ. Въ своей книгѣ «Что дѣлать?» Ленинъ, правда, нарушаетъ этотъ обѣтъ молчанія и насмѣшливо упоминаетъ о «всеобщей стачкѣ», какъ о «дубинѣ» и ставитъ проповѣдь ея на одну доску съ проповѣдью «эксцитативнаго террора».

Къ террору «Искра часто возвращалась, но для выясненія вопроса о «всеобщей стачкѣ» долгое время казалось достаточнымъ презрительно брошеннаго слова — «дубина». Только въ серединѣ мая 1903 г., когда давно уже окончились грандіозныя всеобщія стачки въ Бельгіи, Швеціи, Испаніи, Австраліи, Швейцаріи, Америкѣ, Австріи, Голландіи и т. д., «Искра» нашла необходимымъ написать *дипломатическую* статью о все-

общей стачкѣ. Въ этой статьѣ она разводила тройную революціонную бухгалтерію, находя съ *одной стороны*, что всеобщая стачка заранѣе обречена на неудачу и растрачиваетъ громадную энергію массового движенія «крайне непроизводительно», съ *другой* стороны, что она пріобрѣтаетъ громадное значеніе, разоблачая истинный характеръ буржуазнаго общества и показывая, что «всздѣ организованный пролетаріатъ въ борьбѣ за интересы своего класса противостоитъ всему буржуазному обществу, которое, несмотря на раздирающія его внутреннія разногласія, является единымъ, когда затронуты существенные интересы частной собственности» и, наконецъ, съ *третьей стороны*, что «содѣйствовать успѣху» пролетарскаго «движенія»—«дѣло простого политическаго расчета всѣхъ тѣхъ, кому дорога политическая свобода», т. е. помогать пролетарскому движенію «дѣло простого расчета» буржуазіи, такъ какъ по «идеологіи» «Искры» буржуазіи, конечно, дорога политическая свобода.

Въ то же время искровскій «Южный Рабочій», приглашая пролетаріатъ объединиться вокругъ редакціи «Искры» и «Зари», увѣрялъ своихъ читателей, что *въ Россіи невозможны массовыя стачки, что русскимъ надо сначала завоевать себѣ политическую свободу, а потомъ уже вести экономическую борьбу.*

Это писалось, какъ разъ, наканунѣ массовыхъ южнорусскихъ стачекъ, возникшихъ на чисто экономической почвѣ. Не знаемъ, какъ послѣ этого заговорили редакторы «Южнаго рабочаго», но «Искра» со свойственной ей... непринужденностью заявила въ № 47, что „стачки нынѣшняго лѣта, которыя происходили, какъ извѣстно, не только на югѣ, но отчасти также и въ центральномъ промышленномъ округѣ, еще разъ съ самой очевидной и убѣдительной ясностью показали, до какой степени была правильна тактика революціонной соціалдемократіи, отстаиваемая *«Искрой» и «Зарей»*“.

Если до этой побѣды искровской «тактики» массовыя стачки были въ Россіи «невозможны», то послѣ «побѣды» оказалось, что въ «Западной Европѣ, не смотря на полувѣковую исторію соціалистическаго движенія, на организаціи и политическую свободу *такихъ* стачекъ» (какъ въ Россіи) «не бывало. Тамъ грандіозныя

стачки случаются лишь (!?) въ извѣстныхъ профессіяхъ»*).

Увы, факты изъ исторіи мірового рабочаго движенія показываютъ, что утвержденія «искристовъ», какъ до побѣды ихъ тактики, такъ и послѣ побѣды, одинаковы вздорны. Но редакторамъ и вожакамъ «Искры» не до фактовъ: вообразивъ себя Фаустами и Мефистофелями они убиваютъ всѣ свои силы, чтобы совлекать, привлекать, вовлекать и увлекать буржуазныхъ Маргаритъ и Мартъ... изъ «Освобожденія» и другихъ менѣе романтическихъ мѣстъ.

Многіе думаютъ, что идея всеобщей стачки возникла въ головѣ одного изъ современныхъ соціалистовъ или анархистовъ, особенно часто въ качествѣ «изобрѣтателя» фигурируетъ французскій «министерскій соціалистъ» Аристидъ Бріанъ, въ дѣйствительности же идея всеобщей стачки въ разныхъ странахъ самостоятельно возникала, какъ естественное слѣдствіе естественно расширяющихся частичныхъ стачекъ.

Разумѣется, прежде всего она возникла въ **Англіи**, гдѣ раньше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, развилось капиталистическое производство и началась ожесточенная борьба между представителями труда и капитала. Въ началѣ этой борьбы положеніе рабочаго класса въ Англіи было по истинѣ ужаснымъ: хищническая эксплуатація капиталистовъ не знала никакихъ границъ, и трудящееся населеніе Англіи было, казалось, обречено на полное вырожденіе. Но въ тоже время капиталистическое производство создавало условія для развитія солидарности среди рабочихъ и толкало ихъ на борьбу путемъ стачекъ. Капиталисты тотчасъ почуяли опасность и направили противъ рабочихъ свою законодательную власть, издавъ на рубежѣ XVIII и XIX столѣтій законы, запрещавшіе рабочимъ, подъ угрозою тюремнаго заключенія, устраивать союзы съ цѣлью совмѣстной борьбы для улучшенія своего положенія. Въ отвѣтъ на это рабочее движеніе приняло форму революціонныхъ вспышекъ, направленныхъ, какъ непосредственно противъ капиталистовъ, такъ и противъ государственной власти. То тамъ, то тутъ вспыхивали «рабочіе безпорядки», при-

*) См. «Искру» № 53 «О чемъ говорятъ намъ іюльскіе дни»?

нимавшіе иногда грандіозные размѣры. Въ 1816 г. въ Скальфильдѣ около Лондона масса рабочихъ устроила манифестацію, очень напоминающую нѣкоторыя изъ русскихъ рабочихъ демонстрацій. Въ прокламаціяхъ и рѣчахъ положеніе Англіи опредѣлялось такъ: «Четыре милліона въ нуждѣ, четыре милліона въ нищетѣ, полъ милліона въ блестящей роскоши». Правительство прислало войска, демонстранты были разсѣяны. Для охраны порядка и собственности снова усердно начала работать законодательная машина. Правительство представило секретной комиссіи парламента отчетъ «о собраніяхъ и союзахъ, явно разсчитанныхъ на нарушеніе общественнаго порядка» и о существованіи «заговора, имѣвшаго цѣлью разрушить всѣ политическія учрежденія королевства и подкопаться подъ принципъ собственности». Парламентъ вотировалъ пріостановку Habeas Corpus, т. е. пріостановилъ дѣйствіе закона, ограждавшаго неприкосновенность личности; мировымъ судьямъ было предоставлено право арестовывать и заключать въ тюрьму безъ суда авторовъ и продавцевъ революціонныхъ сочиненій; администрація получила право распускать всякое собраніе, на которомъ возбуждалась ненависть или презрѣніе къ правительству или къ конституціи, причемъ за отказъ разойтись назначалась смертная казнь. Эти мѣры въ свою очередь еще болѣе обострили рабочее движеніе. Въ 1817 г. произошло знаменитое шествіе рабочихъ въ Лондонѣ, извѣстное подъ названіемъ «шествія людей въ одѣялахъ», такъ какъ рабочіе, отправляясь въ длинный путь, захватили съ собой одѣяла; въ то же время одинъ изъ рабочихъ отрядовъ, отчасти вооруженный, напалъ на Ноттингамъ; происходили и другіе болѣе мелкіе «безпорядки»; но всѣ они потерпѣли пораженіе, всѣ они были усмирены англійскими войсками, этими наемниками англійской буржуазіи. Начался періодъ судебныхъ процессовъ и административныхъ преслѣдованій. Но уже съ 1819 г. рабочее движеніе снова поднимается революціонной волной. Въ августѣ этого года происходитъ знаменитый митингъ въ Петерлау близъ Манчестера, въ которомъ участвуетъ болѣе 50.000 человѣкъ. Девизомъ митинга было: «Свобода или смерть!». Гусарскій полкъ врѣзывается въ толпу, и падаетъ не мало жертвъ.

Буржуазное законодательство снова отвѣчаетъ рядомъ драконовскихъ мѣръ. Въ Англіи царствуетъ положеніе, совершенно сходное съ нашей «усиленной охраной». Всѣ мирныя манифестаціи запрещены. Свобода печати, свобода собраній, неприкосновенность личности фактически уничтожаются. Въ 1820 г. пять политическихъ дѣятелей гибнутъ на висѣлицѣ. Но движеніе не утихаетъ, и въ 1824 г. буржуазія пробуетъ парализовать движеніе уступкою: запрещеніе союзовъ и стачекъ отмѣняется. Тогда рабочее движеніе выливается въ форму хроническихъ стачекъ. Палата спѣшитъ направить противъ стачекъ новый законъ, по которому подвергается тюремному заключенію всякій, кто агитируетъ въ пользу повышенія заработной платы насиліемъ, угрозою или застращиваніемъ. Тюрьмы наполняются рабочими стачечниками, но движеніе не утихаетъ.

Именно въ это время возникаетъ идея всеобщей стачки, какъ средства классовой борьбы. Вопросъ о всеобщей стачкѣ выдвигается почти одновременно сторонниками Овэна или «соціалистами» и чартистами или «соціалдемократами», т. е. двумя группами, возникшими на почвѣ рабочаго движенія.

Овэписты были *экономистами* и выдвигали всеобщую стачку, какъ средство *для достиженія восьми часоваго рабочаго дня*. Чартисты были *политиками* и разсчитывали на всеобщую стачку *для достиженія всеобщей подачи голосовъ*.

Первыми вступили въ борьбу экономисты, которые образовали изъ рабочихъ особые союзы, напоминавшіе массонскія ложи. Въ эти союзы, кромѣ рабочихъ, допускались и крестьяне.*) Союзы стали подготовлять всеобщую стачку путемъ стачекъ частичныхъ, пріобрѣтавшихъ все болѣе упорный характеръ. Испуганные фабриканты организовались въ «лигу», члены которой обязывались не принимать на свои фабрики участниковъ рабочихъ союзовъ. Кромѣ того они направляли противъ организованныхъ рабочихъ *локаутъ* («lockout»), т. е. одновременное закрытіе мастерскихъ.

Не бездѣйствовала, конечно, и государственная

*) Въ союзъ допускались не только мужчины, но и женщины.

власть въ своей пресловутой троичной формѣ: законодательной, административной и судебной. Борьба была упорная, но фабриканты оказались сильнѣе рабочихъ уже по одному тому, что въ ихъ распоряженіи была масса дѣтей бѣдняковъ, которыхъ администраторы «приходовъ» отдавали въ полное распоряженіе предпринимателей.

Овэнисты ослабѣвали, когда на политическую сцену выступили чартисты.

Про чартистовъ мы уже сказали, что это была группа, выросшая на почвѣ рабочаго движенія, но сѣмена были буржуазныя, и урожай вышелъ плохой: плевелы заглушили пшеницу. Они не представляли единаго цѣлаго съ рабочимъ классомъ, они стояли отдѣльно отъ него; стараясь извнѣ внести въ него политическое сознаніе, они стремились къ буржуазной революціи во время фактическаго господства буржуазіи, они навязывали рабочимъ роль поддерживателей то того, то другого слоя буржуазіи: идеаломъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, для О' Бріена были французскіе якобинцы, въ особенности Робеспьеръ. Чартисты создали опредѣленную политическую программу въ смыслѣ демократизаціи парламента, но у нихъ не было и не могло быть программы соціальныхъ измѣненій въ пролетарскомъ духѣ.*) Попытка создать аграрную программу («аграрный планъ О' Коннора) носила мелко-буржуазный характеръ. Чисто буржуазнымъ былъ и банковый планъ Атвуда.

Туганъ-Барановскій въ своихъ «Промышленныхъ кризисахъ» довольно вѣрно замѣчаетъ, что «за отсутствіемъ положительной программы соціальныхъ реформъ, чартизмъ не могъ добиться осуществленія и своей политической программы», но это отсутствіе положительной программы соціальныхъ реформъ было лишь однимъ изъ выраженій буржуазнаго духа чартизма. Этотъ буржуазный духъ сильно сказывался и въ ихъ практической дѣятельности. Опираясь на пролетарское движеніе для подготовленія буржуазной революціи, чартисты должны были взять въ свой арсеналъ и спеціально-пролетарское оружіе — *всеобщую*

*) Наши искристы во многихъ отношеніяхъ похожи на англійскихъ чартистовъ, насколько вообще карикатура похожа на оригиналъ.

стачку, но они боялись пускать въ ходъ это оружіе, способное разрушить не только пережитки феодальнаго строя, но и основы строя буржуазнаго. Они часто угрожали *господствующимъ слоямъ* буржуазіи всеобщею стачкою, но въ рѣшительный моментъ они умоляли рабочихъ не прибѣгать къ этому средству. *)

«Хартія» (Charter, чартеръ), принятіе которой парламентомъ добивались чартисты, состояла, какъ извѣстно, изъ шести требованій: всеобщая подача голосовъ, тайная баллотировка, ежегодный парламентъ, вознагражденіе депутатовъ, отмѣна избирательнаго ценза, раздѣленіе страны на округа для равномѣрнаго распредѣленія депутатскихъ мѣстъ.

Эти требованія чартисты рѣшили представить въ видѣ петиціи съ возможно большимъ числомъ подписей. Но что значитъ «петиція» безъ реальной поддержки, безъ болѣе существеннаго воздѣйствія?! Чартисты опирались на рабочихъ, орудіемъ же рабочихъ въ борьбѣ съ хозяевами было до сихъ поръ — стачка, естественно, что и для поддержки петиціи пришлось подумать о стачкѣ и при томъ стачкѣ всеобщей, такъ какъ въ данномъ случаѣ дѣло шло объ интересахъ всего рабочаго класса.

Первымъ изъ чаргистовъ открыто заговорилъ о воздѣйствіи на парламентъ банкиръ Томасъ Атвудъ. На Бирмингамскомъ митингѣ лѣтомъ 1838 г. Атвудъ заявилъ, что въ случаѣ, если на парламентъ не подѣйствуетъ петиція съ двумя милльонами подписей, слѣдуетъ на недѣлю пріостановить во всемъ королевствѣ всѣ работы. Онъ особенно настаивалъ при этомъ, что «національная стачка» должна быть совершенно *мирной*. Она должна быть, по его мнѣнію, «торжественнымъ, священнымъ всеобщимъ возстаніемъ *не рабочаго противъ хозяина*, а *всѣхъ* противъ *общаго* врага».

Въ подобной формѣ всеобщая стачка, не могла,

---

*) Данныя о чартистскомъ движеніи мы заимствуемъ, главнымъ образомъ, изъ «History of the chartist movement» by K. G. Gamage и «Die Entstehung und die ökonomische Grundsätze der chartistenbewegung» von John Tilsdsley. Гаммаджъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ чартистскомъ движеніи, и его книга считается самымъ полнымъ и точнымъ источникомъ для изученія чартизма.

конечно, осуществиться, и оружіемъ классовой борьбы нельзя пользоваться для совмѣстнаго дѣйствія противъ яко-бы «общаго» врага: вѣдь англійскій парламентъ, разумѣется, также мало «виситъ въ воздухѣ», какъ и русское самодержавіе.

«Мы сомнѣваемся» — замѣчаетъ Гаммаджъ — «былъ ли мистеръ Атвудъ готовъ принять почти неизбѣжныя послѣдствія своего совѣта, но онъ воспользовался имъ, чтобы произвести впечатлѣніе на огромное собраніе, къ которому онъ обращался».

Вслѣдъ за Атвудомъ «всеобщей стачкой» въ мирной формѣ «производили впечатлѣніе» и многіе другіе ораторы на многочисленныхъ митингахъ, созываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ Великобританіи.

На этихъ народныхъ собраніяхъ были выбраны делегаты въ «національный конвентъ», не имѣвшій, конечно, никакихъ «оффиціальныхъ» правъ. Конвентъ былъ партійнымъ представительствомъ чартистовъ, онъ собрался въ Лондонѣ въ февралѣ 1839 г. Большинство делегатовъ состояло изъ лицъ «средняго сословія». Конвентъ занялся обсужденіемъ способовъ воздѣйствія на парламентъ, въ томъ числѣ бойкота и «священнаго мѣсяца» (всеобщей стачки въ теченіе мѣсяца).

Противъ «всеобщей стачки» особенно рѣзко выступилъ англійскій священникъ І. Стефенсъ, принимавшій участіе въ чартистскомъ движеніи «въ качествѣ тори» (партіи консерваторовъ-землевладѣльцевъ). Выбранный въ «конвентъ» онъ не принялъ участія въ его засѣданіяхъ, агитируя въ народныхъ собраніяхъ.

«Національная забастовка» — говорилъ онъ — «означаетъ всеобщую анархію и замѣшательство, и возстаніе нашей части націи, самой слабой, самой разрозненной противъ всѣхъ остальныхъ частей націи, которыя стоятъ, какъ единое цѣлое, руководимое единой головой»...

Въ самомъ конвентѣ рѣшительнымъ противникомъ «всеобщей стачки» явился поклонникъ Робеспьера О'Бріенъ. Всеобщая стачка все же была принята въ принципѣ, но ея провозглашеніе было отложено до выясненія вопроса о судьбѣ петиціи.

Между тѣмъ «мирныя демонстраціи» повели въ Бирмингамѣ къ кровавымъ столкновеніяхъ съ полиціей

и войсками; эти столкновенія, начавшіеся 8-го іюля 1839 года, привели 15-го іюля къ взрыву народнаго гнѣва, который направился не столько противъ «общаго врага», сколько противъ «средняго класса». Вечеромъ толпа потушила всѣ уличные фонари, городъ погрузился въ темноту, полиція была безсильна. Въ разныхъ мѣстахъ были подожжены дома богатыхъ купцовъ и промышленниковъ. Лица «имущихъ и господствующихъ классовъ» бѣжали изъ города. Но въ концѣ концовъ «мятежъ» былъ усмиренъ.

Бирмингамскія событія были плохой поддержкой для мирнаго протеста *всѣхъ* противъ общаго врага.

13-го іюля палата общинъ отвергла петицію огромнымъ большинствомъ. «Конвенту» пришлось заняться вопросомъ о «національной стачкѣ».

Делегатъ Лавори заявилъ, что безполезно ждать чего-нибудь отъ палаты общинъ и что необходимо дѣйствовать рѣшительно. Онъ былъ, по его словамъ, въ Шотландіи, Кумберландѣ и Уэстморландѣ, и всюду народъ былъ того мнѣнія, что «священный мѣсяцъ» лучше всего начать, когда хлѣбъ созрѣлъ и картофель еще не вырытъ; въ виду этого онъ предлагалъ конвенту объявить всеобщую стачку 12-го августа. Во время обсужденія этого предложенія явился посланный отъ отсутствующихъ делегатовъ Атвуда и Фильдена, находившихся въ палатѣ общинъ, гдѣ имъ позволено было высказаться по поводу представленной ими петиціи чартистовъ. Атвудъ и Фильденъ просили прислать къ нимъ депутацію отъ конвента для обсужденія положенія дѣлъ. Депутація была послана, и Атвудъ заявилъ ей, что теперь необходимо позаботиться о новой петиціи съ еще гораздо большимъ числомъ подписей, чѣмъ на только что поданой и отвергнутой *).

О «священномъ мѣсяцѣ» или даже «священной недѣлѣ» мистеръ Атвудъ больше уже не говорилъ. Послѣ доклада вернувшейся въ конвентъ депутаціи было прочитано письмо доктора Тэйлора, который удостовѣрялъ, что подготовленіе къ «священному мѣсяцу» распространяется въ промышленныхъ округахъ «*съ быстротою пламени*». Конвентъ былъ въ нерѣ-

*) Подъ отвергнутой петиціей подписалось милльонъ двѣсти восемьдесятъ тысячъ человѣкъ.

шительности. Съ одной стороны совѣтъ Атвуда звучалъ почти, какъ насмѣшка; съ другой стороны пролетарское «пламя» всегда опасно, и «священный мѣсяцъ» можетъ оказаться рискованнымъ для «священной собственности.».

Обсужденіе предложенія Лавори было отложено сначала на два дня, потомъ еще на день, затѣмъ проголосовано и принято, но черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ О'Брienъ велъ на митингахъ оживленную агитацію противъ всеобщей стачки, вопросъ о «священномъ мѣсяцѣ» былъ снова подвергнутъ пересмотру.

О'Брienъ представилъ на обсужденіе и голосованіе длинную резолюцію; въ ней приводился рядъ доводовъ противъ провозглашенія всеобщей стачки, которая при «настоящемъ отчаянномъ состояніи общественнаго настроенія, вѣроятно, поведетъ къ замѣшательству и анархіи». «Хотя обязанность конвента принимать участіе во всѣхъ народныхъ опасностяхъ, но въ наши обязанности не входитъ создавать опасность безъ нужды, ни для себя самихъ, ни для другихъ. Создавать ее для себя было бы безумiемъ, создавать ее для другихъ было бы преступленіемъ».

Въ концѣ концовъ предлагалось назначить комитетъ, который бы обратился къ народу съ воззваніемъ, приглашая высказаться о томъ, начинать ли 12 августа «священный мѣсяцъ», или нѣтъ, и указывая при этомъ на тѣ доводы, которые не позволили конвенту самостоятельно провозгласить «священный мѣсяцъ». Послѣ очень неопредѣленныхъ и дипломатическихъ рѣчей резолюція О'Брiена была принята большинствомъ шести голосовъ: двадцать делегатовъ голосовали за, шесть противъ, семь отъ голосованія отказались.

Делегатъ Крэгъ заявивъ, что «*конвентъ совершилъ самоубійство*», сложилъ свои полномочія.

Это было совершенно вѣрное опредѣленіе положенія дѣлъ.

Рѣшеніе конвента было струей холодной воды въ «пламя», распространявшееся въ промышленныхъ округахъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовалъ и выбранный комитетъ. *Большинство чартистскихъ вождей превратилось въ пожарныхъ, заливавшихъ пролетарское пламя.* Съ своей стороны правительство при

поддержкѣ какъ либераловъ, такъ и консерваторовъ, дѣйствовало «безъ колебаній»: митинги разгонялись полиціей и войсками, тюрьмы наполнялись политически неблагонадежными. На сѣверѣ Англіи рабочее населеніе было сильно возбуждено: то тамъ, то тутъ прорывалось пламя, говорившее о клокотавшей въ пролетаріатѣ революціонной энергіи. О *мирной* всеобщей стачкѣ «рабочихъ и хозяевъ» теперь не могло быть, конечно, и рѣчи.

6-го августа 1839 года генеральный совѣтъ конвента поступилъ, наконецъ, «рѣшительно» и опредѣленно, обратившись къ рабочимъ съ воззваніемъ-мольбой — отказаться отъ попытки «священнаго мѣсяца». Воззваніе было предложено О'Бріеномъ и одобрено О'Коннором.

«Генеральный Совѣтъ» умолялъ «братьевъ чартистовъ» отказаться отъ проекта священнаго мѣсяца, какъ въ настоящее время крайне «непрактичнаго», но въ то же время совѣтывалъ рабочимъ въ теченіе двухъ или трехъ дней не работать, а устраивать «торжественныя процессіи и торжественные митинги». «Совѣтъ» умолялъ при этомъ организованныхъ рабочихъ дѣйствовать вмѣстѣ съ ихъ болѣе бѣдствующими братьями при устройствѣ «моральной демонстраціи 12 августа», такъ какъ иначе «невозможно спасти страну отъ кровавой революціи, которая, потребовавъ огромныхъ жертвъ жизнями и собственностью, окончилась бы полнымъ подчиненіемъ рабочаго класса капиталистамъ.» Воззваніе положило конецъ вопросу о «священномъ мѣсяцѣ». 12-го августа было собрано много митинговъ, на которыхъ вотированы прошенія королевѣ, чтобы она удалила худыхъ совѣтниковъ и пригласила хорошихъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вождямъ не удалось все же удержать рабочихъ въ границахъ «моральной демонстраціи», и дѣло не обошлось безъ столкновеній съ полиціей и войсками.

Покончивъ со своимъ «священнымъ мѣсяцемъ», конвентъ поспѣшилъ покончить и съ самимъ собой. 6 сентября 1839 г., по предложенію О'Бріена, онъ объявилъ себя распущеннымъ.

Потушить окончательно «пламя» рабочаго движенія было не такъ легко, тѣмъ болѣе, что власти въ своемъ чрезмѣрномъ усердіи невольно раздували его.

Въ ноябрѣ 1839 года въ Уэльсѣ вспыхнули очень серьезные «рабочіе безпорядки». Вечеромъ 4 ноября около десяти тысячъ рабочихъ, преимущественно углекоповъ, двинулись въ Ньюпортъ. Часть изъ нихъ была вооружена. Цѣлью похода было, главнымъ образомъ, освобожденіе изъ тюрьмы арестованныхъ вожаковъ. Въ городѣ были уже «приготовлены войска». Произошло форменное сраженіе: были убитые и раненые. Побѣдителями оказались солдаты.

Гаммаджъ приводитъ по этому поводу трогательное по своей простотѣ письмо одного 18-лѣтняго юноши, написанное къ родителямъ за нѣсколько часовъ до геройской смерти на улицахъ Ньюпорта.

Понтипуль. Воскресенье. Ночь. 4-го ноября 1839 г.

«Дорогіе родители, я надѣюсь это письмо застанетъ васъ такими же здоровыми, какъ я чувствую себя въ данный моментъ. Сегодня ночью я долженъ принять участіе въ славной борьбѣ за свободу; и, если Господу угодно будетъ сохранить мнѣ жизнь, мы скоро увидимся; если нѣтъ, не печальтесь обо мнѣ, мнѣ суждено пасть въ благородномъ дѣлѣ. Простите!

Вашъ вѣрный

Георгъ Шелль.»

№ 6953

Уэльское возстаніе вспыхнуло и быстро погасло, какъ эта молодая жизнь 18-лѣтняго героя!

Гораздо серьезнѣе было ланкаширское движеніе 1842 г., носившее характеръ революціонной всеобщей стачки. Эта стачка вызвана была не агитаціей чартистовъ, а страшной нуждой промышленнаго пролетаріата, она вспыхнула на экономической почвѣ, но тотчасъ пріобрѣла политическій характеръ, и часть чартистовъ старалось использовать ее, какъ боевое средство, для достиженія «народной хартіи».

«Нужда въ фабричныхъ округахъ была въ 1842 г.» — пишетъ Гаммаджъ — «такъ велика и такъ широко распространена, что недовольство трудящихся классовъ достигло крайнихъ предѣловъ. Пониженіе заработной платы слѣдовало за пониженіемъ, такъ что тысячи были принуждены жить буквально подаяніемъ. Въ концѣ іюля въ Эстонѣ, Стэлейбриджѣ и Гайдѣ

созывались митинги, на которыхъ ораторы совѣтывали прекратить работать, чтобы заставить хозяевъ относиться болѣе справедливо къ рабочимъ.»

5-го августа вспыхнула всеобщая стачка въ Эгстонѣ; 7-го августа на митингѣ въ Мотрамъ-Мурѣ было рѣшено не возобновлять работъ, пока «хартія» не сдѣлается закономъ. 8-го августа послѣ митинга въ Гайѣ около Стэлейбриджа толпа двинулась по окрестнымъ фабрикамъ и всюду пріостановила работу. На слѣдующій день толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вооруженная дубинами, со знаменами двинулась въ Манчестеръ. При входѣ въ городъ рабочихъ встрѣтили городскія власти въ сопровожденіи войскъ. Начались переговоры. Вожаки рабочихъ заявили, что ихъ девизъ — миръ, законъ и порядокъ. Тогда войска были уведены, и рабочіе вошли въ городъ; здѣсь они разбились на группы и переходили отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ мастерской къ мастерской, повсюду останавливали работу. Отъ лавочниковъ они требовали хлѣба и денегъ, тѣ не смѣли отказывать. Въ концѣ концовъ всѣ заводы фабрики и мастерскія остановились, лавки были закрыты.

«Въ теченіе трехъ дней» — говоритъ Гаммаджъ — «Манчестеръ представлялъ зрѣлище небывалое въ его исторіи».

12-го августа въ Манчестерѣ собрался митингъ делегатовъ фабричныхъ округовъ, на которомъ обсуждался вопросъ, должна ли стачка продолжаться съ цѣлью повышенія заработной платы или съ цѣлью добиться осуществленія хартіи. Огромнымъ большинствомъ было рѣшено, что стачка должна продолжаться во имя хартіи. Но на слѣдующихъ народныхъ собраніяхъ не разъ еще поднимался вопросъ о цѣли стачки: нѣкоторые видные чартисты высказывались противъ соединенія дѣла хартіи со стачкой, съ другой стороны находились ораторы, считавшіе, что стачка должна вестись лишь за непосредственныя улучшенія матерьяльнаго положенія рабочихъ. Что касается большинства стачечниковъ, то ими руководило не столько стремленіе добиться какой-нибудь опредѣленной цѣли, сколько чувство протеста противъ капиталистическаго угнетенія, отъ котораго они настрадались слишкомъ достаточно. Изъ Манчестера движеніе распро-

странилось на весь ланкаширскій промышленный районъ. Повсюду забастовщики одной фабрики шли къ другой, и возгласовъ: «Кончайте, бастуйте!» было обыкновенно достаточно, чтобы фабрика останавливалась, и къ старымъ забастовщикамъ примыкали новые, и всѣ вмѣстѣ шли дальше. Повсюду лавочники волей неволей дѣлились своими запасами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фабриканты пытались удерживать своихъ рабочихъ отъ прекращенія работы, но тогда стекла разбивались, толпа врывалась въ зданія и останавливала машины; въ нѣкоторыхъ случаяхъ пускались въ ходъ угрозы поджечь фабрику. Изъ Ланкашира движеніе перекинулось въ Іоркширъ. Въ серединѣ августа на 50 миль вокругъ Манчестера вся работа была остановлена; рабочіе были господами положенія, и торговцы не смѣли отказывать имъ въ съѣстныхъ припасахъ.

Власти во многихъ мѣстахъ совершенно растерялись и не знали, что дѣлать; но въ другихъ были пущены въ ходъ войска. Самое кровавое столкновеніе произошло въ Престонѣ, гдѣ въ толпу рабочихъ и работницъ, осыпавшихъ солдатъ камнями, было сдѣлано нѣсколько залповъ, покрывшихъ землю убитыми и ранеными.

Между тѣмъ пламя пролетарскаго протеста стало прорываться и въ другихъ мѣстахъ Англіи. Особенно серьезно было положеніе въ Стафоршірѣ: въ самомъ Стафордѣ пріостановилась вся работа и торговля, во многихъ другихъ городахъ рабочіе толпами ходили по улицамъ, приводя въ ужасъ представителей имущихъ классовъ. Вообще, казалось, Англія вступила въ періодъ побѣдоносной пролетарской революціи, но въ дѣйствительности поднявшаяся революціонная волна, не встрѣтивъ даже серьезнаго сопротивленія, упала, ничего не разбивъ, и отнюдь не пошатнувъ устоевъ капиталистической Англіи.

Въ чемъ же кроется причина этой съ перваго раза странной неудачи революціоннаго взрыва англійскаго рабочаго класса въ 1842 году? Порывъ былъ, но не было сознанія, не было сознанной цѣли, достойной этого порыва. Чартистамъ и сторонникамъ свободной торговли, пытавшимся руководить этимъ движеніемъ, желательны были лишь политическія ре-

формы и расчистка пути для дальнѣйшаго развитія капитализма, но для этого стачечное движеніе 42-го года было слишкомъ пролетарскимъ. Въ то время, какъ цѣлые промышленные округа охвачены были революціонной стачкой, вожди—политики ссорились между собою изъ за того, какую часть буржуазіи слѣдуетъ поддерживать рабочему классу. Движеніе англійскихъ рабочихъ въ 42 году было по своей формѣ пролетарскимъ и соціальнымъ, но передъ нимъ не стояло соціальной цѣли. Рабочіе революціонно протестовали противъ соціальной неправды и соціальнаго угнетенія, но у нихъ не было яснаго представленія о соціальной правдѣ и соціальной свободѣ. Въ нихъ уже была могучая разрушительная сила, но въ нихъ еще не выросла, не развилась сила творческая. Они могли уже остановить все производство, но они не были еще въ состояніи взять его въ свои руки.

Но, если движеніе 42 года не повело къ революціонному перевороту, не пошатнуло устоевъ капиталистическаго общества, то все же оно прошло далеко не безслѣдно. Рабочій классъ Англіи за эти нѣсколько мѣсяцевъ сильно выросъ и выпрямился.

Послѣ 1842 г. рабочія организаціи стали быстро развиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ эксплуатаціи капиталистовъ были поставлены извѣстныя границы. Постепенно англійскіе организованные рабочіе добились у господствующихъ классовъ ряда уступокъ, которые пріостановили вырожденіе трудящихся массъ Англіи. Создались болѣе благопріятныя условія для повседневной борьбы рабочаго класса съ классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эта борьба не стихаетъ, а разгорается, воюющія стороны постоянно стоятъ подъ ружьемъ, и часто вспыхиваетъ бой, вспыхиваютъ стачки.

Англійскія стачки имѣютъ тенденцію становиться *всеобщими* въ томъ смыслѣ, что въ серьезныхъ случаяхъ стачку устраиваютъ *всѣ* рабочіе данной профессіи, напримѣръ, машиностроительной, углекопной и т. д., при этомъ ихъ нерѣдко поддерживаютъ и другіе рабочіе стачками по симпатіи. Стачки при этомъ отличаются иногда необычайнымъ упорствомъ со стороны обѣихъ воюющихъ сторонъ и продолжительностью. Съ крупными стачками обыкновенно соединя-

ются грандіозные митинги и манифестаціи. Изъ массовыхъ англійскихъ стачекъ новѣйшаго времени особенно замѣчательны стачки рабочихъ на лондонскихъ докахъ въ 1889 г. и стачка машиностроительныхъ рабочихъ 1898 года.

Рабочіе лондонскихъ доковъ до этой стачки не были организованы и считались бѣдными изъ бѣдныхъ, обездоленными изъ обездоленныхъ, но тѣмъ не менѣе они проявили во время стачки рѣдкую стойкость, единодушіе и дисциплину.

Стачка этихъ наиболѣе обездоленныхъ изъ англійскихъ рабочихъ вызвала живую поддержку со стороны всѣхъ рабочихъ организацій, изъ которыхъ многіе *забастовали по симпатіи*. Во все время продолженія стачки Лондонъ волновался и по временамъ казалось, что начинается гражданская война. По улицамъ двигались, то красные полки солдатъ, то темныя толпы стачечниковъ-манифестантовъ. Въ процессіяхъ и митингахъ принимало участіе до сорока тысячъ и болѣе рабочихъ.

Вотъ какъ описываетъ одну изъ этихъ процессій стачечниковъ очевидецъ шведскій писатель Густавъ Стефенъ въ своихъ «Очеркахъ современной Англіи»*).

«Курьерскій поѣздъ мчитъ насъ мимо восхитительно зеленѣющихъ долинъ, и, пролетѣвъ тунель, останавливается въ подземномъ Лондонѣ. Изъ газетъ мы узнаемъ, что къ стачкѣ примкнули и другіе рабочіе, кромѣ рабочихъ въ докахъ; что вызваны войска; что хозяева доковъ несутъ огромные убытки вслѣдствіе забастовки, и т. д. Закоптѣлыя станціи, какъ и всегда кишатъ народомъ, но необычайнымъ является здѣсь присутствіе въ 11 часовъ утра такой массы рабочихъ. Собравшись въ густыя толпы, они ведутъ переговоры, и озабочены однимъ и тѣмъ же дѣломъ, поглотившимъ всѣ ихъ интересы. И когда мы изъ грязной станціи Альтатанъ въ Истъ-Ендѣ, выходимъ на улицу, то убѣждаемся, что «Лондонъ бѣдныхъ» имѣетъ дѣйствительно видъ, подтверждающій газетныя сообщенія о необычайномъ возмущеніи въ Истъ-Ендѣ. По широкимъ мостовымъ Уайтчапеля гремятъ, по обыкновенію безчисленные фургоны и омнибусы; но на тротуарахъ стоятъ безконечно густыя толпы людей, которые, какъ

*) «Жизнь» 1898 г. т. №9, стр. 272.

видно, ждутъ чего-то чрезвычайнаго. И оно наступаетъ. Отъ самаго конца восточной части Коммерсіальрода, гдѣ виднѣются массивныя, точно крѣпостныя, ворота Вестъ-Ендскихъ и Истъ-Ендскихъ доковъ, приближается, извиваясь, черная чудовищная змѣя, которая превращаетъ эту улицу и даже всю эту часть города въ исполинскій муравейникъ. Въ полномъ порядкѣ, строго и тихо движется толпа по десяти человѣкъ въ рядъ, неся съ собой развѣвающіеся знамена и флаги, съ различными надписями, гласящими о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ. Барабанщики и гарнисты разсѣяны между отдѣльными партіями, а на высокихъ телѣгахъ красуются лодки, подъемныя машины, тачки для каменнаго угля и мѣшки для зерна, которые служатъ какъ бы эмблемами рабочихъ, разгружающихъ и нагружающихъ суда и занимающихся перевозкой угля. Съ этой цѣлью многіе изъ участниковъ демонстраціи несутъ на своихъ плечахъ лопаты, клещи, молотки и желѣзныя полосы. Такъ проходятъ они мимо насъ, старые и молодые, иногда крѣпкіе издоровые, но большей частью тощіе и изнуренные, немногіе въ приличномъ, хотя и потертомъ платьѣ, а остальные же въ отвратительныхъ лохмотьяхъ.

Зрѣлище становится постепенно все оживленнѣе. *Изъ мелочныхъ и съѣстныхъ лавокъ выходятъ люди и раздаютъ пищу участникамъ процессіи.* Народная толпа сочувственно привѣтствуетъ ихъ, и въ благодарность имъ раздается громкое ура со стороны стачечниковъ».

Стачка окончилась побѣдою рабочихъ: хозяевамъ пришлось выполнить предъявленныя забастовщиками требованія. Но, что особенно важно—единеніе между «бѣдными изъ бѣдныхъ» и «обездоленными изъ обездоленныхъ», проявившееся во время стачки, было укрѣплено образованіемъ союза (трэдъ уніона) доковыхъ рабочихъ. Одновременно, подъ вліяніемъ этой же грандіозной стачки, образовались новые союзы рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, на газовыхъ заводахъ, моряковъ и даже сельскихъ батраковъ. Эти новые *трэдъ-уніоны* проникнуты болѣе демократическимъ и болѣе боевымъ духомъ, чѣмъ трэдъ-уніоны старые, и ихъ образованіе является началомъ новой эры въ англійскомъ рабочемъ движеніи.

Стачка машиностроительныхъ рабочихъ велась одной изъ самыхъ сильныхъ рабочихъ организацій Amalgated Society of Engineers, насчитывающей болѣе 92.000 членовъ и располагающей кассой съ 3 милліонами рублей. Со стороны хозяевъ выступила федерація отъ предпринимателей машиностроительнаго производства съ капиталомъ въ милліардъ рублей. Стачечники требовали введенія восьмичасового рабочаго дня и ограниченій хозяйскаго произвола въ установленіи условій труда. Стачка продолжалась болѣе шести мѣсяцевъ, съ іюля 1897 г. по февраль 1898 г. Рабочимъ эта стачка обошлась, если счесть потерянный заработокъ, приблизительно въ 46 милліоновъ рублей, фабрикантамъ въ 56 милліоновъ рублей.

Побѣжденными этотъ разъ оказались рабочіе, побѣжденными, но не разбитыми. Пораженіе не ослабило ихъ организаціи, напротивъ, число членовъ увеличилось, касса быстро заполнилась, а главное, съ тѣхъ поръ машиностроительные рабочіе прониклись болѣе боевымъ, болѣе революціоннымъ духомъ и сдѣлали крупный шагъ впередъ къ пролетарскому соціализму. *Стачка, разъ она длится нѣсколько мѣсяцевъ и охватываетъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ, всегда огромная побѣда для пролетарскаго движенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для пролетарскаго освобожденія, каковы бы не были ея непосредственные результаты.*

«Мы — граждане великой свободной страны — говоритъ отчетъ Центральнаго союза машиностроительныхъ рабочихъ за 1901 г. — «и наши обязанности не кончаются заботою о своей профессіи, если и можно сказать, что онѣ этимъ начинаются... Союзъ машиностроительныхъ рабочихъ будетъ продолжать являться не только хранителемъ ихъ интересовъ, но и дѣятельнымъ факторомъ для приближенія того хорошаго времени, когда всеобщій принципъ товарищеской работы будетъ признанъ въ обществѣ, что обезпечитъ каждому пользованіе полнымъ продуктомъ его труда.»

Неудачей окончилась и пятимѣсячная стачка углекоповъ 1898 г., въ которой участвовало болѣе 100.000 человѣкъ. Требованіе углекоповъ отмѣнить «подвижную скалу заработной платы въ зависимости отъ продажной цѣны угля», не было исполнено. Но и эта

стачка въ конечномъ счетѣ принесла пользу рабочему движенію: нижне-ульскіе углекопы, до тѣхъ поръ не организованные, рѣшили основать свой профессіональный союзъ (трэдъ-уніонъ) и войти въ національную федерацію углекоповъ.

Всѣхъ организованныхъ въ «союзы» (трэдъ-уніоны) въ Англіи въ настоящее время около 2 милліоновъ. Средства союзовъ съ 1892 по 1900 г. болѣе, чѣмъ удвоились. Къ концу 1900 г. 100 главныхъ союзовъ, охватывающихъ $^2/_3$ всѣхъ организованныхъ рабочихъ, имѣли въ своихъ кассахъ около 37 милліоновъ рублей. «Трэдъ-уніоны» начинаютъ соединяться въ *мѣстные* союзы, охватывающіе трэдъ-уніоны отдѣльныхъ профессій одной и той же мѣстности, для взаимной поддержки въ борьбѣ. Связью между всѣми трэдъ-уніонами, являются ежегодные конгрессы и парламентскій комитетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ руководителей трэдъ-уніоновъ. Съ 1899 г. образовался «всеобщій союзъ трэдъ-уніоновъ» опять таки съ цѣлью взаимной поддержки во время стачекъ.

На ряду съ профессіональными союзами (трэдъюніонами или синдикатами) для борьбы англійскаго рабочаго класса имѣютъ большое значеніе и производительно-потребительныя товарищества. Эти товарищества имѣютъ въ настоящее время болѣе 2-хъ милліоновъ членовъ, ихъ годовой *оборотъ* равняется почти 900 милліонамъ рублей. Собственное производство продуктовъ превышаетъ 50 милліоновъ рублей. Товарищества объединены въ «союзъ», парламентомъ котораго является ежегодный конгрессъ. На Донкастерскомъ конгрессѣ 1903 г. присутствовало 1400 делегатовъ и нѣсколько «гостей» изъ Германіи, Швейцаріи и т. д. На этомъ конгрессѣ было рѣшено, между прочимъ, устроить школы, гдѣ бы вырабатывались знающіе служащіе для предпріятій потребительно-производительныхъ товариществъ.

Ростущая организованность англійскихъ рабочихъ и ихъ «мирная борьба» очень тревожатъ, конечно, англійскихъ капиталистовъ. Они призываютъ на помощь одно изъ трехъ лицъ государственной власти — власть судебную, которая въ Англіи въ высшей инстанціи, палатѣ лордовъ, сливается съ властью законодательной, и государственная власть, разумѣется, спѣ-

шитъ угодить господамъ капиталистамъ. Призывъ на помощь послѣдовалъ въ 1900 г. по поводу стачки всѣхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ тафвалевской компаніи. По окончаніи стачки желѣзнодорожная компанія начала противъ союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ процессъ, требуя покрытія убытковъ, причиненныхъ стачкой. Въ мотивахъ указывалось, что стачечники въ борьбѣ съ компаніей не только нарушили договоръ, но и дѣйствовали при этомъ незаконными средствами, выставляя сторожевые посты или пикеты, останавливавшіе рабочихъ, желавшихъ работать. Суду приходилось разрѣшить вопросъ о допустимости отвѣтственности всего рабочаго союза за дѣйствіе отдѣльныхъ членовъ его и о законности или незаконности стачечныхъ пикетовъ. Судъ во всѣхъ инстанціяхъ до палаты лордовъ включительно рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу компаніи, и касса союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ опустошена, чтобы покрыть судебныя издержки и уплатить «убытки» компаніи. Очень характерно, что капиталисты прибѣгли къ помощи судебной власти, сперва по поводу желѣзнодорожной стачки, которая всегда представляетъ совершенно особую опасность для капиталистическаго производства, но успѣхъ желѣзнодорожной компаніи повелъ за собою цѣлый рядъ подобныхъ же процессовъ въ другихъ отрасляхъ капиталистическаго хозяйства. Рабочіе пробовали обратиться къ защитѣ нижней палаты, но и та оказалась, конечно, на сторонѣ капиталистовъ. Это столкновеніе съ государственной властью, будь она парламентская, будь она самодержавная, къ которому неизбѣжно ведетъ классовая борьба рабочаго класса, не разобьетъ, конечно, организацій англійскаго рабочаго класса, но можетъ быть излечитъ его отъ излишняго миролюбія.

Революціонные соціалдемократы очень много говорятъ за послѣднее время о буржуазности англійскаго рабочаго класса, о неспособности его проникнуться соціалистическими идеями и т. д.

Выслушивая и читая эти презрительные отзывы объ англійскомъ пролетаріатѣ, я невольно вспоминаю то, что писалъ Каутскій въ 1893 г. въ своей не разъ уже нами цитированной работѣ «Der Parlamentarismus ect» по поводу отношеній между англійской буржуазіей и англійскимъ пролетаріатомъ. «Она (либераль-

ная партія) фактически плѣнница рабочаго пролетаріата, благодаря его экономическому значенію и политической силѣ, которую онъ черпаетъ изъ избирательнаго права. Либералы въ настоящее время съ болью въ сердцѣ видятъ себя вынужденными дѣлать рабочимъ уступки и на счетъ промышленныхъ капиталистовъ, и не только на счетъ поземельныхъ собственниковъ.

«Куда оно поведетъ это развитіе и куда оно должно повести — ясно: либеральная партія въ скоромъ времени будетъ доведена до той точки, гдѣ ей придется рѣшать, желаетъ ли она остаться буржуазной партіей или сдѣлаться чисто рабочей партіей. Если она рѣшится на первое, то она разорветъ съ рабочими, а это неизбѣжно приведетъ ее къ гибели, такъ какъ число ея приверженцевъ быстро исчезаетъ въ буржуазныхъ кругахъ и оно слишкомъ мало, чтобы сохранить ея жизнеспособность. Но за ней поднимается независимая рабочая партія, которая изъ каждаго колебанія, изъ каждаго сопротивленія либеральной партіи по отношенію къ пролетаріату, получаетъ новую пищу, и она заступила бы ея мѣсто въ тотъ моментъ, когда либералы захотѣли бы крикнуть рабочимъ: До сихъ поръ, но не дальше. Но, если у либераловъ не окажется на это мужества, если они позволятъ толкать себя далѣе по пути уступокъ рабочимъ, тогда возможно, что они воспрепятствуютъ образованію соціалдемократической рабочей партіи. Но это удалось бы либеральной партіи лишь въ томъ случаѣ, если бы она сама развилась въ соціалдемократію: всѣ элементы, имѣющіе интересъ въ капиталистической эксплуатаціи исчезли бы изъ нея, а изъ буржуазныхъ составныхъ частей остались бы лишь перебѣжчики изъ буржуазіи порвавшіе съ капиталистическимъ обществомъ».

Мы приводимъ эти слова Каутскаго не потому, чтобы мы были съ ними согласны — мы не можемъ себѣ представить превращенія или «развитія» либеральной партіи въ соціалдемократію, если, конечно, подъ соціалдемократіей понимать не редакцію «Искры» и «Зари», а рабочій классъ, сознавшій свои интересы, — но намъ важно было напомнить, что Каутскій, который въ настоящее время очень презрительно отзывается о революціонности англійскаго пролетаріата, еще такъ недавно заявлялъ, что экономическая и по-

литическая мощь этого пролетаріата такъ велика, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ политическихъ представителей буржуазіи. Если его сужденіе объ англійскомъ пролетаріатѣ въ 1893 г. было невѣрно, то можно думать, что въ этомъ отношеніи онъ ошибается и въ 1903 г.

Мы не думаемъ, чтобы англійская либеральная партія была плѣнницей англійскаго пролетаріата, но мы полагаемъ, что имѣется достаточно несомнѣнныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ, организованности и сознательности въ англійскомъ пролетаріатѣ. Мы думаемъ также, что англійскіе трэдъ-уніоны и потребительно-производительныя товарищества будутъ имѣть огромное *творческое* значеніе въ пролетарской соціальной революціи. Что касается до всеобщей стачки, какъ главнаго средства въ пролетарской революціи, то она подготовляется стачками профессіональными, стачками «по симпатіи, подготовляется «эволюціонно» и неизбѣжно, не смотря на то, что ее въ настоящее время почти никто въ Англіи не проповѣдуетъ.

Неблагопріятнымъ моментомъ для революціоннаго воспитанія англійскаго пролетаріата являлась до сихъ поръ его оторванность отъ пролетаріата другихъ странъ, но развитіе всего человѣческаго общества усердно заботится о томъ, чтобы парализовать условія, создавшія эту обособленность.

Въ 1897 году на Бирмингамскомъ конгрессѣ трэдъюніоновъ было отвергнуто предложеніе объ учрежденіи международныхъ съѣздовъ, а въ 1898-мъ году на Бристольскомъ конгрессѣ почти единогласно была принята резолюція, рекомендующая «парламентскому комитету позаботиться объ установленіи обмѣна отчетами съ иностранными рабочими союзами, объ устройствѣ международныхъ конгрессовъ однородныхъ отраслей труда и вообще о международной сплоченности рабочихъ».

И дѣйствительно за послѣдніе годы на всѣхъ международныхъ конгрессахъ рабочихъ одной и той же спеціальности англичане принимаютъ самое дѣятельное участіе. Такъ на 13-мъ международномъ конгрессѣ углекоповъ, засѣдавшемъ въ маѣ 1902 г. въ Дюссельдорфѣ, отъ Англіи было 42 делегата, представлявшихъ 705.000 рабочихъ. При обсужденіи вопроса о восьми-

часовомъ рабочемъ днѣ англійскіе депутаты рѣшительно высказывались противъ мирныхъ соглашеній съ хозяевами. «30 лѣтъ рабочіе надѣялись на такія соглашенія и ничего не получили, только борьбою они могутъ добиться для себя желательныхъ результатовъ».

На международномъ конгрессѣ рабочихъ, занятыхъ въ ткацко-прядильной промышленности, засѣдавшемъ въ Цюрихѣ въ іюнѣ 1902 года, изъ 69-ти делегатовъ, представителей 277.390 организованныхъ рабочихъ, на Англію приходилось 29 делегатовъ, представлявшихъ 50.000 рабочихъ. По предложенію англійскихъ делегатовъ конгрессъ принялъ предложеніе объ учрежденіи международной стачечной кассы. При внесеніи этой резолюціи англійскіе делегаты указывали, что англійскіе рабочіе менѣе всѣхъ заинтересованы въ стачечной кассѣ, но понимаютъ всю ея необходимость для континентальныхъ товарищей.

Дѣятельное участіе представителей англійскаго рабочаго класса въ созданіи международной рабочей организаціи видно изъ того, что конференція секретарей рабочихъ союзовъ разныхъ странъ собралась въ іюлѣ 1903 года въ столицѣ Ирландіи, Дублинѣ. На этой конференціи присутствовали представители Англіи, Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Голландіи и Норвегіи. Конференція, между прочимъ, обсуждала вопросъ о поддержкѣ международнымъ пролетаріатомъ стачекъ въ отдѣльныхъ странахъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что англійскій пролетаріатъ самымъ живымъ и дѣятельнымъ образомъ принимаетъ участіе въ созданіи орудій для борьбы съ капитализмомъ на международной почвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и условій *для международныхъ всеобщихъ стачекъ.*

Въ **Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ** буржуазія еще раньше, чѣмъ во Франціи, провозгласила «права человѣка» и «равенство всѣхъ людей», она родилась вмѣстѣ съ политической свободой, она не знала никакихъ пережитковъ феодальнаго строя, но, можетъ быть, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ политическая свобода буржуазіи не «*дополнялась*» въ такой степени *экономическимъ деспотизмомъ надъ трудящимися*, какъ въ сѣвероамериканской «демократической

республикѣ». Въ теченіе почти столѣтія послѣ провозглашенія «правъ человѣка» и «равенства всѣхъ людей» милліоны негровъ находились тамъ въ рабствѣ, и это рабство было отмѣнено лишь тогда, когда оно сдѣлалось *невыгоднымъ* болѣе сильной части сѣвероамериканской буржуазіи. Но экономическій деспотизмъ безпощадно давилъ не однихъ только чернокожихъ тружениковъ, онъ распространялся и на тружениковъ бѣлокожихъ. Но бѣлокожіе труженики были, большею частью, пролетаріи, и у нихъ было свое пролетарское средство борьбы—*стачка*, и сила его росла вмѣстѣ съ ростомъ пролетаріата.

«Всеобщая подача голосовъ»—говоритъ извѣстный нѣмецкій и американскій соціалдемократъ Зоргэ — «это пресловутое оружіе рабочаго класса сдѣлалось въ Сосединенныхъ Штатахъ сильнѣйшимъ средствомъ порчи и власти буржуазныхъ классовъ, буржуазіи».

Другое дѣло — стачка. Она сдѣлалась въ Соединенныхъ Штатахъ сильнѣйшимъ средствомъ борьбы и возрожденія рабочаго класса, пролетаріата.

Значеніе и опасность для буржуазіи сѣвероамериканскихъ стачекъ постигли нѣкоторые представители третьяго лица государственной троицы еще въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Приговаривая стачечниковъ къ денежному штрафу одинъ изъ Нью-іорскихъ судей замѣтилъ въ 1836 году: «Это не только споръ между хозяевами и рабочими, это столкновеніе, отъ котораго можетъ пострадать *гармонія всего союза*» (Соединенныхъ Штатовъ), гармонія безудержной наживы, — прибавимъ мы отъ себя.

Для американскихъ же рабочихъ стачка съ самого начала явилась, по справедливому замѣчанію одного изъ членовъ статистическаго бюро въ Нью-Іоркѣ, «жертвой въ настоящемъ для блага въ будущемъ».

Американскія стачки имѣютъ для воспитанія классоваго чувства и сознанія рабочаго класса тѣмъ большее значеніе, что очень большой процентъ среди нихъ составляютъ *стачки по симпатіи*, гдѣ рабочіе терпятъ лишенія и приносятъ жертвы исключительно для того, чтобы поддержать своихъ товарищей на другой фабрикѣ и въ другой области производства.

«Эффектъ отъ этихъ стачекъ по симпатіи» — гово-

ритъ нью-іоркскій статистикъ—«огроменъ; несомнѣнно больше, чѣмъ отъ стачекъ прямыхъ».

«Стачки по симпатіи» сдѣлались въ Соединенныхъ Штатахъ столь обычнымъ явленіемъ, что въ договоръ о наймѣ стали вноситься оговорки о правѣ рабочаго прекратить работу для поддержки стачки въ другомъ производствѣ.

Съ 1887 по 1894 годъ «стачки по симпатіи» коснулись 3.620 предпріятій. Въ 1892 году въ одномъ лишь штатѣ Нью-Іоркѣ «стачки по симпатіи» остановили работу въ 738 мастерскихъ съ 6.943 рабочими; при этомъ рабочіе потеряли около 500 тысячъ рублей заработной платы; но за то одержана была побѣда надъ 377 хозяевами.

Первая, или по крайней мѣрѣ первая, попавшая въ исторію американскаго рабочаго движенія, стачка произошла въ 1781 г.*). Это была стачка булочниковъ въ Нью-Іоркѣ. Вторая извѣстная стачка произошла въ 1796 году. Это была стачка сапожниковъ въ Филадельфіи. Это были лишь слабые предвѣстники настоящаго стачечнаго движенія, которое началось во второй половинѣ 30-хъ годовъ, когда въ Соединенныхъ Штатахъ нарождается крупная промышленность, когда тамъ, по замѣчанію Зорге, совершается революція болѣе важная, чѣмъ іюльская, — революція въ способахъ передвиженія. Штаты начинаютъ покрываться желѣзнодорожною сѣтью, а вмѣстѣ съ тѣмъ выростаютъ всевозможные заводы и фабрики. Съ этого времени не проходитъ года безъ нѣсколькихъ стачекъ, но всѣ эти стачки носятъ частичный характеръ и длятся недолго. Первый періодъ промышленно-капиталистическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и первый періодъ стачечнаго движенія, продолжается до войны за освобожденіе невольниковъ въ серединѣ 60 годовъ. Послѣ войны промышленность и капитализмъ начинаютъ шагать гигантскими шагами. Накопляются огромные капиталы, число пролетаріевъ увеличивается

*) Данныя для исторіи стачекъ въ Соединенныхъ Штатахъ мы заимствуемъ главнымъ образомъ изъ сочиненія E. Levasseur «L'ouvrier americain» и изъ статей F. A. Sorge «Die Arbeiterbewegung in den Vereinigten Staaten», напечатанныхъ въ «Die Neue Zeit» за 1890—1891 годъ.

необычайно быстро, какъ вслѣдствіе мѣстной экспропріаціи мелкихъ собственниковъ, такъ и вслѣдствіе наплыва изъ Европы тружениковъ, экспропріированныхъ уже у себя на родинѣ. За пышнымъ расцвѣтомъ промышленности слѣдуетъ въ 70-хъ годахъ промышленный кризисъ, и во время него революціонное недовольство пролетаріата прорывается знаменитою стачкою желѣзнодорожныхъ служащихъ въ іюлѣ 1877 года. Стачка началась въ Мартинсбургѣ (западной Виргиніи). Компанія бальтиморской и огейской желѣзной дороги сократила плату своимъ служащимъ на 10%. Рабочіе отправились къ предсѣдателю компаніи, чтобы разъяснить ему, что подобное сокращеніе не даетъ имъ возможности содержать свои семьи, но предсѣдатель не пожелалъ выслушать рабочихъ. Тогда 600 человѣкъ забастовало и заставило присоединиться къ стачкѣ остальныхъ служащихъ. Поѣзда были остановлены, движеніе прекратилось по всей линіи. Компанія, разумѣется, обратилась ко второму лицу государственной троицы, къ власти исполнительной, и губернаторъ западной Виргиніи прислалъ ей на помощь *милицію*. Стачечники не испугались, тѣмъ болѣе, что часть ихъ была вооружена. Воюющія стороны обмѣнялись выстрѣлами. На сторону стачечниковъ встало большинство населенія, и улицы Бальтиморы заполнились толпами возбужденнаго народа. Положеніе милиціи и губернатора сдѣлалось критическимъ и онъ принужденъ былъ обратиться къ президенту союза С.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и въ Бальтимору явились союзныя войска. Ихъ попытки очистить улицы и возстановить порядокъ потерпѣли сначала неудачу. Между тѣмъ движеніе стало распространяться, принимая форму всеобщей стачки. Оно достигло Питсбурга, гдѣ забастовали рабочіе-служащіе пенсильванской желѣзной дороги. Прежде всего стачечники завладѣли стрѣлками и остановили движеніе. Около станціи на полотнѣ желѣзной дороги собралась тысячная толпа. Полиція съ шерифомъ во главѣ оказалась безсильной. Губернаторъ двинулъ войска, явившіеся не только съ ружьями, но даже и съ пушкой. Стачечники встрѣтили войска выстрѣлами, началась перестрѣлка. Толпа, захватившая оружейные магазины, заставила солдатъ отступить и овладѣла пушкой. Послѣ этого желѣзно-

дорожные магазины, 126 локомотивовъ и 600 вагоновъ были сожжены. Движеніе распространялось все далѣе. Поѣзда были остановлены на многихъ другихъ линіяхъ. Стачкой охвачены были и Чикаго и Канзасъ. Такъ продолжалось нѣсколько недѣль, но въ концѣ концовъ, какъ и въ Англіи въ 1842 году, какъ до извѣстной степени у насъ въ 1903 году, революціонно-стачечная волна стала спадать сама собою, не давъ стачечникамъ никакихъ положительныхъ выгодъ, но послуживъ могучимъ ударомъ молота, кующаго мечъ пролетаріата для освобожденія всего человѣчества. И новыя стачки, отъ которыхъ все больше и больше дрожитъ и колеблется экономическій деспотизмъ демократической республики, заботятся о томъ, чтобы мечъ, не ржавѣлъ, а закалялся все сильнѣе.

За шесть лѣтъ съ 1881 по 1886 годъ въ Соединенныхъ Штатахъ было 3.902 стачки, захватившіе 22.304 фабрики и мастерскія; общее число стачечниковъ равнялось 1.323.000 человѣкъ. Въ среднемъ на годъ приходилось за этотъ періодъ около 650 стачекъ; въ періодъ съ 1888 по 1894 г. это среднее число поднялось до 1.292.

«Зловѣщій гулъ нѣкоторыхъ изъ этихъ стачекъ (съ 1888 по 1894 годъ) донесся до Европы», замѣчаетъ Лавассеръ, этотъ типичный буржуа, для котораго массовыя стачки не могутъ не быть «зловѣщими».

Въ стачкѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ 1887 года участвовало болѣе 30.000 человѣкъ; всеобщая стачка углекоповъ 1894 г. охватила весь углепромышленный районъ въ 11 штатахъ; въ ней приняло участіе 130.000 человѣкъ, и она повела къ сильному «угольному голоду». Но особенно зловѣщими для буржуазіи были стачки Гомстедовская 1892-го года и Пульмановская 1894 года.

Гомстедъ — промышленный городокъ на берегу Мононгагелы, недалеко отъ Питсбурга; здѣсь находится большой сталелитейный заводъ, принадлежащій «Carnegie Steel Company», у которой кромѣ гомстедовскаго имѣется въ томъ же Питсбургскомъ округѣ еще нѣсколько заводовъ. Въ Гомстедѣ работало 3.800 человѣкъ; изъ нихъ лишь 800 были организованы, остальные 3.000, большей частью иностранцы (богемцы, венгры и т. д.), ни къ какому рабочему союзу (трэдъ-

юніону) не принадлежали. Конфликтъ изъ за размѣра заработной платы возникъ между компаніей и организованными рабочими, но къ послѣднимъ тотчасъ по объявленіи стачки присоединились и всѣ неорганизованные рабочіе.

«Рабочій союзъ» прежде всего выбралъ «Совѣщательный комитетъ» («Advisory committee»), который немедленно (24 іюня) организовалъ всѣхъ стачечниковъ «по военному». Было образовано три смѣны, изъ которыхъ каждая подъ руководствомъ своихъ вождей несла службу въ теченіе 8 часовъ. 800 славянъ и венгерцевъ организовались въ особый «резервъ». «Часовые» заняли всѣ выходы изъ завода. Рабочіе «расположились лагеремъ» на берегу Мононгагелы. Одинъ изъ отрядовъ занялъ вокзалъ желѣзной дороги, и былъ данъ приказъ останавливать всѣхъ, не имѣющихъ «пропуска» отъ Комитета. На дорогахъ, ведущихъ къ Гомстеду, поставлены аванпосты; за движеніемъ по рѣкѣ наблюдаетъ небольшой пароходъ и нѣсколько лодокъ: выработана цѣлая система сигналовъ флагами, свистками и огнями. Однимъ словомъ мѣстность «занята» рабочими.

Попытка питсбургскаго шерифа (начальника полиціи) проникнуть на заводъ, окончилась неудачей, и онъ былъ даже принужденъ обратиться за помощью къ рабочему «комитету», чтобы избѣжать «непріятностей со стороны стачечниковъ».

Между тѣмъ «компанія» наняла триста «пинкертоновскихъ людей» *), вооружила ихъ скорострѣльными ружьями, револьверами и двинула на баркахъ, буксируемыхъ пароходомъ, по Мононгагелѣ въ Гомстедъ. «Пинкертовскихъ людей» сопровождалъ представитель «компаніи» и помощникъ шерифа. «Экспедиція» снаряжена была тайкомъ, и предполагалось, что, высадившись ночью въ Гомстедѣ, она захватитъ стачечниковъ врасплохъ.

---

*) Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ «агентство Пинкертона», представляющее изъ себя какъ бы частное «третье отдѣленіе». У него цѣлая армія сыщиковъ, оно беретъ на себя надзоръ за поведеніемъ того или другого лица, снабжаетъ фабрикантовъ «сыщиками-рабочими», слѣдящими за настроеніемъ рабочихъ и т. д.; все это, разумѣется, по соотвѣтствующей «таксѣ».

Но на дѣлѣ на удалось соблюсти тайны, не удалось и высадиться ночью. Экспедиція прибыла въ 4 часа утра, и была встрѣчена стачечниками, готовыми къ оборонѣ. Началась перестрѣлка. Нѣсколько человѣкъ изъ «пинкертоновскихъ людей» были ранены, въ томъ числѣ ихъ «капитанъ»; высадиться не удалось ни одному человѣку. Полковникъ, исполнявшій должность помощника шерифа, забралъ раненыхъ и отправился на пароходѣ, чтобы ствести ихъ въ ближайшій госпиталь. Барка, изъ которыхъ одна была блиндирована (покрыта броней), остались съ «людьми» на серединѣ рѣки подъ выстрѣлами рабочихъ. Пароходъ съ возвращавшимся на мѣсто битвы полковникомъ былъ встрѣченъ такимъ сильнымъ огнемъ, что поспѣшилъ ретироваться въ Питсбургъ, оставивъ «людей» въ отчаянномъ положеніи. Стачечники пытались взорвать и поджечь «барки»; попытка не удалась; но послѣ усиленной перестрѣлки «пинкортоновскіе люди» выкинули, наконецъ, бѣлый флагъ, отдавшись, безъ всякихъ условій въ распоряженіе «Совѣщательнаго комитета». На баркахъ оказалось семь убитыхъ и болѣе 20 раненыхъ. Стачечники потеряли убитыми 11 человѣкъ. Отъ гнѣва рабочихъ плѣнныхъ «пинкертоновскихъ» шпіоновъ спасъ «Совѣщательный комитетъ».

На другой день предсѣдатель «Совѣщательнаго комитета» отправился къ губернатору штата съ заявленіемъ, что въ Гомстедѣ все спокойно, что собственность компаніи охраняется самими рабочими и что безполезно созывать милицію, такъ какъ это могло бы произвести нежелательное дѣйствіе на настроеніе рабочихъ. Между тѣмъ движеніе стало распространяться и на Питсбургъ. Государственная власть приняла рѣшительныя мѣры. Въ Гомстедѣ было объявлено военное положеніе, и туда двинуты войска подъ командой генерала Сновдена. На этотъ разъ стачечники не оказали сопротивленія. Многіе изъ вожаковъ были арестованы и, преданные высшему суду Филадельфіи, приговорены къ тяжкимъ наказаніямъ за «государственную измѣну».

«Среди рабочаго населенія»—говоритъ Лавассеръ—«долго еще сохранялось сильное возбужденіе; опьяненныя событіями, рабочіе дошли до того, что стали смотрѣть на заводъ, какъ на свою собственность,

считали узурпаціей возвращеніе правъ настоящимъ собственникамъ и непростительнымъ оскорбленіемъ появленіе другихъ рабочихъ, принявшихъ новый тарифъ».

— Думаете ли Вы, что стачка принесла какую-нибудь выгоду труду?—спросилъ одного рабочаго предсѣдатель сенаторской комиссіи производившей разслѣдованіе по поводу гомстедовскихъ событій.

— Она была урокомъ, какъ всѣ стачки.

— Какимъ урокомъ?

— Это научаетъ рабочихъ приготовляться къ слѣдующей стачкѣ...

Гомстедовская стачка урокъ серьезный и важный, но еще болѣе серьезнымъ и важнымъ урокомъ является *Пулльмановская стачка 1894 года*, повлекшая за собою одну изъ самыхъ грандіозныхъ «всеобщихъ стачекъ по симпатіи», отъ которыхъ когда-либо дрожалъ буржуазный міръ.

Пульманъ устроилъ около Чикаго своего рода Юзовку. На своей собственной землѣ онъ построилъ не только огромные заводы — мастерскія для приготовленія желѣзнодорожныхъ вагоновъ, но и дома для рабочихъ. Образовался «городъ Пульмана» съ 14,000 жителей—рабочихъ, для которыхъ Пульманъ является хозяиномъ не только, какъ фабрикантъ, но и какъ владѣлецъ всѣхъ домовъ. Такое совмѣщеніе фабрикантамъ очень пріятно, такъ какъ усиливаетъ зависимость рабочихъ. Предпріимчивый Пульманъ не только строитъ вагоны, но отчасти и самъ ихъ эксплуатируетъ по соглашенію съ американскими желѣзнодорожными компаніями: на всѣхъ американскихъ линіяхъ хорошо извѣстны удобные «Pullmanu Cars». «Предпріимчивость» приноситъ мистеру Пульману очень «хорошіе» доходы, но они не ограждены отъ колебаній, вызываемыхъ промышленными кризисами. Во время кризиса 1893 г. доходы Пульмана начали падать, и онъ для «возстановленія равновѣсія» поспѣшилъ понизить заработную плату «своимъ» рабочимъ, сохранивъ, разумѣется, прежнюю цѣну на «свои» квартиры. Рабочіе заволновались и отправились объясняться съ Пульманомъ, но тотъ былъ непоколебимъ. Въ 1892 — 93 г. г. дѣла шли, по его словамъ, сносно, онъ получилъ чистаго дохода милліоновъ 8 или 10, но теперь, дай Богъ, и половину собрать. И справедливо ли со стороны ра-

бочаго жаловаться, теряя какихъ-нибудь 100 рублей въ годъ, когда самъ Пульманъ теряетъ, быть можетъ, цѣлыхъ 5 милліоновъ рублей.

Пульманъ былъ «добрый баринъ» и очень мило разъяснялъ это всегда «своимъ» рабочимъ, но у тѣхъ былъ злой совѣтчикъ и подстрекатель — голодъ, не давшій имъ «успокоиться». Въ концѣ концовъ съ обѣихъ сторонъ одновременно была объявлена война.

Рабочіе уже рѣшили объявить стачку, такъ Пульманъ объявилъ локаутъ (закрытіе мастерскихъ).

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль стачка была мирной и частичной. Рабочіе голодали, но не позволяли себѣ никакихъ насилій и оберегали хозяйское добро. Пульманъ потиралъ руки отъ удовольствія, находя, что стачка недурно уравновѣшиваетъ кризисъ и продолжалъ собирать хорошіе доходы со своихъ многочисленныхъ вагоновъ, катавшихся по всей Сѣверной Америкѣ. Къ концу іюня *) статечники стали ослабѣвать и готовы были сдаться, когда на помощь имъ пришли желѣзнодорожные рабочіе. 25 іюня на конгрессѣ въ Чикаго «союзъ рабочихъ американскихъ желѣзныхъ дорогъ» постановилъ поддержать «пульмановскихъ рабочихъ» всеобщей стачкой по симпатіи. Это рѣшеніе поддержано было и рабочимъ орденомъ «рыцарей труда».

Съ другой стороны на помощь къ Пульману является союзъ желѣзнодорожныхъ компаній. Движеніе принимаетъ характеръ гражданской войны. Сначала бойкотируются лишь «вагоны Пульманы»: ихъ отказываются прицѣплять, смазывать и т. д., но затѣмъ вообще останавливается все движеніе на цѣломъ рядѣ важныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Такъ въ теченіе двухъ недѣль между Нью-Іоркомъ и Санъ-Франциско не перевозятся ни товары, ни почта. Въ самомъ Чикаго стачка переходитъ въ возстаніе. Стачечники поджигаютъ зданія всемірной выставки и, пока пожарные гасятъ начавшійся пожаръ, сжигаютъ вагоны и желѣзнодорожный матерьялъ двадцати компаній. Во многихъ штатахъ стачечники вооружаются и начинаются стычки съ милиціей.

Пути сообщенія въ рукахъ рабочихъ, и наиболѣе

*) Мастерскія были закрыты въ серединѣ мая.

рѣшительные подъ предводительствомъ Кокея направляются въ захваченныхъ поѣздахъ на столицу Сѣв. Амер. Соединенныхъ Штатовъ Вашингтонъ, гдѣ тоже вспыхиваетъ революціонная стачка.

Правительство въ лицѣ «демократа» Кливеленда пускаетъ въ ходъ всѣ государственныя силы и средства для подавленія опаснаго возстанія. Во многихъ мѣстахъ объявлено военное положеніе, всѣ «формальности» при арестахъ отброшены. На помощь полиціи выступаютъ союзныя войска. Но революціонному движенію не такъ страшны всѣ эти власти и войска, какъ отсутствіе опредѣленно сознанной соціальной цѣли... Энтузіазмъ постепенно ослабѣваетъ, число стачечниковъ уменьшается, и къ концу сентября все окончательно стихаетъ, и даже рабочіе Пульмана берутся за работу по уменьшенному тарифу.

Капиталъ и его государство снова побѣдили, но это пиррова побѣда, *побѣда для буржуазіи по-истинѣ зловѣщая*.

Изъ массы стачекъ послѣдняго періода особенно замѣчательна стачка 150.000 углекоповъ въ 1902 г., которая длилась почти полгода и окончилась третейскимъ судомъ, удовлетворившимъ главныя требованія стачечниковъ.*)

Для буржуазіи одинаково зловѣщи и неуспѣшныя, и успѣшныя всеобщія стачки, такъ какъ и тѣ, и другія усиливаютъ революціонность, организованность и сознательность рабочаго класса. Порожденная самою жизнью идея организованной всеобщей стачки во имя соціальной революціи, во имя экспропріаціи экспропріаторовъ находитъ себѣ среди американскихъ пролетаріевъ все болѣе и болѣе сознательныхъ сторонниковъ. Американская буржуазія пытается теперь защитить свой капиталистическій строй реакціонными законами противъ свободы слова и печати. Но остановить революціонное стачечное движеніе какими-нибудь реакціонными законами также невозможно,

---

*) См. описаніе этой стачки въ моей брошюрѣ «Всеобщія стачки» «Библ. Русск. Прол.», № 21. Излагая теперь исторію развитія стачекъ, я, конечно, не привожу описанія тѣхъ стачекъ, которыя нашли мѣсто въ упомянутой брошюрѣ, а ограничиваюсь лишь соотвѣтствующими ссылками.

какъ невозможно, размахивая хотя-бы самыми острыми шпагами, остановить порывъ могучаго вихря.

«Всеобщая стачка» вырабатывается и революціонно развивается на Американскомъ материкѣ не въ однихъ только «культурныхъ» Сѣв. Ам. Соединенныхъ Штатахъ. Она колеблетъ буржуазную почву и въ такихъ отсталыхъ американскихъ республикахъ, какъ *Аргентинская*, *Чили* и пр.; и ихъ буржуазія, гоняясь по всему свѣту за прибылью, захватила въ капиталистическій водоротъ пролетаріатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ толкнула на путь пролетарской революціи.

Въ ноябрѣ 1902 г. въ **Аргентинѣ** произошла всеобщая стачка, очень характерная по своему развитію изъ небольшой забастовки рыночныхъ рабочихъ въ Буэносъ-Айресѣ. Къ этимъ забастовщикамъ «по симпатіи» присоединились извощики и портовые рабочіе. Правительство для устрашенія стачечниковъ заняло рабочіе кварталы войсками и замѣнило стачечниковъ солдатами, переодѣтыми съ штатское платье. Союзъ рабочихъ синдикатовъ отвѣтилъ провозглашеніемъ всеобщей стачки. Сенатъ вотировалъ законъ противъ иностранцевъ, дающій право удалять безъ суда безпокойные элементы. 22 ноября 50 рабочихъ синдикатовъ (союзовъ) прекратило работу. Правительство прибѣгло къ чисто русскимъ репрессіямъ. Движеніе было подавлено, но, несомнѣнно, чтобы вскорѣ возобновиться съ новою силой. *)

Въ **Чили** стачка портовыхъ рабочихъ въ Вальпарайзо, происходившая въ маѣ 1903 г., остановила въ городѣ на нѣсколько дней всю работу и торговлю. Зданіе пароходной компаніи было подожжено; на улицахъ происходили кровавыя стычки между стачечниками и полиціей, подкрѣпленной войсками. Число убитыхъ достигло 40, раненыхъ 200. Разумѣется, и здѣсь побѣда пока на сторонѣ буржуазіи, парламентъ которой спѣшитъ выработать «исключительные законы».

---

*) Когда эти строки были уже набраны (февраль 1904 г.), мы встрѣтили въ иностранныхъ газетахъ сообщеніе о новой стачкѣ портовыхъ рабочихъ въ Буэносъ-Айресѣ. Вся торговля и транспорты остановлены. Торговая биржа закрыта и т. д. *В. П.*

Изъ далекой Америки перенесемся въ еще болѣе далекую **Австралію**, прямо къ «антиподамъ». Въ Австраліи все необычайно, все не «по нашему»: осень въ маѣ, весна въ ноябрѣ, листья у деревьевъ голубыя, яйца несутъ не только птицы, но и звѣри, а, главное, соціализмъ гуляетъ подъ руку съ капитализмомъ и «рабочимъ тамъ не жизнь, а прямо рай».

Этотъ «рай» давно ужъ воспѣвается въ самыхъ восторженныхъ пѣснопѣніяхъ всѣми сторонниками «культуры» и гармоніи. Но въ самый разгаръ пѣснопѣній вдругъ — бацъ «всеобщая стачка» 1890 года. Пѣснопѣнія на моментъ смолкаютъ, но затѣмъ начинаются съ новой силой, какъ вдругъ—бацъ «всеобщая стачка» въ маѣ 1903 года. Въ ноябрѣ въ Австраліи весна, это — правда и четвероногіе звѣри тамъ яйца несутъ, это — тоже правда, но дружеская прогулка капитализма съ соціализмомъ и капитала съ трудомъ, это, господа, сказки. И тамъ кипитъ борьба «труда» съ «капиталомъ», и тамъ пролетаріи соединяются не для «гармоніи», а для войны съ капиталистами.

«Морская» стачка 1890 г. началась, какъ это нерѣдко бывало и въ Европѣ, по незначительному поводу. Одна изъ корабельныхъ компаній въ Мельбурнѣ (главномъ городѣ государства Викторія) отказала служащему, принадлежавшему къ рабочему союзу. *) Тотчасъ союзъ матросовъ и кочегаровъ бойкотировали судно, на которомъ служилъ уволенный. Бойкотъ обострилъ отношенія между всѣми портовыми рабочими и всѣми корабельными компаніями. Компаніи потребовали, чтобы товарищество корабельныхъ служащихъ вышло изъ состава «совѣта рабочихъ союзовъ», не соглашаясь въ противномъ случаѣ продолжать начатые переговоры объ увеличеніи платы и объ уменьшеніи часовъ работы. «Товарищество служащихъ» отказалось исполнить требованіе компаній и объявило стачку. Къ стачкѣ скоро присоединились матросы и портовые рабочіе, и не только въ самомъ Мельбурнѣ, но и другихъ приморскихъ городахъ.

Бой разгорался. Вскорѣ вся Австралія раздѣли-

*) Данныя для стачечнаго движенія въ Австраліи мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ сочиненія A. Metin «Socialisme sans doctrines».

лась на два враждебныхъ лагеря. Къ забастовщикамъ присоединился еще цѣлый рядъ рабочихъ организацій, въ томъ числѣ многочисленные стригуны шерсти; «союзы», продолжавшіе работать, поддерживали стачечниковъ денежными пособіями. Но и капиталисты проявили не мало «солидарности» и упорства. Война длилась цѣлыхъ три мѣсяца; рабочіе держались, пока ихъ кассы окончательно не опустѣли. Побѣда оказалась за хозяевами. Побѣдители ликовали, думая, что рабочія организаціи окончательно разбиты. Въ дѣйствительности же они стали съ тѣхъ поръ развиваться съ необычайной быстротой, готовясь къ новымъ битвамъ. Классовое сознаніе рабочихъ за время стачки значительно прояснилось, и на выборахъ они перестали съ тѣхъ поръ поддерживать консерваторовъ или либераловъ, а стали выставлять своихъ рабочихъ кандидатовъ. Развитію классового сознанія и пониманію, что такое государственная власть даже въ такомъ «раю», какъ Австралія, способствовало и то, что во время бурныхъ стачекъ въ Квинслендѣ въ 1890 и 1894 гг., «мобилизировала» полицію и волонтеровъ, а также отмѣнила на 2 года «конституціонныя гарантіи». Но особенно сильно двинуло впередъ боевое сознаніе австралійскаго рабочаго класса всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ въ маѣ 1903 г. Здѣсь рабочіе столкнулись непосредственно съ «крайне-демократическимъ правительствомъ» Викторіи, *) гдѣ желѣзныя дороги принадлежатъ государству. Правительство запретило «своимъ» желѣзнодорожнымъ служащимъ примкнуть, къ рабочему союзу, на который опирается рабочая партія». Въ отвѣтъ на это запрещеніе вспыхнула стачка, и въ теченіе нѣсколькихъ дней все желѣзнодорожное движеніе было «парализовано» на всемъ материкѣ. Буржуазія была страшно испугана. «Крайне демократическое правительство» экстренно созвало парламентъ и внесло драконовскій законъ, дѣлающій стачку лицъ, находящихся на службѣ у государства, преступленіемъ, наказуемымъ тюремнымъ заключеніемъ. Законъ былъ поспѣшно принятъ. Разумѣется, были мобилизованы и всѣ «силы», имѣю-

*) «Крайне демократическимъ» правительство Викторіи называетъ либеральный англійскій журналъ «Rewew of Reviws».

щіяся въ распоряженіи правительства. И на этотъ разъ стачечники были «побѣждены», но побѣдители поняли «зловѣщее» значеніе своей побѣды, когда на выборахъ въ австралійскій союзный парламентъ, происходившихъ въ декабрѣ того же года рабочая партія провела въ нижнюю палату 29 депутатовъ вмѣсто прежнихъ 16. Теперь изъ трехъ партій (консервативной, либеральной и рабочей) она самая сильная. Еще удачнѣе прошли для рабочихъ выборы въ верхнюю палату или сенатъ: число депутатовъ рабочей партіи поднялось съ 8 на 17; консерваторовъ осталось въ сенатѣ лишь 6, либераловъ—13. Англійскія газеты сообщаютъ, что послѣ этихъ выборовъ австралійская буржуазія рѣшила начать противъ соціализма безпощадную войну. Тѣмъ лучше*). Лишь въ безпощадной борьбѣ съ буржуазіей вырабатываются творцы новой пролетарской жизни. Пролетаріатъ другихъ частей свѣта найдетъ въ пролетаріатѣ австралійскомъ стойкихъ и вѣрныхъ союзниковъ.

«Искреннее желаніе австралійскаго рабочаго класса» — писалъ недавно извѣстный Томъ Мэнъ — «быть признаннымъ частью международнаго рабочаго движенія, принимая участіе въ борьбѣ и тріумфахъ, переживаемыхъ рабочими всего міра въ организованномъ движеніи отъ бѣдности къ благосостоянію... Лучше, чѣмъ когда-нибудь, мы понимаемъ и цѣнимъ завѣтъ *«Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»*

---

*) Поэты, воспѣвающіе австралійскій рабочій «рай», утверждаютъ, что въ Новой-Зеландіи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ и т. д. стачки сдѣлались ненужными и невозможными, благодаря введенію *обязательныхъ третейскихъ судовъ*. Рѣшаемся противопоставить гармоничной поэзіи слѣдующую прозаическую газетную замѣтку, которую мы встрѣтили въ одномъ изъ февральскихъ номеровъ «Vorwärts».

«Противъ принудительнаго третейскаго суда къ Новомъ Южномъ Уэльсѣ выступилъ сильный «союзъ углекоповъ». Союзъ просилъ судъ объ измѣненіи заработной платы. Послѣ внимательнаго ознакомленія съ дѣловыми книгами предпринимателей судъ постановилъ не повысить, а понизить заработную плату. Вмѣсто того, чтобы подчиниться рѣшенію, какъ этого требуетъ законъ, углекопы начали стачку. За это предусмотрѣны денежные штрафы и тюрьма. Но у союза нѣтъ денегъ, а у государства нѣтъ достаточнаго числа тюремъ, чтобы посадить всѣхъ углекоповъ. Это событіе считается чувствительнымъ ударомъ для системы обязательныхъ третейскихъ судовъ...»

Про **Испанію** въ противоположность австралійскимъ государствамъ никто не скажетъ, что въ ней живется, какъ въ «раю». Испанія подобно Россіи страна безпрерывной «*смуты*». Съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія «смута» въ Испаніи не прекращается, а *развивается*. Наиболѣе характернымъ признакомъ этого развитія «смуты» является все болѣе и болѣе сознательное и активное выступленіе *пролетаріата* за свое *соціальное* освобожденіе. Карлистскіе заговоры, военные «пронунціаметно» и пр. постепенно отступаютъ на задній планъ передъ «*всеобщими стачками*», достигшими здѣсь необычайной революціонной силы.

Надо замѣтить, что «Интернаціоналъ» («Международное Товарищество Рабочихъ») пустилъ наиболѣе глубокіе и крѣпкіе корни именно въ Испаніи; при этомъ огромное большинство испанскихъ членовъ «Интернаціонала» стояло на сторонѣ «федералистовъ» или «бакунистовъ». Испанская вѣтвь «Интернаціонала» даже по признанію Энгельса, который, какъ извѣстно, болѣе чѣмъ отрицательно относился къ «федералистамъ», «была превосходно организована».

Послѣ раскола на гаагскомъ конгрессѣ 1872 г. и фактическаго самоупраздненія «Интернаціонала», какъ союза пролетаріевъ всѣхъ странъ, «испанская федерація» продолжала существовать еще лѣтъ пять или шесть и поддерживала связь путемъ ежегодныхъ конгрессовъ съ болѣе слабыми, но все же слишкомъ живучими, чтобъ сразу погибнуть, федераціями юрской, итальянской и бельгійской.

«Въ одной Каталоніи» говоритъ П. А. Кропоткинъ въ своихъ «Запискахъ революціонера» — тогда было болѣе 100.000 работниковъ, организованныхъ въ сильные рабочіе союзы; больше 80.000 испанцевъ принадлежали къ Интернаціоналу, правильно собирались на конгрессы, и точно платили свои членскіе взносы съ чисто испанскимъ сознаніемъ долга. Я говорю объ этихъ организаціяхъ на основаніи личнаго знакомства на мѣстѣ».

Уже въ то время испанскіе рабочіе были *дѣятельными* сторонниками всеобщей стачки, какъ главнаго орудія борьбы пролетаріата за свое освобожденіе, и въ этомъ отношеніи они были вѣрны Интернаціоналу. Брюссельскій конгрессъ Интернаціонала въ 1868 г.,

т. е. въ періодъ наибольшаго расцвѣта Международнаго Товарищества Рабочихъ, *единогласно* принялъ резолюцію зятя Маркса и яраго марксиста Лонгэ, въ которой рабочимъ всѣхъ странъ въ случаѣ войны рекомендовалось устроить всеобщую забастовку. Вообще одной изъ главныхъ цѣлей Интернаціонала была взаимная поддержка на случай массовыхъ стачекъ. Во время революціоннаго движенія 1873 г., послѣдовавшаго за отреченіемъ короля Амедея, рабочіе-интернаціоналисты въ разныхъ мѣстахъ Испаніи провозгласили всеобщую стачку. Намъ къ сожалѣнію неизвѣстно объективное изложеніе этой попытки. То, что пишетъ о ней Энгельсъ въ своей статьѣ «Die Bakunisten an der Arbeit» (Бакунисты на работѣ) менѣе всего можетъ быть названо объективнымъ изложеніемъ. Каждое слово этой статьи проникнуто самой субъективной ненавистью къ бакунистамъ. Во всякомъ случаѣ и Энгельсъ долженъ признать, что провозглашеніе всеобщей стачки въ Алькоѣ повело въ концѣ концовъ къ временному торжеству рабочихъ въ этомъ промышленномъ городѣ. Но онъ при этомъ высмѣиваетъ уличную битву пятитысячной толпы рабочихъ съ 32 жандармами и нѣсколькими вооруженными буржуа, битву, явившуюся слѣдствіемъ провозглашенія всеобщей стачки. «Это была — говоритъ Энгельсъ — первая уличная битва интернаціональнаго союза (der Allianz). Дрались 20 часовъ пять тысячъ человѣкъ противъ тридцати двухъ жандармовъ и нѣсколькихъ вооруженныхъ буржуа, побѣдили ихъ послѣ того, какъ они выпустили всѣ свои заряды и потеряли въ общемъ *десять человѣкъ*. Да внушитъ союзъ (Allianz) своимъ посвященнымъ изрѣченіе Фальстафа, что предосторожность лучшая часть храбрости».

Большой человѣкъ былъ Энгельсъ, но, пуская эту стрѣлу, онъ на моментъ сдѣлался очень маленькимъ. Онъ снова подымается, когда вслѣдъ за этой неумѣстной насмѣшкой прибавляетъ: «Понятно, что всѣ ужасныя извѣстія буржуазныхъ газетъ о безсмысленно сожженныхъ фабрикахъ, о массовыхъ растрѣлахъ жандармовъ, объ облитыхъ керосиномъ и сожженныхъ людяхъ — чистыя выдумки. Побѣдоносные рабочіе, если ими даже руководятъ алльянисты (федералисты), девизъ которыхъ: «нужно дѣйствовать безъ стѣсне-

нія», поступаютъ всегда слишкомъ великодушно со своими побѣжденными противниками, и тѣ тогда измышляютъ на нихъ всѣ тѣ гнусности, которыя они сами навѣрное совершили бы въ случаѣ своей побѣды».

Революціонное движеніе 1873 г. не принесло рабочимъ, боровшимся путемъ всеобщихъ стачекъ и возстаній, никакихъ непосредственныхъ выгодъ, но въ этомъ, какъ можно судить даже по пристрастному изложенію событія Энгельсомъ, виновата отнюдь не всеобщая стачка, а обычная подлая измѣна буржуазныхъ союзниковъ. «По англійскимъ газетнымъ корреспонденціямъ для непримиримыхъ руководителей движенія не было ничего важнѣе, какъ отвергать всякую связь съ этими такъ называемыми интернаціоналистами, отклонять всякую отвѣтственность за нихъ и объявить, что они держали ихъ вождей точно также, какъ всѣхъ бѣглецовъ парижской коммуны, подъ самымъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Наконецъ, какъ мы увидимъ, въ Севильѣ непримиримые, во время битвы съ правительственными войсками, *стрѣляли также и въ своихъ союзниковъ бакунистовъ*».

Во всякомъ случаѣ рабочіе неудачу движенія 1873 г. не поставили на счетъ всеобщей стачки. Довѣріе къ этому пролетарскому средству борьбы не пропало у нихъ даже тогда, когда въ Испаніи была введена всеобщая подача голосовъ. Если въ Германіи побѣды пролетаріата исчисляются количествомъ завоеванныхъ соціалдемократами депутатскихъ мандатовъ, то въ Испаніи о ростѣ пролетарскаго движенія приходится судить по массовымъ стачкамъ, когда другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ, встаютъ пролетаріи разныхъ профессій въ разныхъ городахъ, нерѣдко останавливая въ цѣлыхъ провинціяхъ всю промышленную жизнь. Эти стачки ведутъ иногда къ очень значительнымъ экономическимъ уступкамъ со стороны испуганой буржуазіи, но съ другой стороны онѣ причиняютъ, конечно, пролетаріямъ много острыхъ страданій, и часто улицы Барцелоны, Вильбао, Рейса и другихъ промышленныхъ городовъ поливаются кровью рабочихъ; льется она и на поляхъ Андалузіи, гдѣ сельскіе рабочіе тоже организуются въ союзы и борются всеобщими стачками вмѣстѣ со своими городскими братьями.

Нѣкоторыя изъ испанскихъ стачекъ описаны нами въ брошюрѣ «Всеобщія стачки» и мы не будемъ къ нимъ, конечно, возвращаться, но за тѣ 10 мѣсяцевъ, которые прошли съ появленія въ свѣтъ названной брошюры, испанской буржуазіи приходилось много разъ дрожать передъ революціоннымъ возстаніемъ производителя на почвѣ производства. Таковымъ была напримѣръ, всеобщая стачка въ Бильбао въ сентябрѣ 1903 г. Стачка началась, какъ это бываетъ обыкновенно, по сравнительно незначительному поводу. Шахтеры потребовали, чтобы заработная плата уплачивалась имъ каждую недѣлю, а не каждыя двѣ недѣли или мѣсяцъ, какъ это практиковалось до сихъ поръ; кромѣ того они требовали устраненія посредниковъ при наймѣ. Хозяева отказались и тотчасъ работа на всѣхъ шахтахъ остановилась. Черезъ нѣсколько дней стачка приняла характеръ всеобщей забастовки. Забастовщики группами ходили по всѣмъ фабрикамъ и мастерскимъ Бильбао, и его окрестностей и повсюду останавливали работу. Прекратилось и желѣзнодорожное движеніе. Обычная картина: всѣ фабрики, магазины, лавки закрыты, на улицахъ нѣтъ ни конокъ, ни извозчиковъ, газеты не выходятъ. За этимъ первымъ актомъ наступаетъ второй. Въ городъ вступаютъ войска и располагаются на площадяхъ военнымъ лагеремъ. Сначала мелкія стычки между отдѣльными группами стачечниковъ и военныхъ отрядовъ, затѣмъ конныя атаки на безоружную толпу: раздавленныя женщины и дѣти. Народное негодованіе возрастаетъ, на улицахъ строятся баррикады, раздаются залпы, падаютъ убитые, выдвигается артиллерія. Стачка переходитъ уже въ настоящую гражданскую войну. Между тѣмъ броженіе начинается въ Барцелонѣ и другихъ городахъ. Даже самые большіе оптимисты изъ буржуазіи начинаютъ понимать, что дѣло становится серьезнымъ. Иностранные капиталисты-предприниматели спѣшатъ вывѣсить на своихъ домахъ и фабрикахъ свои національные флаги; консулы и посланники совѣщаются съ правительствомъ. По настоянію правительства, защищающаго интересы всей буржуазіи, капиталисты въ Бильбао дѣлаютъ нѣкоторыя уступки стачечникамъ, и революціонная вспышка быстро затихаетъ. Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ и те-

леграфъ снова несетъ вѣсть о всеобщей стачкѣ всѣхъ портовыхъ рабочихъ, которая сливается съ всеобщей стачкой ткачей, а затѣмъ слѣдуетъ извѣстіе о пріостановкѣ работы всѣхъ производствъ провинціи Тарагони. Все это производитъ впечатлѣніе, что Испанія переживаетъ острый періодъ соціальной революціи.

Но какъ мало интереса проявляютъ къ этой пролетарской революціи соціалдемократическая печать другихъ странъ.

Извѣстія объ испанскихъ событіяхъ лишь изрѣдко появляются въ соціалдемократическихъ газетахъ и печатаются петитомъ гдѣ-нибудь на газетныхъ задворкахъ, какъ нѣчто незначительное и къ «соціалдемократіи» отношенія не имѣющее. Чувствуется, что испанскіе донкихоты съ ихъ всеобщими стачками и баррикадами — шокируютъ умныхъ и разсчетливыхъ соціалдемократовъ, какъ ортодоксовъ, такъ и ревизіонистовъ. Вопросъ о томъ, ужиналъ ли тотъ или другой изъ нѣмецкихъ депутатовъ съ журналистомъ Гарденомъ, выставляется, какъ вопросъ міровой важности, а движеніе, въ которомъ изъ чувства солидарности, десятки и сотни тысячъ пролетаріевъ подвергаютъ себя всевозможнымъ лишеніямъ и рискуютъ своей жизнью, замалчивается.

На дрезденскомъ партейтагѣ Бебель заявилъ, что Гере свое «показаніе» о томъ, что онъ не читалъ какой то статьи въ буржуазномъ журналѣ «Die Zukunft», даетъ передъ всемъ міромъ. Увы, всѣми этими партійными дрязгами и мелочами истинная пролетарская борьба застилается отъ міра пролетаріевъ въ Германіи, во Франціи, въ Россіи. Можетъ быть, кровь и слезы, проливаемыя испанскими, русскими, французскими и т. д. пролетаріями въ ихъ современной борьбѣ, пошатнули бы наконецъ буржуазный строй, если бы большинство соціалдемократическихъ вожаковъ не погрузились въ партійныя дрязги, забывая во имя *политической партіи соціальную борьбу* пролетаріата.

Въ **Италіи** пролетаріатъ по своему революціонному настроенію, по своей пылкости и отвагѣ очень похожъ на пролетаріатъ испанскій. Революціонная энер-

гія итальянскихъ трудящихся массъ долгое время поглощалась національнымъ движеніемъ, направленнымъ противъ австрійскаго гнета. Австрійское владычество было низвергнуто, но гнетъ не уменьшился. Либеральная буржуазія «освожденная» и «объединенная» кровью пролетаріата, предалась самымъ безграничнымъ капиталистическимъ оргіямъ. Милитаризмъ, колоніальный авантюризмъ, казнокрадство, все это ложилось непомѣрной тяжестью на пролетаріатъ, изъ котораго помѣщики и промышленники выжимали огромную прибавочную цѣнность. Трудолюбивый и болѣе, чѣмъ скромный въ своихъ потребностяхъ, итальянскій пролетаріатъ былъ доведенъ до нищеты и голода. Начинается массовое переселеніе. Рабочіе бѣгутъ изъ «благодатной» Италіи въ Швейцарію, Францію, Америку, бѣгутъ отъ нищеты и голода.

Но одновременно съ этимъ «бѣгствомъ» начинается и борьба. Вспыхиваютъ голодные бунты и мѣстныя возстанія. Въ маѣ 1898 года въ Миланѣ происходитъ настоящая уличная революція съ баррикадами и сотнями убитыхъ и раненыхъ. Правительство при одобреніи либеральной буржуазіи дѣйствуетъ безпощадно. Миланскія дамы изъ оконъ своихъ палаццо апплодируютъ солдатамъ и офицерамъ, убивающимъ на улицахъ рабочихъ.

«Революція» подавлена, бунты усмирены, начинаются суды, издаются исключительные законы и декреты. Эти законы и декреты направлены не только противъ «бунтовъ» и «возстаній», но и противъ новой приближающейся опасности — противъ революціонной всеобщей стачки.

Миланскій опытъ показываетъ пролетаріату, какое огромное значеніе для успѣха «революціи» имѣла бы всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ служащихъ, которая помѣшала бы «военной мобилизаціи».

Но это не ускользаетъ отъ вниманія и представителей буржуазіи. Большинство палаты представляетъ правительству право созывать «подъ знамя» запасныхъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, почтѣ, телеграфѣ, оставляя ихъ при выполненіи желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ обязанностей; другими словами въ моментъ стачки правительство превращаетъ значительную часть стачечниковъ въ солдатъ,

подчиненныхъ военной дисциплинѣ. Стачка для нихъ равносильна дезертирству и карается по военнымъ законамъ.

Кромѣ того правительству предоставлено недостающій контингентъ служащихъ и рабочихъ пополнять солдатами, находящимися на дѣйствительной службѣ.

Либерально-рдаикальное министерство Цанарделли-Джіолитти прибѣгаетъ къ этимъ «мѣрамъ» во время всеобщей стачки желѣзнодорожныхъ служащихъ сѣверной Италіи въ февралѣ 1902 г.

«Мѣры» оказываются дѣйствительными, и стачка быстро разбивается.

Но понятно, что подобныя мѣры очень опасны не только для стачечниковъ, но и для буржуазіи съ ея правительствомъ. Въ моментъ сильнаго революціоннаго подъема служащіе и рабочіе не прекратятъ стачки даже и превращенные въ солдаты, но тогда это будетъ стачка *ожесточенная*, стачка съ сожженными позади кораблями. Кромѣ того въ эту стачку легко могутъ быть вовлечены и «солдаты на дѣйствительной службѣ». Между стачечниками и солдатами для буржуазіи очень опасно перекидывать хотя бы самый легкій и узкій мостъ.

Вообще итальянское правительство едва-ли не болѣе, чѣмъ какое-нибудь другое, ведетъ опасную игру, превращая съ одной стороны рабочихъ-стачечниковъ во временныхъ солдатъ, съ другой солдатъ во временныхъ рабочихъ, замѣняющихъ стачечниковъ. Такъ, напримѣръ, въ теченіе 1900 года солдаты два раза командировались «на жатву» во время крупныхъ стачекъ жнецовъ и жницъ. При *такихъ* столкновеніяхъ съ солдатами рабочіе, навѣрное, окажутся побѣдителями, превративъ невольныхъ враговъ въ своихъ вольныхъ друзей.

Время «бунтовъ» въ Италіи проходитъ, стихаетъ и «пропаганда дѣломъ», пропаганда убійствами и взрывами*), но за то вступаютъ въ свои права стачки, при-

*) Убійства коронованныхъ и не коронованныхъ лицъ, взрывы государственныхъ и частныхъ зданій и пр., мы считаемъ *вредными* для классовой борьбы пролетаріата, но мы понимаемъ *трагизмъ* жизни лицъ, прибѣгающихъ къ этимъ средствамъ и мы не можемъ, конечно, относиться къ нимъ презрительно, и подобно Либкнехту, говорить, что «бомбу можетъ бросить *всякій* оселъ».

нимающія массовой характеръ, а вмѣстѣ съ ними крѣпнетъ рабочая организація и рабочая солидарность, которая нерѣдко величественно проявляется и среди рабочихъ, совершенно не организованныхъ. Въ итальянскомъ стачечномъ движеніи за послѣднее время усиленное участіе принимаютъ *сельскохозяйственные рабочіе* и имъ удается во многихъ случаяхъ значительно улучшить свое положеніе.

По статистикѣ, опубликованной въ 1902 году въ «Riforma Soziale», въ 1899 году въ итальянской деревнѣ было всего 9 стачекъ, а въ 1900 и 1901 годахъ деревенскія стачки были такъ многочисленны, что ихъ невозможно и сосчитать. Въ провинціи Навара происходило, напримѣръ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ 127 стачекъ. Въ провинціи Мантуѣ стачками или ихъ угрозами 50.000 семей сельскихъ рабочихъ увеличили свой годовой заработокъ на 15%. Въ окрестностяхъ Пармы послѣ 70 стачекъ сельскіе рабочіе увеличили свой ежегодный заработокъ на 90 франковъ каждый. Въ провинціи Веронѣ въ 34 общинахъ заработокъ рабочихъ увеличился на 20%. Въ окрестностяхъ Верчелли «padroni» (хозяева) должны были уменьшить рабочій день съ 13 часовъ на 10.

«И въ этомъ родѣ движеніе идетъ отъ Альпъ до Сициліи.»

При итальянской системѣ «латифундій» стачка является превосходнымъ боевымъ оружіемъ въ рукахъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Въ виду осыпающагося хлѣба на корню хозяева становились обыкновенно «сговорчивы».

Очень многочисленны стачки и въ индустріи. Въ 1900 году было 383 стачки съ 80.858 стачечниками (74% мужчинъ, 20% женщинъ и 6% дѣтей). Изъ этихъ стачекъ только 39 кончились пораженіемъ рабочихъ. Хотя и рѣдко, но начинаютъ вспыхивать и стачки по симпатіи или солидарности. Среди стачекъ 1901 года особенно сильное впечатлѣніе на буржуазію произвели стачки портовыхъ рабочихъ въ Неаполѣ и Генуѣ, на время совершенно пріостановившія нагрузку и выгрузку судовъ, что, какъ всегда, при стачкахъ въ крупныхъ торговыхъ портахъ вызываетъ болѣе или менѣе сильное «потрясеніе» въ торговой политикѣ.

«Всеобщія стачки», останавливающія всѣ отрасли

производства въ данной мѣстности, находятся въ Италіи, еще въ стадіи нерѣшительныхъ попытокъ (въ Пизѣ, Флоренціи, Римѣ и т. д.). Но въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстностяхъ временами свирѣпствуетъ настоящая *стачечная «эпидемія»*. Неуспѣваетъ кончиться стачка въ одной отрасли производства, какъ вспыхиваетъ въ другой; нерѣдко, конечно, «больны» сразу нѣсколько производствъ.

Въ итальянскомъ стачечномъ движеніи начинаютъ принимать участіе даже и дѣти, которыхъ буржуазія до сихъ поръ эксплотировала особенно безпощадно.

Весной 1902 года въ Миланѣ забастовали 400 дѣвочекъ, работающихъ въ модныхъ магазинахъ. Для ихъ поддержки, изъ чувства солидарности и симпатіи, забастовало около 4.000 мальчиковъ рабочихъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ. Дѣти-стачечники устроили митингъ на «биржѣ труда», произносили тамъ рѣчи и выставили цѣлый рядъ требованій, касающихся охраны труда.

Однимъ словомъ, несомнѣнно, что итальянскій пролетаріатъ, какъ и пролетаріатъ другихъ странъ стачками спасается отъ «обнищанія» и стачками *воспитывается* къ выполненію своей великой освободительной и творческой задачи.

Для пониманія и оцѣнки рабочаго движенія въ **Швейцаріи**, необходимо принять во вниманіе огромное вліяніе на всю швейцарскую жизнь наплыва иностранцевъ. Швейцарія различными особенностями своей природы и своего общественнаго и политическаго устройства привлекала и привлекаетъ въ свои предѣлы иностранцевъ троякаго рода: богатыхъ путешественниковъ, бѣдныхъ рабочихъ и политическихъ эмигрантовъ.

Путешественники вызвали въ Швейцаріи обширный отельный промыслъ съ массою лакеевъ всевозможныхъ степеней. Этотъ промыслъ способствуетъ благосостоянію «средняго класса» и вноситъ въ психологію неимущихъ много чертъ, мѣшающихъ развитію пролетарскаго сознанія.

Рабочіе, являющіеся въ особенности изъ Италіи, представляютъ изъ себя живой революціонный эле-

ментъ, но онъ не сливается съ пролетаріатомъ швейцарскимъ уже по одному тому, что лишенъ въ противоположность рабочимъ швейцарцамъ всѣхъ политическихъ правъ и не огражденъ даже отъ самого грубаго произвола администраціи. Въ острые моменты классовой борьбы, швейцарскія власти не церемонятся съ рабочими иностранцами и высылаютъ неблагонадежныхъ съ буржуазной точки зрѣнія изъ предѣловъ Швейцаріи. За одинъ только 1902 годъ было выслано такимъ образомъ болѣе 1200 человѣкъ. Эта огромная разница въ политическихъ правахъ создаетъ между полноправными гражданами и лишенными всѣхъ правъ значительный антагонизмъ. Антагонизмъ усиливается и разницей въ потребностяхъ, обыкновенно болѣе низкихъ у рабочихъ пришлыхъ, которые поэтому вліяютъ на заработную плату въ смыслѣ ея пониженія. Конечно, все это не имѣло бы большого значенія, еслибы пришлые рабочіе составляли лишь небольшой процентъ всего пролетаріата, эксплуатируемаго на швейцарской территоріи, и могли раствориться въ пролетаріатѣ туземномъ; но дѣло въ томъ, что въ очень многихъ отрасляхъ рабочіе иностранцы составляютъ большинство, какъ, напримѣръ, среди строительныхъ рабочихъ, землекоповъ, каменьщиковъ, портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, пивоваровъ и т. д.*)

Разница правового положенія и антагонизмъ между пролетаріями туземными и пришлыми очень затрудняютъ организацію рабочого класса въ Швейцаріи и отчасти парализуютъ благопріятныя условія ея демократическаго устройства.

Что касается, наконецъ, политическихъ эмигрантовъ, среди которыхъ въ свое время въ Швейцаріи было очень много очень выдающихся агитаторовъ, то они конечно имѣли и имѣютъ вліяніе на швейцарское рабочее движеніе лишь постольку, поскольку они принимаютъ въ немъ непосредственное участіе. Надо впрочемъ замѣтить, что въ общемъ дѣятельность даже такого исключительнаго и геніальнаго агитатора, какимъ былъ Вильгельмъ Вейтлингъ, въ концѣ концовъ

*) Данныя для рабочаго движенія Швейцаріи мы беремъ преимущественно изъ статей Otto Lang въ «Sozialistische Monatshefte» 1901 № 10, 11 и въ «Die Neue Zeit», 1903, № 34.

не оставила почти никакихъ слѣдовъ. И въ Швейцаріи, какъ и повсюду, сознаніе и сила рабочаго класса развиваются самимъ процессомъ его борьбы въ условіяхъ и съ условіями капиталистическаго производства. Въ этой борьбѣ швейцарскій пролетаріатъ начинаетъ понимать, что «вся демократія—говоря словами Юлія Фребеля — глупость, если народъ не можетъ быть поставленъ въ положеніе, которое позволяетъ массамъ принять цѣльное, полное, радостное участіе въ политической жизни»; и швейцарскій пролетаріатъ начинаетъ понимать, что — говоря словами Ланге — «формальное равенство, которое создаетъ демократія, не можетъ дать никакой охраны противъ соціальной несвободы и многообразной неправды и нищеты, сопровождающихъ ее».

Въ Швейцаріи во второй половинѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія капиталистическое производство достигло развитія достаточнаго для сознательной классовой борьбы пролетаріата. Въ это время быстро возростаютъ силы и значеніе рабочихъ стачекъ. Въ первой половинѣ 60 хъ годовъ въ годъ бывало не болѣе 3-хъ, 4-хъ стачекъ, въ 1868 году ихъ число поднялось до 13, а въ 1869 году до 26. Особенно большое значеніе для швейцарскаго рабочаго движенія имѣли двѣ побѣдоносныя стачки 1869 года, одна въ Женевѣ, другая въ Базелѣ. Въ Женевѣ 3.000 строительныхъ рабочихъ добились пониженія рабочаго времени съ 12 часовъ на 11. Въ Базелѣ рабочіе въ шелковой промышленности добились повышенія заработной платы. Въ обоихъ случахъ иностранныя секціи Интераціонала оказали значительную денежную поддержку. «Это доказательство международной солидарности и благопріятный исходъ движенія — говоритъ Ланге — завоевали Интернаціоналу у швейцарскихъ рабочихъ большое уваженіе и довѣріе». Вліянію Интернаціонала на швейцарскій пролетаріатъ способствовало конечно и то, что, большинство конгрессовъ Интернаціонала (женевскій базельскій, лозанскій) происходили въ Швейцаріи. Швейцарская секція Интернаціонала — юрская федерація—проявила, какъ извѣстно, большую живучесть. Она стояла на сторонѣ федералистовъ и считала главнымъ средствомъ борьбы пролетаріата всеобщую стачку. Съ тѣхъ поръ идея всеобщей стачки упорно продол-

жаетъ жить въ кругахъ сознательнаго швейцарскаго пролетаріата, вѣрнѣе, пролетаріата, трудящагося на швейцарской территоріи, такъ какъ среди пришлыхъ, «лишенныхъ правъ», рабочихъ она имѣетъ гораздо больше успѣха, чѣмъ между полноправными швейцарскими гражданами. Но проведенію въ жизнь этой идеи мѣшали различныя особенности Швейцаріи, отчасти указанныя нами выше. Въ массовыхъ стачкахъ однако недостатка не было, и онѣ принимали иногда такой «зловѣщій» для буржуазіи характеръ, что она выставляла противъ стачечниковъ свою демократическую полицію и милицію. Въ 1875-мъ году милиція «усмиряла» ружейными залпами стачку рабочихъ, строившихъ сенъ-готтардскую желѣзную дорогу; въ 1889 г. милиція была выставлена противъ стачки типографскихъ рабочихъ въ Бернѣ; въ 1901 г. противъ стачки рабочихъ, прорывающихъ симплонскій тунель, наконецъ въ 1902 году противъ всеобщей стачки въ Женевѣ.

Женевская стачка 1902 года была въ Швейцаріи первой, которая дѣйствительно заслуживаетъ названія всеобщей. Подробное описаніе этой стачки читатель можетъ найти въ моей брошюрѣ «Всеобщія стачки».

Какъ большинство всеобщихъ стачекъ, женевская забастовка 1902 года непосредственно окончилась побѣдой буржуазіи. Но тѣмъ не менѣе она несомнѣнно принесла огромную пользу дѣлу освобожденія рабочаго класса: она показала пролетаріату, сколько грубого деспотизма кроется въ самой демократической буржуазной свободѣ, когда дѣло коснется не только священной собственности, но и священной прибыли; она вызвала поразительный порывъ пролетарской солидарности, значительно ослабивъ антагонизмъ между полноправными и лишенными правъ, она дала серьезный толчекъ къ борьбѣ противъ милитаризма, противъ военной службы во всѣхъ ея формахъ до милиціи и «вооруженнаго народа» включительно; она пошатнула идола «законности», которому особенно усиленно поклоняются въ «демократическихъ» государствахъ. Что послѣ этой «неудачной» стачки женевскій пролетаріатъ нисколько не палъ духомъ, показываетъ упорная, продолжительная стачка строительныхъ рабочихъ,

длившаяся всю осень 1903 г. Стачечники заставили часть хозяевъ уступить, но наиболѣе крупные предприниматели продолжали упорствовать; тогда часть стачечниковъ по соглашенію со всѣми товарищами рѣшила лучше совершенно покинуть Женеву, чѣмъ возвращаться на работу при старыхъ условіяхъ. Во все время стачки превосходно функціонировала «коммунистическая» столовая, которую поддерживали своими взносами организованные рабочіе другихъ профессій.

Стачка женевскихъ строительныхъ рабочихъ имѣла еще и ту хорошую сторону, что «убила» «законъ о коллективныхъ конфликтахъ», которымъ буржуазные демократы и «соціалдемократы» милльерановскаго пошиба надѣялись уничтожить стачечное движеніе. Стачечники игнорировали этотъ законъ, несмотря на то, что на страницахъ нѣкоторыхъ «соціалдемократическихъ» органовъ «вожаки» торжественно заявляли: «Существуетъ законъ, и такъ какъ онъ существуетъ, обязанность каждаго гражданина ему подчиняться».

Вообще для политическаго воспитанія швейцарскаго и въ особенности женевскаго пролетаріата стачки 1902 и 1903 года сдѣлали очень много, научивъ, если не всѣхъ, то все же значительную часть рабочихъ подъ радикальными и демократическими оболочками видѣть буржуазную сущность.

Въ ближайшемъ будущемъ швейцарской буржуазіи придется, вѣроятно, пережить еще болѣе крупныя всеобщія стачки, чѣмъ стачка 1903 года, и какъ бы не были «блестящи» ея побѣды, эти «возстанія производителя на почвѣ производства» неминуемо приведутъ къ уничтоженію ея господства и созданію *новаго великаго Интернаціонала* уже не для борьбы съ буржуазіей, а для соціалистическаго творчества освобожденнаго пролетаріата.

Въ рабочемъ движеніи **Франціи** такъ много грандіозныхъ уличныхъ сраженій съ баррикадами и потоками крови, что для поверхностнаго взгляда почти незамѣтно стачечное движеніе, но въ дѣйствительности оно и во Франціи играло огромное значеніе и тѣсно связано со многими самыми трагическими про-

явленіями революціонной борьбы французскаго пролетаріата.

Уже «при старомъ режимѣ» стачки были довольно многочисленны и сопровождались кровавыми столкновеніями рабочихъ съ полиціей и войсками. Особенно крупными были стачки рабочихъ шелковой промышленности въ Ліонѣ въ 1744 г. и 1752 г.; кузнецовъ въ Сентъ-Этьенѣ въ 1752 г.; суконщиковъ въ Руанѣ въ 1736 г., въ 1744 г. и въ 1772 году; суконщиковъ въ Нимѣ въ 1787 г.; суконщиковъ въ Амьенѣ въ 1772 г.; рабочихъ бумажнаго производства въ Дофинэ въ 1724 году и въ Парижѣ въ 1783 г.; портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ и типографщиковъ въ Парижѣ въ 1789 г., незадолго до собранія генеральныхъ штатовъ *). Правительство стараго режима смотрѣло на стачки, какъ на опасное преступленіе противъ существующаго строя; совершенно также смотрѣли на стачки и всѣ правительства новаго режима, какъ революціонныя, такъ и реакціонныя. Какъ извѣстно, уже учредительное собраніе великой французской революціи закономъ 14 іюня 1791 г. запретило рабочіе союзы и совмѣстную защиту рабочими своихъ экономическихъ интересовъ. Это запрещеніе было отмѣнено лишь въ 1864 г. Но разумѣется отсутствіе коалиціонной свободы затрудняло, но не останавливало развитіе классовой борьбы путемъ стачекъ. Стачки пріобрѣтали во Франціи значеніе орудія борьбы между двумя классами въ той же мѣрѣ, въ какой, подъ вліяніемъ развитія крупной капиталистической промышленности, «народъ» все болѣе и болѣе распадался на два класса съ опредѣленными и явно противоположными интересами, на буржуазію и пролетаріатъ.

Первымъ великимъ историческимъ столкновеніемъ этихъ двухъ классовъ было ліонское возстаніе 1831 г. Въ основѣ этого знаменитаго возстанія лежало столкновеніе между рабочими и хозяевами на чисто экономической почвѣ. Вслѣдствіе кризиса 1830 г., вызваннаго іюльской революціей, хозяева ліонскихъ шелковыхъ фабрикъ, не желая уменьшать своей прибыли,

*) Многія данныя для стачечнаго движенія во Франціи мы беремъ изъ книги Paul Louis: «Histoire du socialisme français». Paris, 1901 г.

уменьшили заработную плату, которая и безъ того была еле достаточна, чтобы не умереть съ голоду. Рабочіе добились отъ городского муниципальнаго совѣта и префекта созванія соединеннаго собранія делегатовъ отъ фабрикантовъ и рабочихъ; собраніе установило минимумъ заработной платы, префектъ принялъ это рѣшеніе, но фабриканты отказались принять установленный делегатами минимумъ и, предупреждая стачку рабочихъ, прибѣгли къ локауту, т. е. сами закрыли фабрики и мастерскія.

Въ отвѣтъ на указаніе, что у рабочихъ нѣтъ хлѣба и, что они должны умирать съ голоду, нѣкоторые изъ фабрикантовъ цинично заявляли: «Если у нихъ нѣтъ въ животѣ хлѣба, мы воткнемъ туда штыки». Тогда тридцать тысячъ ткачей поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и густыми толпами двинулись изъ рабочаго предмѣстья Croix Rousse на центральныя улицы Ліона. Ихъ девизъ былъ начертанъ на черномъ знамени, которое они несли впереди: «Умереть, сражаясь или жить, работая». У нихъ не было руководителей. Исторія не записала имени ни одного вождя, ни одного героя, ибо они всѣ были героями. У нихъ не было догмы, имъ никто не вносилъ извнѣ классоваго сознанія. Они двигались, крѣпко держась другъ друга, повинуясь инстинктивному чувству классовой солидарности и своею обильно пролившеюся кровью они начертали одну изъ первыхъ страницъ пролетарскаго соціализма. «Это было первое событіе—говоритъ Поль Луи—долгой экономической борьбы, которая съ тѣхъ поръ продолжалась безпрерывно. Впервые истинный народъ, тотъ, который живетъ своей ежедневной работой, поднялъ оружіе за свое собственное дѣло внѣ всякаго посторонняго руководительства». На встрѣчу ткачамъ двинулась со своими штыками вѣрная стража буржуазіи, національная гвардія, но она не могла ни остановить, ни разсѣять толпы, залившей, какъ могучая волна, буржуазный городъ. Властямъ вмѣстѣ съ войсками пришлось оставить Ліонъ.

Это было 21 декабря 1831 года. Второй городъ Франціи цѣлыхъ десять дней находился въ рукахъ возставшихъ рабочихъ. Но для рѣшительной побѣды нужна была солидарность не однихъ ліонскихъ ткачей, а солидарность всего трудящагося люда Франціи, а

для созданія этой солидарности нужно было еще много битвъ, еще много крови, еще много временныхъ пораженій. Вся французская буржуазія со всѣмъ своимъ государствомъ, со всѣми своими властями явилась на помощь ліонскимъ фабрикантамъ. Парламентъ въ адресѣ королю единогласно требовалъ рѣшительныхъ мѣръ противъ «ліонской анархіи». Характерно, что уже при этой первой открытой битвѣ между двумя классами выступаетъ страшное слово «анархія», которое съ тѣхъ поръ играетъ такую большую роль во французскомъ революціонномъ движеніи.

«Собственность—заявлялъ парламентъ—нарушена въ самомъ своемъ принципѣ, свободѣ промышленности грозитъ разрушеніе. Король можетъ разсчитывать на содѣйствіе всѣхъ, чтобы задушить всѣ зачатки анархіи, укрѣпить всѣ священные принципы, на которыхъ покоится само существованіе общества».

Черезъ нѣсколько дней въ Ліонъ вступила сильная армія подъ командою одного изъ королевскихъ принцевъ и маршала Суля. Возстаніе было затоплено въ потокахъ рабочей крови. Но эта кровь лишь укрѣпила чувства солидарности, съ такой элементарной силой проявившейся 21 декабря. Рабочіе начинаютъ организоваться въ тайные союзы и открытыя общества взаимопомощи. Въ 1834 г. рабочая солидарность проявляется въ Ліонѣ всеобщей стачкой ткачей. Правительство спѣшитъ закрыть общества взаимопомощи и арестовать рабочихъ вожаковъ. Тогда снова вспыхиваетъ возстаніе. 9-го апрѣля въ ліонскомъ рабочемъ предмѣстьѣ Croix Rousse начинается сраженіе между рабочими и войсками. Плохо вооруженные ткачи съ необычайною стойкостью выдерживаютъ натискъ въ 15.000 регулярныхъ войскъ съ сильной артиллеріей. Сраженіе длится четыре дня, убитыхъ болѣе 1.200 человѣкъ. Рабочіе сломлены, хотя на этотъ разъ ихъ возстаніе отозвалось и въ Парижѣ, гдѣ произошло сраженіе на улицѣ Трансноненъ, окончившееся тоже побѣдою правительственныхъ войскъ.

За декабремъ 1831 г. и апрѣлемъ 1834 г. слѣдуетъ знаменитый іюнь 1848 г.

Мы не будемъ останавливаться на этихъ извѣстныхъ своимъ трагизмомъ іюньскихъ дняхъ, но укажемъ, что и здѣсь столкновеніе началось на экономи-

ческой почвѣ между правительствомъ — хозяиномъ національныхъ мастерскихъ и работавшими тамъ пролетаріями. Возстаніе было отвѣтомъ на закрытіе мастерскихъ и его девизомъ, какъ девизомъ декабря 1831 года было: «Умереть, сражаясь или жить, работая». Для буржуазіи и это возстаніе было анархіей, и она противоставила ему свой девизъ: порядокъ.

«*Порядокъ!* кричитъ Кавеньякъ, грубое эхо французскаго Національнаго Собранія и республиканской буржуазіи. *Порядокъ!* гремѣла его картечь, разрывая въ клочья тѣло пролетаріата. Ни одна изъ многочисленныхъ революцій французской буржуазіи съ 1789 года не была покушеніемъ на *порядокъ*, такъ какъ онѣ оставляли нетронутымъ господство буржуазіи и рабство рабочихъ, не касались *буржуазнаго* порядка и измѣняли лишь политическую форму этого господства и этого рабства. Іюньское возстаніе посмѣло коснуться этого порядка. Горе Іюню!»

Буржуазный порядокъ необходимо включаетъ въ себѣ смерть, или голодъ безъ работы, ему необходима резервная армія голодающихъ, безработныхъ. Въ тотъ моментъ, когда всякій получитъ возможность жить полною жизнью, жить, работая,—въ тотъ моментъ конецъ порядку буржуазіи, въ тотъ моментъ наступитъ свобода пролетаріата.

Въ этотъ революціонный 48-ой годъ у многихъ сознательныхъ французскихъ пролетаріевъ возникла мысль о «*всеобщей стачкѣ*», какъ средствѣ разрушенія буржуазнаго «порядка», но она не была приведена въ исполненіе, такъ какъ во-первыхъ связь между французскими пролетаріями различныхъ мѣстъ и профессій не была еще достаточна, во-вторыхъ многія отрасли капиталистическаго хозяйства, особенно важныя длд осуществимости всеобщей стачки, какъ напримѣръ, желѣзныя дороги, были еще въ зародышѣ, однимъ словомъ, вообще капиталистическая почва во Франціи не была еще подготовлена для всеобщихъ стачекъ.

Но стачечное движеніе послѣ 1848 г. продолжало безостановочно развиваться, укрѣпляя солидарность пролетаріата всей Франціи, всѣхъ профессій; въ то же время и промышленное развитіе дѣлало капиталистическій порядокъ все болѣе чувствительнымъ къ

массовымъ стачечнымъ ударамъ. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Наполеона III было полно крупными стачками въ различныхъ промышленныхъ центрахъ Франціи, стачками съ революціонными демонстраціями, баррикадами и жестокими кровавыми усмиреніями. Это стачечное движеніе несомнѣнно сыграло важную роль въ разрушеніи имперіи.

Война 1870—71 г., парижская Коммуна съ ея трагической смертью, торжество буржуазіи подъ видомъ торжества демократической республики — все это на время какъ бы ошеломило и парализовало революціонныя силы французскаго пролетаріата, но вскорѣ онѣ снова пробудились. Пробужденіе ознаменовалось съ одной стороны рядомъ анархическихъ покушеній, которыя прогремѣли, напугавъ буржуазію, но не принеся пролетаріату рѣшительно никакой пользы, съ другой, развитіемъ синдикальнаго движенія*) и ростомъ стачекъ, которыя все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ всеобщихъ, потрясая порядокъ не только въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, но и въ деревняхъ.

Такъ, напримѣръ, въ теченіе одного 1899 г. во Франціи было около 750 стачекъ, въ которыхъ участвовало около 180.000 рабочихъ. Въ новомъ столѣтіи стачечное движеніе приняло еще болѣе угрожающіе размѣры. Одной изъ самыхъ замѣчательныхъ стачекъ послѣдняго времени была всеобщая стачка углекоповъ въ октябрѣ 1902 г., описаніе которой читатель можетъ найти въ нашей брошюрѣ «Всеобщія стачки». Укажемъ здѣсь только, что въ этой стачкѣ участвовало 120.000 углекоповъ, которыхъ поддерживали не только французскіе рабочіе, но отчасти и рабочіе иностранные и, что она не принесла результатовъ, соотвѣтствующихъ силѣ солидарности, проявленной пролетаріатомъ, отчасти потому, что нѣкоторые парламентскіе соціалисты приложили всѣ усилія, чтобы пріостановить борьбу пресловутымъ третейскимъ судомъ. Вскорѣ послѣ этой стачки забастовали вольнонаемные матросы въ Марселѣ, не пожелавшіе слушать краснорѣчивыхъ парламентскихъ ораторовъ и прибѣгать къ

*) Рабочіе союзы во Франціи называются синдикатами.

правительственному посредничеству, и имъ не пришлось въ этомъ раскаиваться, такъ какъ въ концѣ концовъ они добились гораздо большаго, чѣмъ углекопы. *) Вообще французскіе портовые рабочіе предпочитаютъ вести борьбу за улучшеніе своего положенія безъ всякихъ посредниковъ, и хозяевамъ приходится нерѣдко уступать, такъ какъ портовые рабочіе, особенно марсельскіе всегда на сторожѣ, всегда готовы къ новому бою. Они много сдѣлали въ смыслѣ усовершенствованія средствъ экономической борьбы пролетаріата. Такъ, напримѣръ, весною 1903 г. въ томъ же Марселѣ портовые рабочіе уменьшили продолжительность рабочаго дня, не устраивая стачки, а самовольно прекращая работу ежедневно часомъ раньше. Разумѣется и чувство солидарности по отношенію ко всему борющемуся пролетаріату у французскихъ портовыхъ рабочихъ развито очень сильно. Въ значительной степени поддержкѣ портовыхъ рабочихъ Лоріана обязана своимъ успѣхомъ стачка металургическихъ рабочихъ въ бретанскомъ городкѣ Эннебонѣ, продолжавшаяся около полутора мѣсяца, съ конца іюня до начала августа 1903 г. Дѣло шло о ежедневной прибавкѣ въ 25 сант. 87 металургическимъ рабочимъ, матерьяльное положеніе которыхъ было особенно печально. Для тѣхъ интеллигентныхъ революціонеровъ, которые презрительно говорятъ о жалкой копейкѣ на рубль, въ данномъ случаѣ не изъ за чего было волноваться. Но иначе посмотрѣли на дѣло настоящіе пролетаріи: не говоря уже о томъ, что въ интересахъ 87 товарищей забастовали всѣ 1700 рабочихъ соотвѣтствующей фабрики, въ конфликтѣ приняло живое участіе и почти все рабочее населеніе Эннебана и сосѣдняго Лоріана. Съ своей стороны буржуазія выдвинула противъ стачечниковъ всѣ свои силы: полицію, войско, суды, но ничто не помогло.

«Или мы получимъ удовлетвореніе — говорили стачечники — или насъ придется арестовать и уничтожить до послѣдняго». Въ Лоріанѣ толпы рабочихъ пытались освободить арестованныхъ изъ тюрьмы и

*) Подъ вліяніемъ марсельской стачки морской министръ Пелле-танъ ввелъ при работахъ въ мастерскихъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ морскаго министерства, 8 часовой рабочій день.

держали въ осадѣ судей, вынесшихъ по обыкновенію жестокіе приговоры противъ арестованныхъ стачечниковъ. Положеніе приняло такіе угрожающіе размѣры, что правительство, какъ представитель всего буржуазнаго класса, убѣдило компанію завода, на которомъ происходила стачка, уступить рабочимъ; и даже судьи принуждены были смягчить свой приговоръ. Это побѣдоносное движеніе прошло безъ всякаго участія политическихъ вождей. «Въ теченіе 40 дней стачка съ ея 50 организованными собраніями — говоритъ органъ Всеобщей Конфедераціи труда — не выступилъ съ рѣчью ни одинъ политикъ, ни одинъ журналистъ, ни одинъ депутатъ».

Этого никакъ нельзя сказать про всеобщую стачку ткачей, происходившую осенью 1903 г. на сѣверѣ Франціи. Здѣсь съ многочисленными рѣчами выступало необычайно много политиковъ, депутатовъ и журналистовъ, но не въ этихъ рѣчахъ значеніе послѣдняго «возстанія» французскихъ ткачей.

Ткачи и прядильщики долины Лиса, работающіе на фабрикахъ въ Армантьерѣ, Уплинѣ, Лилѣ, Рубэ и т. д., составляютъ едва ли не самую обездоленную часть французскаго пролетаріата. Про нихъ можно сказать, что они не живутъ, а медленно умираютъ въ тяжеломъ трудѣ. Еще Бланки, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, въ яркихъ краскахъ рисовалъ ужасную судьбу этихъ ткачей, ткавшихъ тонкія полотна для буржуазныхъ приданыхъ, а себѣ и своимъ дѣтямъ грубый саванъ. Въ концѣ 40-хъ годовъ изъ каждыхъ 70 дѣтей, родившихся у ткачей сѣверной Франціи, лишь одинъ достигалъ возраста 5 лѣтъ, 69 умирало раньше. Ужасные подвалы Лиса, гдѣ въ немногіе часы сна лежали въ повалку мужчины, женщины и дѣти, возвращавшіеся изъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикъ, послужили темой для одного изъ самыхъ сильныхъ по чувству возмущенія стихотвореній Виктора Гюго въ его «Возмездіяхъ».

Конечно и въ этой страшной нищетѣ зарождался и развивался духъ протеста и борьбы, конечно несчастные изъ несчастныхъ устраивали стачки и нерѣдко вырывали у хозяевъ тѣ или другія уступки, но на сторонѣ хозяевъ были машины, которыя въ ткацкомъ производствѣ совершенствовались особенно быстро:

изобрѣтенія выбрасывали тысячи рабочихъ изъ фабрикъ и замѣняли непокорныхъ взрослыхъ рабочихъ болѣе покорными женщинами и дѣтьми. Въ результатѣ положеніе ткачей и прядильщиковъ сѣверной Франціи за время столѣтней борьбы, которую они ведутъ со своими хозяевами, улучшилось очень незначительно, такъ что и въ настоящее время большинство изъ нихъ влачитъ существованіе, которое трудно назвать человѣческою жизнью. Но, если ихъ матерьяльное положеніе улучшилось очень мало, то классовое сознаніе съ боевою солидарностью достигло въ настоящее время очень высокаго развитія, какъ это показала октябрская стачка 1903 г. Поводомъ къ стачкѣ послужило заявленіе фабрикантовъ о невозможности сохранить прежнюю заработную плату послѣ того, какъ войдетъ въ силу (1 апрѣля 1904 г.) постановленіе закона Мильерана-Кальяра о 10-ти часовомъ рабочемъ днѣ. Эта угроза уменьшить и безъ того голодную заработную плату освѣжила въ душахъ ткачей массу всевозможныхъ вопіющихъ обидъ и несправедливостей, причиняемыхъ имъ хозяевами. Они потребовали, чтобы тарифъ заработной платы, завоеванный ими еще въ 1889 г., былъ дѣйствительно примѣненъ на всѣхъ фабрикахъ, а не только на нѣкоторыхъ, какъ это было до сихъ поръ; они потребовали устраненія всевозможныхъ хозяйскихъ ухищреній, которыми урѣзывалась условленная заработная плата, они хотѣли законнаго сокращенія рабочаго дня, но не соглашались на уменьшеніе платы и т. д.

Стачка вспыхнула въ Армантьерѣ и Уплинѣ, гдѣ почти одновременно встало около 15.000 ткачей и прядильщиковъ. Она была совершенной неожиданностью для вожаковъ-соціалистовъ, принадлежавшихъ къ двумъ политическимъ фракціямъ гэдистовъ и жоресистовъ. Гэдисты, засѣдавшіе въ совѣтѣ федераціи текстильныхъ рабочихъ, были крайне недовольны этимъ движеніемъ, вспыхнувшимъ безъ ихъ разрѣшенія и пустили въ ходъ все свое вліяніе, чтобы не дать разрастись движенію во всеобщую стачку, вопросъ о полезности которой не былъ еще ими разсмотрѣнъ. Жоресисты взяли стачку подъ свое покровительство и проявили не мало энергіи, чтобы убѣдить рабочихъ не выходить изъ предѣловъ, установленныхъ законами и

распоряженіями придержащихъ властей. Но энергія и жоресистовъ, и гэдистовъ была совершенно ничтожной по сравненію съ энергіей правительства, котовое при первомъ же извѣстіи о стачкѣ, затопило мѣстность войсками всѣхъ родовъ оружія. Не смотря на это стачка быстро разлилась по всей долинѣ Лиса и превратилась во *всеобщую*. Стачечники раздѣлились на группы и двинулись въ сосѣдніе города и деревни, повсюду останавливая работу. Каждый отрядъ быстро возросталъ, такъ какъ къ нему присоединялись новые забастовщики. Поразительную картину, судя по газетнымъ сообщеніямъ, представляли эти процессіи «возставшихъ» пролетаріевъ, гдѣ старые и молодые ткачи шли рядомъ съ дѣвушками и женщинами, несшими на рукахъ малолѣтнихъ дѣтей. Воздухъ оглашался пѣніемъ «Интернаціонала» и «Краснаго Знамени» и, какъ бы повинуясь этимъ величавымъ звукамъ, повсюду, гдѣ проходили процессіи, замолкалъ фабричный шумъ, гасли фабричные огни...

Стачка распространилась на Лиль, Рубэ и рядъ другихъ городовъ сѣвернаго департамента. Въ Армантьерѣ нѣсколько дней были закрыты всѣ фабрики, мастерскія и магазины. Между стачечниками и войсками нерѣдко происходили стычки, при чемъ рабочіе устраивали баррикады и заграждали путь конницѣ протянутыми проволоками, сорванными съ телеграфныхъ и телефонныхъ столбовъ. Не обошлось дѣло и безъ оскорбленія «священной собственности». Изъ нѣкоторыхъ фабрикъ вылетали куски полотна и развѣвались въ воздухѣ, какъ громадныя серпантины, которыя такъ забавляютъ веселящуюся буржуазію. Рабочіе «серпантины» были не такъ забавны. Вскорѣ послѣ начала стачки фабриканты вступили въ переговоры съ «стачечнымъ комитетомъ», но вели ихъ такъ«дипломатично», прибѣгая къ такимъ увертками и задержкамъ, что негодованіе армантьенскихъ стачечниковъ вырвалось стихійно-революціоннымъ порывомъ.

13 октября, черезъ 10 дней послѣ начала стачки, огромная толпа манифестантовъ съ криками: «тарифъ или смерть!», «Да здравствуетъ всеобщая стачка!» заполняетъ площадь около меріи, и требуетъ обѣщаннаго отвѣта хозяевъ. Отвѣта нѣтъ, и толпа безъ всякаго предварительнаго соглашенія, безъ чьихъ нибудь

призывовъ бросается на главную улицу, улицу роскошныхъ магазиновъ и банковъ, и въ какихъ нибудь десять минутъ повсюду зеркальныя стекла разбиты, двери сломаны, магазины и банки заполнены толпою голодныхъ стачечниковъ, среди которыхъ особенно много женщинъ, дѣвушекъ, дѣтей. Вопли, крики смѣшиваются съ революціонными пѣснями, на улицу летятъ, развѣваясь въ воздухѣ куски матерій, зеркала, денежные ящики. Но вдали ужъ слышится лошадиный топотъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ толпу врѣзываются жандармы и драгуны. Лошади топчутъ женщинъ и дѣтей, толпа бѣжитъ, порядокъ возстановленъ. Но къ вечеру около меріи снова собирается десятитысячная толпа. Городъ погруженъ въ темноту: стачечники не допустили зажечь фонари. Во многихъ мѣстахъ разобрана мостовая и протянуты проволоки, чтобъ затруднить движеніе конницы. Съ одной стороны слышатся звуки «Интернаціонала», съ другой, бряцаніе оружія, нетерпѣливое ржаніе лошадей. Наконецъ раздается зловѣщій звукъ рожка, предупреждающаго объ атакѣ, и въ это же время небо заливается заревомъ отъ вспыхнувшаго пожара. Второй сигналъ, третій — и атака началась...

Подобные же взрывы происходили въ Рубэ, Хазебрукѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ въ районѣ «возстанія». Но эти вспышки не разлились въ широкое революціонное пламя, онѣ быстро потухли подъ вліяніемъ уступокъ, которыя испуганная палата депутатовъ заставила сдѣлать армантьенскихъ и уплинскихъ фабрикантовъ.

Послѣ шести недѣль забастовки армантьенскіе и и уплинскіе ткачи вернулись на фабрики побѣдителями. Ихъ матеріальное положеніе, вѣроятно, улучшится, но улучшится едва замѣтно. Ихъ классовое сознаніе несомнѣнно повысится и повысится очень замѣтно.

Этой стачкой разбита популярность многихъ политиковъ, враговъ всеобщей стачки, но среди рабочихъ ея идея пріобрѣла многихъ сознательныхъ сторонниковъ, и трагическіе октябрскіе дни въ Армантьерѣ не прошли безслѣдно какъ для пролетаріевъ въ блузахъ, такъ и для пролетаріевъ въ военныхъ мундирахъ. Во время стычекъ рабочіе постоянно кричали солдатамъ:

«Вотъ наша грудь, но вы наши братья, вы не рѣшитесь стрѣлять въ нее». Эти возгласы, эти сцены не могли пройти безслѣдно для солдатъ и возможно, что близко уже то время, когда «Интернаціоналъ», начатый стачечниками, будетъ подхваченъ солдатами.

Развитіе стачечнаго движенія дало твердую основу французскимъ теоретикамъ «всеобщей стачки». Въ 1848 г. идея всеобщей стачки была, по выраженію Энгельса, «парадною лошадью» нѣсколькихъ соціалистовъ-утопистовъ, теперь она жизненный двигатель быстро развивающагося революціонно-синдикальнаго рабочаго движенія. Въ то время, какъ различныя фракціи французскихъ соціалистовъ-политиковъ хирѣютъ, мельчаютъ или пропитываются буржуазнымъ духомъ, революціонное-синдикальное движеніе, находящее себѣ выраженіе во «Всеобщей Конфедераціи Труда» бодро подымаетъ обновленное знамя «Интернаціонала», стараясь укрѣпить его прежде всего на французской почвѣ.

«Всеобщая Конфедерація Труда» объединяетъ на федеративныхъ началахъ мѣстныя рабочія организаціи (синдикаты, биржи труда и т. д.). На ея VII конгрессѣ, происходившемъ въ Монпельѣ, были представители отъ 449 рабочихъ организацій. Ея задача — во-первыхъ объединить работниковъ, связавъ всѣ ихъ союзы и организаціи въ *партію класса*, въ партію труда, на «твердой почвѣ экономическихъ интересовъ» независимо отъ политическихъ дѣятелей; во вторыхъ — направить новую партію труда *къ прямому дѣйствію* во всѣхъ формахъ противъ силъ эксплуатаціи и угнетенія (капитала и государства) и подготовить соціальное преобразованіе путемъ *всеобщей стачки*, которая, внеся въ капиталистическое общество дезорганизацію, разложеніе, позволитъ трудящимся взять въ свое распоряженіе общественное производство.

Для пропаганды «всеобщей стачки» въ «конфедераціи» имѣется особая «комиссія стачекъ и стачки всеобщей»; эта комиссія стоитъ въ посторонной связи съ мѣстными стачечными комитетами.

Конфедерація различаетъ всеобщую стачку *реформирующую* и всеобщую стачку *экспропріирующую*.

Реформирующія всеобщія стачки направлены на достиженіе частичныхъ улучшеній въ положеніи ра-

бочаго класса; онѣ стремятся вырвать уступки у буржуазіи и ея государства и въ то же время подготовляютъ рабочій классъ къ всеобщей стачкѣ *экспропріирующей,* которая кладетъ конецъ капиталистическому строю эксплоатаціи и угнетенія, экспропріируя экспропріаторовъ.

Черезъ реформирующія стачки пролетаріатъ приходятъ къ стачкѣ экспропріирущей.

Рабочія организаціи, входящія въ «конфедерацію» уже теперь стараются основательно разобраться въ вопросѣ о томъ, что дѣлать въ случаѣ побѣдоносной стачки экспропріирующей? Обсужденіе этого вопроса является конечно необходимымъ разъ о «соціальной революціи», объ «экспропріаціи экспропріаторовъ» говорится серьезно, искренно, а не просто изъ «дипломатіи».

Въ Бельгіи идея всеобщей стачки имѣла довольно много сторонниковъ еще въ 1848 г., но попытки путемъ всеобщей стачки добиться измѣненія политическаго строя, въ частности введенія всеобщей подачи голосовъ, сдѣлались возможными лишь тогда, когда бельгійскій пролетаріатъ достаточно воспитался стачками экономическими. За вторую половину прошлаго столѣтія Бельгія пережила много крупныхъ экономическихъ стачекъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись одновременно и бурныя, и упорныя стачки углекоповъ.

Въ 80-хъ годахъ въ бельгійскомъ рабочемъ классѣ начало пробуждаться политическое сознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребность воздѣйствовать на политическую жизнь путемъ участія въ парламентскихъ и общинныхъ выборахъ, но для этого прежде всего было необходимо *завоевать* право голоса. Началась политическая борьба, и въ этой борьбѣ пролетаріатъ естественно прибѣгъ къ тому средству, которымъ онъ научился пользоваться, отстаивая свое существованіе отъ безудержной эксплуатаціи хозяевъ, онъ прибѣгъ къ стачкѣ. Политическая всеобщая стачка не была навязана ему сверху его интеллигентными вожаками, она была не столько результатомъ пропаганды и агитаціи, сколько стихійнымъ порывомъ, порожденнымъ всѣми условіями жизни пролетаріата. И въ 1893 г. и въ 1902 г. вожакамъ приходилось «декретировать»

всеобщую стачку уже тогда, когда пламя ея, независимо отъ нихъ, охватывало широкіе слои рабочаго класса. Вожаки въ обоихъ случаяхъ сдѣлали гораздо больше для пріостановки стачечнаго движенія, чѣмъ для возбужденія его. Въ 1893 г. стачка прекратилась, не успѣвъ еще разлиться по всей странѣ, но тѣмъ не менѣе она была, если не полной, то все же значительной побѣдой пролетаріата, получившаго доступъ къ избирательной урнѣ, хотя и не на основѣ всеобщаго избирательнаго права въ его чистомъ видѣ *). Въ 1903 г. стачка разлилась по всей странѣ и сразу подняла болѣе 300.000 пролетаріевъ, но она не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, не вырвала у парламентскаго большинства и правительства ни малѣйшей уступки. Вожаки поспѣшили остановить движеніе, увидя, что врагъ не испугался и готовъ принять рѣшительный бой. Отвѣтомъ на этотъ вызовъ могла быть только революція, но революція эта могла быть лишь революціей пролетарской, революціей соціальной. Вступая въ кровавый бой, пролетаріатъ уже не могъ удовольствоваться всеобщей подачей голосовъ, онъ несомнѣнно захотѣлъ бы пополнить свое политическое освобожденіе освобожденіемъ соціальнымъ, и ему пришлось бы бороться не только съ консерваторами-католиками, но съ либералами, прогрессистами и т. д., однимъ словомъ, со всѣми слоями буржуазіи отъ самой крупной, до самой мелкой. Такая революція не входила въ расчеты бельгійскихъ соціалдемократовъ, связанныхъ въ то время союзомъ съ либеральной буржуазіей. Необходимо замѣтить, что стачка 1902 г. съ перваго момента получила характеръ борьбы активной и къ ней очень мало подходило названіе стачки мирной. Пролетаріатъ прекратилъ работы, но не скрестилъ руки на груди, какъ это казалось многимъ необходимымъ для внушительности демонстраціи. Стачечники во многихъ мѣстахъ являлись толпами въ лавки и трактиры, требуя безплатно хлѣба и вина. «Теперь всеобщая стачка заявляли они, и теперь всякій долженъ дѣлиться

*) Подробно о бельгійскихъ всеобщихъ стачкахъ точно также какъ о голландской и шведской см. уже упомянутую мною брошюру «Всеобщія стачки».

своими запасами». Эти заявленія, которыя иногда нельзя было не принимать во вниманіе, приводили въ ужасъ не только крупныхъ, но и мелкихъ лавочниковъ, даже изъ числа, «сочувствующихъ соціализму». Либеральные бюргермейстеры, хотя и были «горячими сторонниками» всеобщей подачи голосовъ, рѣшили дѣйствовать противъ стачечниковъ съ энергіей Клейгельса. «Гражданская гвардія», эта буржуазная милиція стрѣляла и атаковала пролетаріевъ манифестантовъ, не за страхъ токмо, а и за совѣсть. Изъ Германіи съ ея трехмилліонной соціалдемократической партіей долетали извѣстія, что императоръ Вильгельмъ не потерпитъ революціи въ Бельгіи.

Вотъ тѣ причины, которыя побудили бельгійскихъ вожаковъ пробить отбой. Мы не будемъ разбирать вопроса, насколько они были въ данномъ случаѣ правы, но разочарованный тонъ, которымъ проникнуты рѣчи и статьи многихъ бельгійскихъ соціалистовъ послѣ «неудачи» 1902 г., намъ совершенно непонятенъ. Всеобщая стачка 1902 г. показала, что пролетаріатъ въ рѣшительныя минуты не только не получаетъ поддержки со стороны либеральной буржуазіи, но, напротивъ встрѣчаетъ въ ней ожесточеннаго врага; она показала, что всеобщую стачку не легко удержать въ границахъ мирной политической демонстраціи; она показала необходимость *дѣятельнаго* союза пролетаріата различныхъ странъ; но она отнюдь не указала слабости бельгійскаго пролетаріата, какъ боевой революціонной арміи.

Соціалистическій депутатъ Брюсселя, Луи Бертранъ въ брошюрѣ, изданной вскорѣ послѣ всеобщей стачки, говоря о тактикѣ рабочей партіи, отказывается отъ формулы, которую онъ прежде самъ защищалъ: «Мирно, если возможно, революціонно, если необходимо».

«Останемся революціонерами, что касается до *цѣли*, которую мы преслѣдуемъ, но заявимъ, что мы разсчитываемъ придти къ ней *средствами* законными, мирными, легальнымъ оружіемъ избирательной записки...

«Если придется воспользоваться легальнымъ средствомъ всеобщей стачки, воспользуемся имъ, но организуемъ эту стачку, которая, чтобъ имѣть успѣхъ,

должна длиться цѣлыя недѣли. Пусть каждый рабочій скопитъ сотню франковъ, и успѣхъ подобной стачки очевиденъ».

Ахъ, не во франкахъ здѣсь дѣло, а въ ясномъ классовомъ сознаніи, которое несовмѣстимо съ преклоненіемъ передъ буржуазными идолами, изъ нихъ же первый есть законность. Законными средствами пролетаріатъ никогда не добьется своего освобожденія, и всеобщая стачка никогда не можетъ быть законной. Если для нѣкоторыхъ соціалистическихъ депутатовъ всеобщая стачка 1902 г. была урокомъ въ смыслѣ необходимости бороться лишь законными средствами, то для массы пролетаріата, какъ, вѣроятно, покажетъ недалекое будущее, она была урокомъ незаконности.

Голландія пережила въ 1903 г. двѣ чрезвычайно характерныя всеобщія стачки, раздѣленныя промежуткомъ въ какихъ-нибудь два мѣсяца. Первая стачка возникла на экономической почвѣ и развилась совершенно стихійно изъ незначительнаго столкновенія портовыхъ рабочихъ съ одною изъ транспортныхъ компаній. Въ теченіе однѣхъ сутокъ она охватила всѣхъ портовыхъ рабочихъ, затѣмъ желѣзнодорожныхъ служащихъ и т. д. Хозяйственная жизнь страны была сразу пріостановлена, и прекращеніе желѣзнодорожнаго движенія отозвалось далеко за предѣлами Голландіи. Ударъ былъ нанесенъ организованнымъ и неорганизованнымъ пролетаріатомъ съ необычайной быстротой и единодушіемъ. Буржуазія съ ея правительствомъ испугалась и согласилась исполнить требованія рабочихъ.

Вторая стачка, въ подготовленіи которой дѣятельное участіе приняли политическіе дѣятели, по ихъ собственному признанію, противники, какъ вообще всеобщей стачки, такъ и той, которую они подготовляли, должна была воздѣйствовать на парламентъ и удержать его отъ голосованія законовъ, направленныхъ противъ коалиціонной свободы. Не смотря на двухмѣсячную подготовительную работу и массу вожаковъ, стачка началась чрезвычайно вяло и, не оказавъ никакого воздѣйствія на парламентъ, закончи-

лась среди раздоровъ руководителей. Это показываетъ, что «сдѣлать» или «назначить» всеобщую стачку очень трудно, что необходимый для нея энтузіазмъ нельзя возбудить по командѣ сверху, особенно, если на верху стоятъ люди, признающіе борьбу лишь при помощи избирательныхъ записокъ. Теперь они въ своихъ нападкахъ на борьбу всеобщими стачками ссылаются на свой опытъ, не понимая, что этотъ опытъ говоритъ совсѣмъ не противъ стачекъ, а противъ руководства движеніемъ, которому не сочувствуешь.

«Если бы мы — говоритъ одна изъ такихъ руководительницъ, госпожа Роландъ Хольстъ *) — остались внѣ комитета (подготовившаго стачку и руководившаго ею), или бы вышли изъ него, т. е. если бы мы стояли внѣ великаго народнаго движенія, — конечно, на насъ тогда не пало бы часть отвѣтственности въ позорѣ пораженія, но *тогда мы не были бы больше рабочей партіей* **) и это было бы несчастье несравненно болѣе вредное по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ уничтоженіе организаціи желѣзнодорожныхъ служащихъ и все остальное. Мы были бы оттѣснены къ свободомыслящимъ демократамъ; мы потеряли бы пограничную линію между собою и буржуазной демократіей, мы были бы въ будущемъ принуждены опираться на мелкую буржуазію, мы потеряли бы довѣріе рабочихъ въ тотъ моментъ, который на многіе годы былъ рѣшающимъ для будущаго рабочаго движенія въ смыслѣ пріобрѣтенія этого довѣрія».

Слова, достойныя появиться на первой страницѣ «Искры»! Какъ легко «соціалдемократія», разъ она представляетъ изъ себя командира пролетаріата, явившагося къ нему изъ буржуазіи, можетъ перестать быть рабочей партіей. Стоило бы голландской соціалдемократіи не принять участія въ руководствѣ всеобщей стачкой, которую госпожа Роландъ Хольстъ сама называетъ «глупостью», и она, т. д. соціалдемократія, а не стачка, перестала бы быть рабочей партіей. Увы, несомнѣнно уже имѣются «соціалдемократическія» партіи, переставшія быть рабочими. И можетъ быть для голландской соціалдемократіи было бы

*) «Die Neue Zeit» 21 Jahrg. № 31.
**) Курсивъ подлинника.

лучше перестать быть рабочей партіей, отказавшись отъ руководства пролетарскими глупостями. А то посмотрите въ какое ужасное положеніе поставила себя голландская соціалдемократическая рабочая партія.

«Наша партія—говоритъ госпожа Роландъ Хольстъ — находится въ настоящее время въ очень непріятномъ положеніи. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она существуетъ, дуетъ сильный вѣтеръ реакціи. Надъ нашими вождями насмѣхаются на улицѣ, *въ буржуазной прессѣ ихъ ругаютъ и на нихъ клевещутъ* (О ужасъ!), соціалдемократическимъ школьнымъ учителямъ грозитъ опасность потерять свои мѣста; уваженіе, которымъ мы пользовались со стороны части буржуазнаго общества, *перешло въ горькую враждебность;* мелкая буржуазія, которая была по отношенію къ намъ настроена довольно хорошо, отстраняется теперь отъ насъ полу-пугливо, полу-возмущенно».

И эти люди, плачущіе о потери буржуазной любви и сочувствія, явятся на амстердамскій международный конгрессъ, какъ сознательные представители голландскаго пролетаріата, другихъ представителей, какъ «анархистовъ», на конгрессъ не допустятъ, или вышвырнутъ вонъ изъ залы. Да, можетъ быть, для нѣкоторыхъ голландскихъ соціалдемократовъ было бы выгодно перестать быть рабочей партіей, но несомнѣнно, это было полезно бы голландскому пролетаріату. Впрочемъ, какъ бы не доказывала Роландъ Хольстъ, Флигены и др., что всеобщая стачка «нелѣпость», «глупость», «преступленіе», голландскіе рабочіе снова неожиданно и негаданно возстанутъ противъ буржуазнаго строя, властно пріостановивъ промышленную жизнь страны. Будетъ ли это бой «послѣдній и рѣшительный», или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, только такими «безумными» въ глазахъ «соціалдемократическихъ» филистеровъ пролетарскими движеніями приближается освобожденіе отъ капиталистическаго рабства.

У самихъ голландскихъ рабочихъ неудача не вызвала никакого унынія. Въ концѣ 1903 г. въ Голландіи было нѣсколько съѣздовъ различныхъ рабочихъ профессіональныхъ союзовъ и на нихъ выяснилось, что рабочія организаціи, якобо разбитыя всеобщей стачкой, развиваются съ необычайной быстротой и притомъ на болѣе твердыхъ основахъ. Всюду бьетъ

ключемъ новая жизнь, всюду замѣчается приливъ новыхъ силъ, призванныхъ къ сознательной пролетарской борьбѣ всеобщими стачками; и въ большинствѣ отдѣльныхъ союзовъ и организацій пробудилось стремленіе къ объединенію на федеративныхъ началахъ.

Въ **Швеціи** оригинальная всеобщая стачка 1902 г. была подготовлена рядомъ систематическихъ демонстрацій въ пользу всеобщаго избирательнаго права. И сама она была чрезвычайно внушительной демонстраціей силы рабочаго класса, устроившаго трехдневную всеобщую забастовку. Какъ всякая демонстрація или манифестація, эта стачка имѣла, конечно, цѣлью произвести впечатлѣніе и воздѣйствіе на власть имущихъ, но забастовщики. заранѣе установивъ краткій срокъ ея продолжительности (3 дня), не смотрѣли на нее, какъ на рѣшительный бой, который долженъ тотчасъ принудить буржуазію къ исполненію, поставленнаго требованія. Эта стачка была не сраженіемъ, а смотромъ. Сознательный пролетаріатъ захотѣлъ подсчитать свои силы и показать ихъ своему врагу. И смотръ вышелъ во всѣхъ отношеніяхъ по истинѣ величественный. 150.000 рабочихъ «праздновали» въ теченіе трехъ дней, и пріостановка обычной дѣловой жизни въ главнѣйшихъ городахъ Швеціи показала, и самому пролетаріату и шведской буржуазіи и всему міру, *наглядно* показала кѣмъ создается и поддерживается современная культура.

Парламентъ, какъ извѣстно, въ моментъ стачки принялъ резолюцію. приглашавшую правительство внести законопроектъ о всеобщей подачѣ голосовъ.

Но еще важнѣе то впечатлѣніе, которое стачка произвела на самихъ рабочихъ, укрѣпивъ ихъ вѣру въ свои силы, укрѣпивъ ихъ товарищескую солидарность. Этой солидарности пришлось вскорѣ выдержать тяжелыя испытанія въ рядѣ экономическихъ столкновеній съ хозяевами, которымъ захотѣлось дать почувствовать рабочимъ силу своего капитала. Особенно замѣчательна борьба хозяевъ съ портовыми рабочими Стокгольма, длившаяся цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ, съ марта 1903 г. по январь 1904 г., и окончившаяся полною побѣдою рабочихъ. Рабочимъ удалось не только

отстоять прежнюю заработную плату, которую хотѣли понизить хозяева, но и добиться признанія очень существенныхъ правъ за своимъ профессіональнымъ союзомъ, отъ котораго теперь въ извѣстной степени будетъ зависѣть привлеченіе новыхъ рабочихъ силъ. Знаменательно, что рабочіе во время этой десятимѣсячной забастовки не ограничились пассивнымъ выжиданіемъ, но основали свое товарищество или свою артель, для выполненія портовыхъ работъ, (выгрузки, транспортировки и проч.), независимо отъ предпринимателей. Это товарищество, названное «Прогрессомъ», продолжаетъ дѣйствовать и послѣ окончанія стачки.

Въ настоящее время (мартъ 1904 г.) въ рабочихъ кругахъ Швеціи идетъ сильное движеніе въ пользу новой всеобщей стачки и при томъ *настоящей*, а не просто мирной демонстраціи.

Движеніе вызвано попытками буржуазіи уклониться отъ своего обѣщанія — ввести въ Швецію всеобщую подачу голосовъ.

Въ родственной Швеціи **Даніи** не было до сихъ поръ всеобщихъ стачекъ въ собственномъ значеніи слова, но она не разъ переживала грандіозныя столкновенія между трудомъ и капиталомъ, сильно потрясавшія ея промышленный организмъ. Такъ въ 1899 г. самымъ важнымъ событіемъ внутренней жизни Даніи былъ массовой локаутъ, пріостановившій работу всѣхъ строительныхъ рабочихъ. Онъ былъ слѣдствіемъ забастовки копенгагенскихъ плотниковъ. Это столкновеніе превратилось въ упорную борьбу между всѣми организованными рабочими и всѣми организованными предпринимателями. Борьба длилась около 4 мѣсяцевъ; строительныхъ рабочихъ поддерживали не только всѣ датскіе рабочіе другихъ профессій, но многія заграничныя рабочія организаціи. Одни нѣмецкіе пролетаріи собрали въ пользу датскихъ товарищей болѣе 200 тысячъ марокъ. Передъ этой международной солидарностью пролетаріевъ не устояли датскіе капиталисты, и борьба окончилась побѣдою рабочихъ.

Въ **Норвегіи** до послѣдняго времени почти не было крупной промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ было очень слабо и рабочее движеніе. Но съ конца прошлаго столѣтія капитализмъ начинаетъ дѣлать быстрые успѣхи и здѣсь. Появляются крупные заводы, фабрики и другія капиталистическія предпріятія; начинается классовая борьба между промышленнымъ пролетаріатомъ и буржуазіей, находящая свое выраженіе въ мелкихъ, но частыхъ стачкахъ. Стачки вызываютъ профессіональные союзы, число которыхъ за послѣдніе пять лѣтъ увеличилось почти вдвое. На основѣ профессіональнаго движенія развивается соціалдемократическая партія.

Оляфъ Кринген, *) указывая, что «въ основѣ норвежской соціалдемократической партіи лежитъ широкое профессіональное движеніе», считаетъ это, видимо, совершенно естественнымъ, но другой норвежскій соціалдемократъ, Эрикъ Брунте, **) указывая, что партійному правленію приходилось до сихъ поръ тратить много времени и силъ на руководство и поддержку стачекъ, замѣчаетъ, что это не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностью политической партіи. Видимо и въ Норвегіи уже появились соціалдемократы, желающіе оторваться отъ рабочаго движенія.

Въ **Германіи** пролетаріату несомнѣнно вредитъ, что его политическая партія, соціалдемократія, не достаточно тѣсно связана съ профессіональными рабочими союзами, что въ его классовой борьбѣ политическое теченіе идетъ какъ бы независимо отъ экономическаго, что «партія» въ лицѣ ея представителей иногда даже противопоставляетъ политическіе интересы соціалдемократіи экономическимъ интересамъ борющагося пролетаріата. Просматривая ежегодные отчеты соціалдемократическаго партійнаго правленія и протоколы соціалдемократическихъ партейтаговъ, удивляешься, какъ мало вниманія партія удѣляла и удѣляетъ экономической борьбѣ нѣмецкихъ рабочихъ,

---

*) См. Жизнь № 6 1902 г.
**) «Die Neue Zeit» XX Jahgang № 26.

въ частности ихъ многочисленнымъ стачкамъ, бойкотамъ и т. д. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда партейтаги принуждены были снизойти до обсужденія тѣхъ или другихъ вопросовъ, касающихся экономической борьбы рабочаго класса, большинство ихъ делегатовъ нерѣдко проявляло настроеніе, совершенно неподходящее для представителей пролетаріата. Очень характерно въ этомъ отношеніи такъ называемое «бантовское дѣло», которымъ пришлось заняться любекскому партейтагу въ 1901 г.

Въ Бантѣ произошла стачка строительныхъ рабочихъ. Соціалдемократы оказались не только въ числѣ забастовавшихъ рабочихъ, но и въ числѣ хозяевъ. Хозяева соціалдемократы боролись противъ рабочихъ соціалдемократовъ совершенно также, какъ обыкновенно борются капиталисты. Они замѣнили забастовщиковъ малотребовательными итальянцами, согласившимися работать по 14 часовъ въ сутки, что казалось чрезмѣрнымъ нѣмецкимъ рабочимъ соціалдемократамъ. Побѣжденные рабочіе сочли необходимымъ потребовать исключенія изъ партіи хозяевъ-побѣдителей. «Дѣло» прошло по всѣмъ партійнымъ инстанціямъ и было наконецъ рѣшено партейтагомъ *въ пользу хозяевъ*. Пренія были необычайно кратки, настолько кратки, насколько длинны и страстны бываютъ на нѣмецкихъ соціалдемократическихъ партейтагахъ пренія, когда дѣло касается высоко важнаго для пролетаріата вопроса о какой нибудь перебранкѣ двухъ журналистовъ. Защитники соціалдемократическихъ предпринимателей опирались на принципъ, по которому «въ экономической стачкѣ соціалдемократическіе предприниматели пользуются равнымъ правомъ съ рабочими». Нѣкоторые ораторы такъ яро защищали предпринимателей, что делегатъ изъ Банта Гемоль, стоявшій на сторонѣ рабочихъ, выразилъ ироническое удивленіе, какъ это предприниматели не догадались потребовать исключенія изъ партіи стачечниковъ? Разъясняя «дѣло» Гемоль указалъ (безтактный человѣкъ!), что «тѣ же предприниматели, которые, какъ *товарищи* выступали за 8-ми часовой рабочій день, заставляли итальянцевъ работать 14 часовъ». «Должны ли мы терпѣть это въ нашихъ рядахъ?» — спросилъ онъ. «Принимайте же въ партію ужъ и Кютменеровъ, и Крупповъ!» Пред-

ставитель «правленія партіи» Геришъ, защищая предпринимателей и нападая на рабочихъ, особенно возмущался, что рабочіе уже послѣ стачки выпустили воззваніе, въ которомъ просили товарищей изъ *другихъ мѣстъ* не предлагать пока своихъ услугъ бантовскимъ хозяевамъ.

Послѣ рѣчи Гериша пренія, не смотря на протесты меньшинства, были закрыты, и партейтагъ принялъ резолюцію, которая, признавая, что «поведеніе товарищей-предпринимателей было не безупречно, не находила однако достаточныхъ основаній для исключенія ихъ изъ партіи».

Тотъ же партейтагъ не согласился исключить изъ партіи нѣсколькихъ строительныхъ рабочихъ въ Гамбургѣ, которые поддерживали хозяевъ въ ихъ борьбѣ съ «рабочимъ союзомъ», добивавшимся уничтоженія сдѣльныхъ работъ.

Многіе представители нѣмецкой соціалдемократической партіи, видимо, боятся, какъ бы не увлечься классовымъ чувствомъ. Ради безпристрастія «правленіе партіи» не рѣшилось включить въ списокъ наказаній, выпавшихъ на долю борющагося пролетаріата, каторжныхъ работъ и тюрьмы, къ которымъ въ 1899 г. буржуазный судъ приговорилъ рабочихъ въ Лобтау, хотѣвшихъ остановить «сверхурочныя работы» и устроившихъ «безпорядки». Приговоръ, по которому 9 обвиняемыхъ въ «безпорядкахъ» получили въ общемъ 53 года каторжныхъ работъ и 8 лѣтъ тюрьмы, былъ признанъ даже многими буржуазными газетами проявленіемъ *классовой* ненависти буржуазіи, а отнюдь не выраженіемъ какого бы то ни было правосудія. Соціалдемократическая партія возмущалась этимъ приговоромъ, но занести жертвъ въ списокъ мучениковъ классовой борьбы правленіе не рѣшилось. Правленіе партіи заявило печатно, что «не удобно прикрашивать поступки, вызвавшіе наказаніе, или ставить ихъ въ связь съ партійнымъ движеніемъ».*)

*) На сколько «безпристрастны» нѣкоторые соціалдемократическіе вожди можно судить, между прочимъ, потому, что въ 1901 г. извѣстный соціалдемократъ Клосъ голосовалъ въ Штутгарскомъ городскомъ совѣтѣ за выдачу наградныхъ полицейскимъ, «охранявшимъ порядокъ» во время стачки трамвайныхъ служащихъ. «Всякій трудъ долженъ быть вознаграждаемъ» — говорилъ онъ.

Делегатъ Кнаппъ, защищая партійное правленіе на Ганноверскомъ партейтагѣ, заявилъ о важности «научить рабочихъ, какъ держаться въ случаѣ подобномъ лобтаускому», т. е. научить ихъ не устраивать «безпорядковъ». Даже Ледебуръ, находившій, что правленіе партіи поступило неправильно и что лобтаускій приговоръ стоитъ въ связи съ пролетарскимъ движеніемъ, оговаривался, что, конечно, соціалдемократы должны осудить поведеніе рабочихъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ несомнѣнно было со стороны рабочихъ «нарушеніе закона».

«Я утверждаю» — воскликнулъ этотъ едва ли не самый радикальный изъ соціалдемократическихъ радикаловъ — «что при извѣстной осторожности можно избѣжать почти всѣхъ наказуемыхъ дѣяній».

Это, разумѣется, уже «идеалъ»! Но какой возвышенный идеалъ! Одновременно торжествуютъ и ненарушимые прусскіе законы и нѣмецкіе соціалдемократы! Какъ не вспомнить словъ Энгельса о «румяныхъ щекахъ», нажитыхъ соціалдемократами, благодаря «законности».

Соціалдемократическіе рабочіе думаютъ совсѣмъ иначе, но вѣдь вырвалось же у делегата Фогта на Мюнхенскомъ партейтагѣ 1902 г. характерное восклицаніе:

«Рабочему делегату стало невозможно на нашихъ партейтагахъ сказать свое слово!», и кто то сочувственно откликнулся возгласомъ: «Совершенно справедливо!»

Кромѣ ненарушимости законовъ въ «идеалъ» входитъ еще отсутствіе стачекъ. Къ стачкамъ многіе соціалдемократическіе политики относятся очень недружелюбно. «Стачка» — писалъ въ началѣ 1904 года «Vorwärts» — по *принципу* заимствована изъ *либеральнаго*, а не изъ соціалистическаго круга мыслей».

«Какой партійно политическій интересъ соціалдемократія сама по себѣ должна имѣть въ стачкахъ, это невозможно понять. Стачки въ началѣ современнаго рабочаго движенія *можетъ быть* являются имѣющимъ значеніе пробудителемъ классового сознанія. Въ странѣ сильнѣйшей соціалдемократіи партія не нуждается въ подобныхъ дѣйствіяхъ; здѣсь стачки исключительно средство къ улучшенію экономическаго положенія

извѣстныхъ профессій, онѣ чисто профессіонально-союзной природы».

Не смотря на такое презрительное отношеніе къ стачкамъ центральнаго органа нѣмецкой соціалдемократіи, мы рѣшаемся думать, что стачечная борьба имѣла и имѣетъ гораздо больше значенія для созданія боевой силы нѣмецкаго пролетаріата, чѣмъ «борьба избирательная», что партійная солидарность питается и укрѣпляется, главнымъ образомъ, стачками и что, наконецъ, нѣмецкій пролетаріатъ въ своей классовой борьбѣ неминуемо придетъ къ «всеобщимъ стачкамъ», которыя подготовляются многочисленными стачками частичными.

Нѣмецкій пролетаріатъ начинаетъ свою стачечную борьбу еще до революціи 1848 г., ставя первыя слабыя преграды хищнической эксплуатаціи нарождающагося капитализма. Въ началѣ 40-хъ годовъ въ Берлинѣ вспыхиваетъ стачка набойщиковъ ситца, въ Бранденбургѣ желѣзнодѣлательныхъ рабочихъ.

Но гнетъ капитализма въ то время былъ слишкомъ безпощаденъ и жестокъ, положеніе пролетаріата слишкомъ отчаянно и ужасно, чтобы его протестъ и возмущеніе могли остаться въ предѣлахъ «мирныхъ» стачекъ, подавляемыхъ къ тому же полицейскою и военною властью. Въ серединѣ 40-хъ годовъ по всей Германіи разливается волна рабочихъ бунтовъ. Изъ нихъ особенно знамениты бунты силезскихъ ткачей, такъ ярко и вѣрно исторически изображенные Гауптманомъ въ его извѣстной драмѣ.

Это былъ крикъ отчаянья и голода, но въ то же время, какъ справедливо замѣчаетъ Мерингъ*), и «признакъ того, что пролетаріатскія массы начали сознавать свое право на человѣческое существованіе».

Бунты были жестоко усмирены, при чемъ въ ходъ были пущены даже пушки; «виновные» наказаны плетьми и каторгой. Но нѣтъ такихъ пушекъ, и нѣтъ такихъ наказаній, которыя могли бы остановить ростъ революціоннаго сознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и революціонной силы современнаго пролетаріата.

---

*) Franz Mehring. Geschichte der deutschen socialdemokratie, 2 Bände Stuttgart 1898. Изъ этого сочиненія нами взяты многія данныя для рабочаго движенія въ Германіи.

За «голодными бунтами» 44 года прогремѣла мартовская революція 48 года. Пролетаріатъ пролилъ свою кровь за свободу, но, увы, свобода оказалась *буржуазной*. Городская милиція, этотъ якобы «оплотъ народной свободы» на другой же день послѣ революціи превратилась, по выраженію Меринга, въ «полицейское войско, которое могло вызывать легкое сожалѣніе о до-мартовской жандармеріи»... «Она неистовствовала, какъ подстрѣленный кабанъ, за святость собственности и противъ „подстрекателей“».

Побѣду пролетаріата буржуазія увѣнчала своимъ предательствомъ, но нѣтъ такого предательства, которое могло бы остановить ростъ братской солидарности трудящихся и неимущихъ! Съ моментомъ перваго предательства нѣмецкой буржуазіи совпадаетъ моментъ первой попытки самостоятельной организаціи всего нѣмецкаго пролетаріата.

Въ началѣ апрѣля 1848 г. 150 берлинскихъ рабочихъ устроили рабочій клубъ, который рѣшилъ организовать центральный комитетъ, выбранный рабочими различныхъ фабрикъ и мастерскихъ. Комитетъ былъ выбранъ 19 апрѣля, а 23 августа уже былъ созванъ рабочій конгрессъ, въ которомъ приняли участіе представители отъ рабочихъ почти всѣхъ большихъ городовъ. Конгрессъ положилъ начало союзу нѣмецкихъ рабочихъ, «Рабочему Братству», съ центральнымъ комитетомъ во главѣ и печатнымъ органомъ «Die Verbrüderung». И центральный комитетъ и редакція «Братства» находились въ Лейпцигѣ, гдѣ черезъ 15 лѣтъ послѣ того возникла нѣмецкая соціалдемократическая партія. «Братство» сдѣлало много для пробужденія и укрѣпленія классового сознанія нѣмецкихъ рабочихъ, *дѣятельно поддерживая* стачки, *которыхъ было необычайно много въ 1848 году*. Въ одномъ Берлинѣ послѣ мартовскихъ дней ихъ было нѣсколько десятковъ. Многія изъ этихъ стачекъ окончились побѣдою рабочихъ. Но что особенно важно — этими стачками были созданы національно-профессіональные союзы, изъ которыхъ особенно сильными съ самаго начала были союзъ наборщиковъ и союзъ сигарныхъ рабочихъ. Эти союзы съ своей стороны укрѣпляли стачечное движеніе. Либеральная буржуазія отнеслась къ стачкамъ и рабочимъ союзамъ съ ярою ненавистью, и по

ея змѣиному свисту на стачечниковъ, какъ на преступниковъ яростно накидывались полицейскіе судьи. У либеральныхъ газетъ, только что восхвалявшихъ мартовскіе революціонные дни, нашлось не мало аргументовъ противъ стачекъ и стачечниковъ. «Національная Газета» торжественно заявляла, что стачки допустимы лишь съ разрѣшенія начальства, такъ какъ иначе, государство распадется на ассоціаціи, беззаконно борющіяся между собою. «Газета Фосса» («Vossische Zeitung) доносила на стачечниковъ, какъ на подкупленныхъ заграницей, такъ какъ они получали поддержку отъ заграничныхъ рабочихъ.

«Еще и нынѣ невозможно безъ радости читать»— говоритъ Мерингъ — «какъ толково руководители этой пролетарской борьбы наборщики, Борнъ и Фрелихъ, сигарные рабочіе Кольвекъ и Стеханъ расправлялись съ буржуазной галиматьей, порожденной въ нечестивомъ бракѣ тупоумія съ бѣшеной жаждой прибыли».

Въ 50-ые годы, въ этотъ періодъ торжества реакціи, стачечное движеніе нѣмецкихъ рабочихъ ослабѣваетъ, чтобы въ серединѣ 60-хъ снова подняться могучей волной.

Изъ многочисленныхъ стачекъ 1865 г. особенно сильное впечатлѣніе и на пролетаріатъ, и на буржуазію произвела десятинедѣльная стачка наборщиковъ въ Лейпцигѣ. Наибольшей высоты движеніе достигло въ 69 г., когда въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Аугсбургѣ и многихъ другихъ промышленныхъ центрахъ рабочіе различныхъ отраслей труда вырвали не мало уступокъ у господствующихъ классовъ. Эпидемія стачекъ испугала нѣкоторыхъ соціалдемократическихъ вождей. Органъ эйзенаховцевъ (Либкнехта и Бебеля) «Volksstaat» («Народное государство») протестовалъ противъ «безсмысленнаго дѣланья стачекъ», лассальянецъ Іоркъ совершенно въ духѣ «Искры» утверждалъ, что при стачкахъ «большая часть силъ растрачивается безуспѣшно».

Эпидемія стачекъ на время пріостановилась, но не вслѣдствіе этихъ протестовъ и предостереженій, а вслѣдствіе франко-прусской войны.

По окончаніи войны стачечное движеніе разливается по всей Германіи съ новой силой. Стачки пріобрѣтаютъ *массовой* характеръ. Рабочіе нерѣдко тер-

пять пораженія, но совмѣстно пережитыя лишенія никогда не проходятъ даромъ. Развитію рабочихъ союзовъ дается могучій толчокъ, и вообще подъ вліяніемъ стачекъ боевая солидарность рабочихъ дѣлаетъ огромные успѣхи. И эта солидарность *заставляетъ* партійныхъ вожаковъ примириться между собой. Эйзенаховцамъ и лассальянцамъ приходится слиться въ одну партію, разъ они хотятъ считаться партіей рабочаго класса.

Буржуазныя партіи всѣхъ «направленій» съ правительствомъ во главѣ продолжаютъ относиться къ стачкамъ съ величайшей ненавистью, и эта ненависть ростетъ вмѣстѣ съ развитіемъ небольшихъ забастовокъ въ массовыя стачки, нарушающія «правильный» ходъ капиталистическаго производства и эксплуатаціи.

Солидарность рабочаго класса, созданная столькими совмѣстными жертвами во время массовыхъ стачекъ, не могла уже быть разбита никакими исключительными законами. Бисмаркъ могъ разбить соціалдемократическую политическую организацію, могъ нанести ударъ организаціямъ профессіональнымъ, но естественная связь между всѣми нѣмецкими пролетаріями, связь, которую поддерживала безпрерывная экономическая борьба, не только не ослабѣла, но даже еще болѣе окрѣпла за 12 лѣтъ исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ.

Стачки поддерживали и спасали соціалдемократію. Въ 1885 г. она, казалось, гибла: къ внѣшнимъ ударамъ присоединились внутреннія распри; но, какъ разъ въ это время поднялась могучая стачечная волна и влила въ ослабѣвшую партію новыя силы, силы единства и борьбы. Весною 1886 г. главный «сослуживецъ» Бисмарка пресловутый Путкамеръ пытается подкосить соціалдемократію извѣстнымъ *стачечнымъ указомъ*; административнымъ путемъ отмѣняетъ онъ коалиціонную свободу и думаетъ, что этимъ убита, по его выраженію, *гидра революціи, которая таится за каждой стачкой*».

Но нѣтъ такихъ декретовъ, которыми можно было бы уничтожить стачки и поразить на смерть таящуюся за ними гидру революціи.

Декретъ Путкамера уничтожается небывалыми по своимъ размѣрамъ стачками конца 80-хъ годовъ. Пер-

вое мѣсто между ними занимаетъ всеобщая стачка нѣмецкихъ углекоповъ, вспыхнувшая въ маѣ 1889 г. Въ ней принимаютъ участіе 90.000 углекоповъ Рейнской провинціи и Вестфаліи, 13.000 — Саарской области, 10.000 — Королевства Саксоніи, 19.000— Силезіи.

Политическимъ выраженіемъ этихъ массовыхъ стачекъ были выборы 20 февраля 1890 г., давшіе $1^1/_2$ милліона соціалдемократическихъ голосовъ. Исключительный законъ противъ соціалистовъ палъ, увлекая за собой своего главнаго вдохновителя «всесильнаго» Бисмарка.

Въ теченіе послѣднихъ 13 лѣтъ нѣмецкое рабочее движеніе продолжаетъ развиваться и крѣпнуть попрежнему въ упорной стачечной борьбѣ. Политическія (соціалдемократическія) и профессіональныя рабочія организаціи особенно сильны въ тѣхъ округахъ, которыя за послѣднее время пережили наиболѣе упорныя массовыя стачки. Первое мѣсто занимаетъ Гамбургъ, этотъ главный оплотъ соціалдемократической партіи. Здѣсь въ 1897 г. въ теченіе трехъ мѣсяцевъ происходила знаменитая стачка портовыхъ рабочихъ, за которой съ противоположными чувствами слѣдили пролетаріатъ и буржуазія не только въ Германіи, но во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Стачечники держались необычайно дружно; не мало силы и бодрости придавало имъ дѣятельное сочувствіе нѣмецкихъ и заграничныхъ пролетаріевъ, которые изъ своихъ скудныхъ средствъ собрали для нихъ въ общемъ около $1^1/_2$ милліона марокъ. Послѣ этой стачки правительство въ лицѣ самого Вильгельма II задумало поразить гидру революціи закономъ, по которому подстрекательство къ забастовкѣ должно было караться каторгой. О выработкѣ этого закона Вильгельмъ оповѣстилъ весь міръ въ двухъ торжественныхъ рѣчахъ. Но даже буржуазные представители въ парламентѣ поняли, что «каторжный законопроектъ» запоздалъ по крайней мѣрѣ на пятьдесятъ лѣтъ и можетъ обострить борьбу, но не можетъ остановить стачечнаго движенія: законопроектъ былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ почти безъ обсужденія. Послѣ Гамбурга соціалдемократія всего сильнѣе въ Саксоніи, которая вполнѣ заслуживаетъ названіе «краснаго королевства». И Саксонія пережила недавно «истори-

ческую» стачку въ Криммитчау, гдѣ въ 1903 г. около полугода ткачи боролись за десяти-часовой рабочій день не только противъ своихъ фабрикантовъ, но противъ всей нѣмецкой буржуазіи и, вѣрнаго наемника саксонскаго правительства. Съ своей стороны нѣмецкій пролетаріатъ поддерживалъ криммитчаутскихъ борцовъ щедрыми пособіями. Со всѣхъ концовъ Германіи изъ всѣхъ фабрикъ и мастерскихъ посылались трудовые гроши, изъ которыхъ составлялись сотни, тысячи и милліоны рублей. Каждый рабочій считалъ долгомъ положить свою лепту на алтарь рабочей солидарности. И въ то время, какъ эти трудовыя приношенія стекались особенно обильно, въ то время, когда нѣмецкій пролетаріатъ началъ считать побѣду криммитчаутскихъ ткачей дѣломъ своей чести, стачечный комитетъ совершенно неожиданно призналъ борьбу проигранной и сдался фабрикантамъ со всей своей арміей безъ всякихъ условій. Соціалдемократическія газеты, которыя наканунѣ капитуляціи убѣдительно доказывали, что пораженіе фабрикантовъ неминуемо, выясняютъ теперь, что прекратить борьбу для ткачей было въ данное время самымъ благоразумнымъ. Намъ, кажется, что это пораженіе свидѣтельствуетъ не столько о благоразуміи криммитчаутскихъ ткачей, сколько объ излишкѣ благоразумія въ руководящихъ кругахъ нѣмецкой соціалдемократіи.

«Излишекъ благоразумія» проявляется между прочимъ въ боязни всеобщихъ стачекъ, которыя якобы безполезно растрачиваютъ силы и вообще въ низкой оцѣнкѣ боевого значенія экономической борьбы. «Vorwärts» послѣ пораженія криммитчаутскихъ ткачей, такъ сказать, оффиціально заявлялъ, что соціалдемократія, какъ таковая, стала интересоваться борьбою въ Криммитчау лишь послѣ того, какъ въ дѣло вмѣшалось саксонское правительство, придавъ движенію политическій характеръ. Но и послѣ этого правленіе соціалдемократической партіи на столько далеко стояло отъ борьбы, что для него, по словамъ, «Vorwerts'a», прекращеніе стачки было такою же неожиданностью, какъ для всякаго посторонняго зрителя.

«Кримитчаутскіе рабочіе—писалъ Мерингъ въ брошюрѣ «Кримитчау въ осадномъ положеніи», изданной въ разгарѣ борьбы — «стоятъ противъ цѣлаго міра

враговъ: гнетущей власти капитала, могучаго организма классового государства, общественнаго мнѣнія, на сколько оно фабрикуется правительственными газетами...

«Противъ такихъ противниковъ криммитчаутскіе стачечники пропали, не смотря на свое мужество, если не явится на помощь нѣмецкій рабочій классъ. Эта необходимая задача давно сознана нѣмецкими рабочими; но они должны будутъ повышать свою дѣятельную помощь въ той же мѣрѣ, въ какой стачка въ Криммитчау раскрывается, какъ великая классовая борьба, которая касается каждаго рабочаго, къ какой бы профессіи, вѣрѣ или партіи онъ не принадлежалъ. На бумагѣ нѣмецкіе рабочіе имѣютъ коаліціонное право уже въ теченіе цѣлаго поколѣнія, но какъ мало охраны даетъ писаное право, это они узнаютъ ежедневно и теперь въ Криммитчау сильнѣе, чѣмъ когда нибудь. Лишь тогда, когда они позаботятся о томъ, чтобы каждый преступникъ, нарушающій коаліціонное право, самъ себѣ обжигалъ пальцы и въ будущемъ держался на благородномъ разстояніи, только тогда они будутъ владѣть коаліціоннымъ правомъ, какъ дѣйствительнымъ оружіемъ.

«На пути къ этой цѣли успѣхъ криммитчаутскихъ текстильныхъ рабочихъ будетъ мощнымъ шагомъ впередъ, и *потому нѣмецкій пролетаріатъ долженъ бросить на вѣсы всю свою силу, чтобы обезпечить побѣду своимъ передовымъ борцамъ*».

Этой силой могла быть всеобщая стачка, по крайней мѣрѣ, стачка всѣхъ текстильныхъ рабочихъ, во всякомъ случаѣ «трехмилліонная пролетарская партія» должна бы, кажется, выдвинуть въ этой борьбѣ противъ буржуазіи и правительства что нибудь болѣе существенное, чѣмъ парламентскія рѣчи, но большинство соціалдемократическихъ вожаковъ не считали себя даже въ правѣ обсуждать этотъ вопросъ. Экономическая борьба ихъ не касается, имъ едва хватаетъ времени на обсужденіе вопроса о томъ, можетъ ли соціалдемократъ бывать въ качествѣ вице-президента рейхстага на придворныхъ торжествахъ и пріемахъ.*)

*) На сколько важенъ для нѣмецкой соціалдемократіи вопросъ о вицепрезидентствѣ видно изъ характернаго примѣчанія Каутскаго къ

Но какъ бы ни относились къ всеобщей стачкѣ соціалдемократическіе политики вопросъ о ней поставленъ на очередь и въ Германіи самой жизнью, самимъ рабочимъ движеніемъ. На рабочихъ собраніяхъ во время и послѣ криммитчаутской борьбы нерѣдко слышались горячія рѣчи въ пользу всеобщаго возстанія производителя на почвѣ производства, и эти рѣчи несомнѣнно будутъ съ каждымъ днемъ встрѣчать все большій и большій откликъ. Правда, полиція уже начинаетъ распускать собранія при упоминаніи о всеобщей стачкѣ, но это сдѣлаетъ ее (стачку, а не полицію) еще болѣе популярной.

Но, если полиція не позволяетъ обсуждать всеобщую стачку на народныхъ собраніяхъ, то на партейтагахъ не хотятъ позволить заняться обсужденіемъ ея уже сами представители нѣмецкой соціалдемократіи. Въ Дрезденѣ докторъ Фридебергъ въ самой скромной формѣ попытался было обратить вниманіе товарищей по съѣзду на вопросъ о всеобщей стачкѣ, но потерпѣлъ полное фіаско. Онъ внесъ слѣдующую резолюцію: «партейтагъ рекомендуетъ партійному правленію въ порядокъ дня ближайшаго партейтага внести вопросъ о всеобщей стачкѣ». Предсѣдатель Зингеръ спрашиваетъ, кто поддерживаетъ обсужденіе этого предложенія? Почти никто не подымается, и Зингеръ снимаетъ предложеніе съ очереди. Фридебергъ указываетъ къ порядку, что его предложеніе было подписано необходимымъ числомъ товарищей, въ томъ числѣ Каутскимъ, Штадтхагеномъ, Цеткиной и Люксембургъ. Предложеніе приходится снова поставить на обсужденіе, которое заканчивается чрезвычайно быстро. Фридебергъ обосновываетъ свое предложеніе очень нерѣшительно и какъ бы извиняясь за свою смѣлость. Онъ желалъ бы лишь, чтобы впослѣдствіи теоретически занялись этимъ вопросомъ, тѣмъ болѣе, что онъ стоитъ въ порядкѣ дня амстердамскаго международнаго конгресса. Онъ отнюдь не хочетъ осуждать прежнюю

статьѣ Lusnia «Unbewaffnete Revolution?», которую редакція «Die Neue Zeit» не печатала въ теченіе цѣлаго года. «Время выборовъ въ рейхстагъ и ландтагъ, точно также, какъ время дебатовъ о вицепрезидентѣ казалось намъ не подходящимъ, чтобы ставить на очередь *еще и* обсужденіе вопроса о революціи.

тактику, онъ желастъ ее лишь пополнить. Но среди всѣхъ этихъ извиненій онъ высказалъ все же нѣсколько очень смѣлыхъ мыслей. «Въ преніяхъ о тактикѣ — сказалъ онъ между прочимъ — было уже указано, какъ мало мы въ сущности достигли въ сорокалѣтней, напряженной борьбѣ, и какъ часто мы теряли даже тѣ избирательные округа, которые были уже нами завоеваны, *такъ какъ настроеніе пролетаріата — его представленіе о классовой борьбѣ измѣнилось. Это показываетъ намъ, что мы должны идеалъ классовой борьбы еще болѣе выдвинуть на первый планъ, а это достигается лучше всего массовыми пролетарскими дѣйствіями*».

Противъ предложенія рѣзко выступилъ Легіенъ, Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы вопросъ о всеобщей стачкѣ обсуждался на партейтагѣ. Онъ вспоминаетъ, что нѣмецкіе соціалдемократы на международныхъ конгрессахъ всегда высказывались противъ всеобщей стачки, и что онъ самъ на парижскомъ конгрессѣ заявилъ, что для соціалдемократа въ Германіи этого вопроса вообще не существуетъ. «Настоящимъ отцомъ всеобщей стачки» Легіенъ называетъ французскаго адвоката Бріана и побиваетъ всеобщую стачку, разбивая слова Бріана, сказанныя въ 1889 г., что онъ адвокатъ Бріанъ, «совсѣмъ не думаетъ проводить въ жизнь всеобщую стачку, а хочетъ лишь бросить ея идею въ массы, чтобъ ихъ организовать».

Легіена поддерживаетъ Ледебуръ, соглашаясь, что говорить о всеобщей стачкѣ опасно. Послѣ этого пренія немедленно закрываются и предложеніе поставить вопросъ о всеобщей стачкѣ въ порядокъ дня будущаго партейтага, отклоняется огромнымъ большинствомъ.

Нельзя поэтому не удивляться смѣлости Каутскаго, который, когда вопросъ о вицепрезиденствѣ сошелъ съ очереди, открылъ страницы своего журнала для обсужденія вопроса не только о революціи, но и о всеобщей стачкѣ.

Первымъ выступилъ Рудольфъ Хильфердингъ, высказавшійся въ духѣ французскаго адвоката Бріана. Онъ желаетъ, чтобы за всеобщимъ избирательнымъ правомъ стояла воля къ всеобщей стачкѣ, но чтобъ эта воля старалась не переходить въ дѣйствіе. «Отрицаніе возможности всеобщей стачки — говоритъ

онъ — означаетъ, если не отсутствіе мысли, то самоуничтоженіе пролетаріата. Всѣ позиціи пролетаріата, которыя обозначаются, какъ позиціи силы, происходятъ и зависятъ отъ его положенія, какъ производителя. Онѣ могутъ быть уничтожены болѣе или менѣе насильственно. Что не можетъ быть уничтожено, не уничтожая самого общества, это пролетарій, какъ производитель. Эту силу пролетаріатъ долженъ сознавать, онъ долженъ быть готовъ воспользоваться ею, какъ предостереженіемъ и принужденіемъ, если дѣло идетъ о томъ, чтобы разрушить планы тѣхъ, которые хотятъ принизить современнаго, сознательнаго, гордаго пролетарія до безправнаго илота».

И непосредственно за этими сильными, быть можетъ слишкомъ сильными словами, Рудольфъ Хильфердингъ, вспомнивъ, вѣроятно, поученія Либкнехта и Легіена, заявляетъ, что одною изъ задачъ нѣмецкихъ соціалдемократовъ на амстердамскомъ конгрессѣ быть «рѣзкое выступленіе противъ псевдо-революціонной анархической иллюзіи, которая стремится вызвать всеобщую стачку, чтобы въ произведенномъ этимъ замѣшательствѣ уничтожить капиталистическое общество и поставить на его мѣсто соціалистическое». «Слѣдуетъ — прибавляетъ онъ — выступить и противъ безполезной растраты силъ, которыя почти всегда безуспѣшно пропадаютъ при всеобщихъ стачкахъ цѣлыхъ городовъ и провинцій, и лишь вредятъ мудрой и послѣдовательной синдикальной политикѣ».

Всеобщую стачку Хильфердингъ понимаетъ и восхваляетъ лишь какъ «регулятивную идею въ томъ смыслѣ, что она по возможности должна оставаться только идеей, т. е. сохраняться въ сознаніи и волѣ пролетаріата съ такой живостью и энергіей, чтобы всякій, кто дѣлаетъ нападеніе на основы нашей политической дѣятельности, въ ужасѣ отшатнулся бы назадъ, если онъ видитъ какія послѣдствія могли бы вызвать его дѣянія».

Прочитавъ эти глубокомысленныя разсужденія, Плехановъ навѣрное воскликнулъ: «Вотъ человѣкъ, который умѣетъ мыслить діалектически!» Но одинъ изъ нѣмецкихъ наемныхъ рабочихъ Флюхтигъ, вѣроятно, съ діалектикой незнакомый, прочитавъ эти разсужденія, разсмѣялся и прислалъ въ «Die Neue Zeit» довольно ядо-

витую замѣтку по поводу статьи Хильфердинга. Флюхтигъ, кстати сказать, нѣсколько кокетничающій своимъ пролетарскимъ званіемъ, пессимистически относится къ возможности въ Германіи всеобщей стачки, но такихъ пессимистовъ мы все же предпочитаемъ оптимистамъ въ духѣ Хильфердинга. Флюхтигъ пессимистъ не только по отношенію къ всеобщей стачкѣ, но и по отношенію къ всеобщей подачѣ голосовъ и къ парламентаризму. «Это избирательное право (всеобщая, равная, тайная подача голосовъ) — насмѣшливо восклицаетъ наемный рабочій — такъ удобно. Каждые пять лѣтъ въ худшемъ случаѣ теряютъ два часа своего заработка, кладутъ себѣ тайно избирательную записку, и выполняютъ такимъ образомъ весь свой долгъ имперскаго гражданина и человѣка партіи.»

«Это избирательное право — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ — правда обезпечитъ намъ когда нибудь большинство въ рейхстагѣ. Но, кто вѣритъ, что до этого дойдетъ, тотъ платитъ талеръ. Сила нашей фракціи въ рейхстагѣ теряетъ численно въ значеніи, чѣмъ болѣе «либеральныя» партіи оттѣсняются и Крехеры роднятся съ Рихтеромъ.*) Если у насъ отнимутъ это избирательное право, то, конечно, отнимутъ прекрасное средство пропаганды, но ничего болѣе».

Во что Флюхтигъ дѣйствительно вѣритъ это — въ само рабочее движеніе:

«О, вы маловѣрные, — восклицаетъ онъ — Зачѣмъ вы такъ боязливы! Не всеобщему избирательному праву обязаны мы законодательнымъ успѣхомъ въ имперіи, *но существованію рабочаго движенія*! ... Рабочее движеніе нельзя ни остановить, ни ухудшить и всего менѣе мѣрами насилія».

И такой вѣрѣ въ рабочее движеніе Флюхтигъ въ концѣ концовъ повѣритъ и въ силу всеобщей стачки, но этой вѣрѣ научитъ его не плехановская «діалектика», а само рабочее движеніе.

Справедливость требуетъ замѣтить, что среди нѣмецкихъ соціалдемократовъ есть все-таки люди, которые подходятъ къ вопросу о всеобщей стачкѣ смѣло и

*) Крехеръ — представитель крайнихъ консерваторовъ, Рихтеръ — представитель свободомыслящихъ.

оригинально. Таковъ, напр., Parvus. Безбоязненно подошелъ къ этому вопросу и Густавъ Экштейнъ. Положенію Хильфердинга, что за всеобщимъ избирательнымъ правомъ должна стоять воля къ всеобщей стачкѣ, онъ противопоставилъ положеніе: «За всеобщей стачкой должна стоять воля къ рѣшительной битвѣ». «Это покажется — прибавляетъ онъ — я это хорошо знаю, многимъ товарищамъ прямо, какъ ересь, такъ какъ они привыкли смотрѣть на законность, какъ на талисманъ, который во всѣхъ опасностяхъ слѣдуетъ сохранять неприкосновеннымъ. Но она лишь боевое средство, которое въ соотвѣтствующемъ случаѣ можетъ быть замѣнено другимъ; въ данное время оно насъ такъ поддерживаетъ, что мы имѣемъ всѣ основанія держаться его. Но именно потому мы всегда должны быть готовы, что наши противники выйдутъ противъ насъ, отбросивъ нынѣшнія законныя рамки. И уже вслѣдствіе возможности государственнаго переворота, мы должны быть въ состояніи замѣнить законныя срадства борьбы другими. Иначе, намъ быть можетъ пришлось бы, конечно, нѣсколько въ другомъ смыслѣ, примѣнить къ себѣ самимъ слова: «La légalité nous tue» (Законность насъ убиваетъ)».

На этомъ мы пока разстанемся съ Германіей. Вопросъ о всеобщей стачкѣ, какъ видите, поставленъ тамъ на очередь въ печати, но гораздо важнѣе, что онъ поставленъ на очередь въ самомъ рабочемъ движеніи, какъ на это указываетъ развитіе, усиленіе и расширеніе стачекъ частичныхъ. И невольно въ заключеніе хочется повторить вслѣдъ за Флюхтигомъ: «Маловѣрные, зачѣмъ вы такъ боязливы!»

Въ **Австріи** тенденція соціалдемократической партіи обособиться отъ экономическаго рабочаго движенія гораздо слабѣе, чѣмъ въ Германіи. Здѣсь соціалдекратія считаетъ стачки пролетаріата, живущаго на австрійской территоріи, своимъ *партійнымъ* дѣломъ и справедливо гордится ими, какъ самымъ величавымъ проявленіемъ классовой борьбы.

Вотъ, что говоритъ общее представительство со-

ціалдемократіи Австріи въ своемъ отчетѣ Вѣнскому партейтагу 1901 года по поводу грандіозной *всеобщей стачки углекоповъ* Богеміи и Моравіи.

«Стачка углекоповъ, буря которой шумѣла въ теченіе первой четверти 1900 года и на высотѣ которой 70.000 человѣкъ стояли въ борьбѣ противъ самой звѣрской части класса австрійскихъ предпринимателей, была блестящимъ свидѣтельствомъ зрѣлости, который когда-либо могла выдать себѣ партія. Какъ ни слаба была организація углекоповъ, какъ не велика была склонность въ рядахъ этихъ самыхъ бѣдныхъ и угнетенныхъ изъ всѣхъ пролетаріевъ къ дѣйствіямъ возбужденныхъ страстей, какъ ни традиціонно обыкновеніе австрійскихъ властей отвѣчать на стачечныя движенія въ углекопныхъ округахъ ружейными залпами, какъ ни трудно было руководить борьбой, которая одновременно кипѣла въ сотняхъ мѣстъ, все же она была полна единства и проведена такъ толково и внушительно, что министерство Корбера и даже парламентъ принуждены были пойти на уступки и провести сокращеніе рабочаго времени при работахъ въ шахтахъ. Окончательный формальный законъ, введшій 9-ти часовой рабочій день, былъ, правда, вслѣдствіе парламентскихъ неурядицъ, принятъ лишь весною 1901 года. Соціалдемократическій союзъ и въ комиссіи, и въ общемъ собраніи энергично боролся за свое предложеніе 8 часового рабочаго дня, но, къ сожалѣнію, напрасно. Но, когда на прямой вопросъ соціалдемократическаго оратора представитель правительства въ публичномъ засѣданіи парламента заявилъ, что законопроектъ считаетъ 9-тичасовой рабочій день отъ начала спуска въ шахту перваго рабочаго и до подъема послѣдняго, то и соціалдемократическій союзъ голосовалъ за принятіе законопроекта. Перваго іюля этотъ законъ получилъ санкцію, послѣ того, какъ онъ въ палатѣ господъ съ большимъ трудомъ избѣжалъ пораженія со стороны углепромышленныхъ графовъ. Что *стачка углекоповъ была борьбою всей соціалдемократической партіи противъ экономической эксплоатаціи*, показываетъ и почтенная сумма въ 328740 кронъ, которая была собрана воодушевленною солидарностью австрійскаго и международнаго рабочаго класса. Эта самая могучая изъ всѣхъ экономическихъ битвъ, пе-

режитыхъ до сихъ поръ Австріей, продолжалась съ 2 января по 8 апрѣля 1900 года».

Намъ нечего прибавлять къ этой партійной характеристикѣ всеобщей стачки углекоповъ, но ради безпристрастія слѣдуетъ указать, что стачка вспыхнула *противъ воли* соціалдемократическихъ руководителей. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи, такъ сказать, официальное удостовѣреніе въ отчетѣ чехославянской соціалдемократіи тому-же вѣнскому партейтагу.

«И въ экономической борьбѣ—говоритъ этотъ отчетъ — проявилась большая боевая готовность и сила нашихъ организацій. Мы упомянемъ здѣсь всеобщую стачку углекоповъ, которая, *начавшись прямо противъ воли партіи*, все же встрѣтила съ ея стороны дѣятельную поддержку, что облегчило спокойное теченіе стачки и ея хотя не полный успѣхъ.»

Здѣсь уже партія витаетъ надъ рабочимъ движеніемъ и даруетъ ему побѣду, несмотря на то, что оно идетъ въ разрѣзъ съ его волей. Что въ самомъ дѣлѣ значитъ трехмѣсячная стачка 70.000 углекоповъ по сравненію съ рѣчами 10 соціалдемократовъ въ вѣнскомъ парламентѣ?!

Если не противъ воли, то во всякомъ случаѣ помимо воли соціалдемократической партіи произошли замѣчательныя стачки 1902 г. въ Тріестѣ и Галиціи. Тріестская стачка, начавшаяся забастовкой кочегаровъ, перешла во всеобщую и на нѣсколько дней остановила всю промышленную и торговую жизнь въ Тріестѣ. Въ галицейской стачкѣ принимало участіе до 100.000 сельскохозяйственныхъ рабочихъ; противъ нихъ по приказу польской шляхты австрійское правительство направило полицейскія, военныя, административныя и судебныя силы, но стачечникамъ все же удалось добиться повышенія заработной платы. Эта стачка особенно ясно показала, какое огромное значеніе имѣютъ массовыя забастовки для сельскохозяйственныхъ рабочихъ, какимъ сильнымъ революціоннымъ средствомъ онѣ являются въ рукахъ деревенскаго пролетаріата, разъ только онъ научился имъ пользоваться и *примѣнять во время*, т. е. когда спѣлые помѣщичьи хлѣба нетерпѣливо ждутъ серпа или косы.

Еще раньше, чѣмъ въ Галиціи къ массовымъ стачкамъ въ своей классовой борьбѣ прибѣгъ деревенскій

пролетаріатъ въ **Венгріи**. Здѣсь въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ ведется упорная борьба между сельскимъ пролетаріатомъ и деревенскими магнатами. Борьба эта проявляется главнымъ образомъ стачками, которыя ведутъ къ образованію союзовъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, и въ этихъ союзахъ идетъ энергичная подготовительная работа для всеобщей сельскохозяйственной стачки.

Вообще въ Австріи и Венгріи точно также, какъ и въ другихъ странахъ стачки становятся болѣе внушительными, несмотря на то, что борьба національностей, свирѣпствующая въ искусственно составленной имперіи Габсбурговъ, является для рабочаго движенія моментомъ неблагопріятнымъ. Но нѣтъ такой національной вражды, которую въ концѣ концовъ не преодолѣла бы пролетарская солидарность.

Мы подошли къ Россіи, но сперва намъ хочется сказать еще нѣсколько словъ о самой близкой въ данное время и самой интересной для Россіи странѣ — **Японіи**.

Японія была захвачена въ капиталистическій водоворотъ позднѣе всѣхъ современныхъ «культурныхъ» государствъ, позднѣе даже Россіи, и отчасти въ зависимости отъ этого капитализмъ развился въ ней необычайно быстро, необычайно «пышно», быстрѣе и пышнѣе, чѣмъ даже въ Россіи. Вотъ нѣсколько краснорѣчивыхъ цифръ. Въ 1894 г. фабрикъ съ паровыми, электрическими и т. д. двигателями было 2409, въ 1900 г. число ихъ *уменьшилось* до 2388, но производительная способность ихъ, выраженная въ лошадиныхъ силахъ, за тѣ же 7 лѣтъ *поднялась* съ 41.031 до 95.392, т. е. болѣе, чѣмъ на 120%. Вывозъ каменнаго угля съ 1886 по 1889 г. поднялся по вѣсу въ 4 раза, по цѣнности въ 6 разъ. Желѣзнодорожная сѣть 1882 г. по 1889 г. поднялась съ 280 километровъ въ 1882 г. до 1686 кил. въ 1889 г.

Зная эти цыфры, можно напередъ съ увѣренностью сказать, что въ Японіи уже существуетъ рабочее движеніе, что пролетаріатъ ея уже подготовляется стачками для сознательной борьбы, какъ со своей собственной, такъ и международной буржуазіей. И дѣйстви-

тельно достовѣрныя данныя*) объ японскомъ рабочемъ движеніи вполнѣ подтверждаютъ эту увѣренность. Стачки были извѣстны еще японскимъ среднимъ вѣкамъ, это были лишь небольшія забастовки подмастерьевъ; промышленнаго пролетаріата въ современномъ значеніи этого слова тогда еще не существовало. Настоящее пролетарское движеніе начинается лишь съ 80-хъ годовъ, когда японскій капитализмъ въ своей погонѣ за прибылью особенно ярко проявилъ свою жестокую хищническую природу. Съ необычайною быстротою промышленный пролетаріатъ былъ брошенъ въ капиталистическій адъ нищеты, угнетенія, безчисленныхъ профессіональныхъ болѣзней и жестокихъ издѣвательствъ. Но у современной крупной промышленности кромѣ мертвой воды есть вода живая. Зародилась и быстро стала развиваться пролетарская солидарность, пролетарскій совмѣстный протестъ. Пришелъ конецъ терпѣнію, былъ сдѣланъ первый шагъ къ концу страданія. Послѣ ряда мелкихъ стачекъ въ 1900 г. грянула желѣзнодорожная стачка машинистовъ и кочегаровъ, которая продолжалась 5 дней, и внесла большое замѣшательство въ желѣзнодорожное движеніе. Буржуазія страшно перепугалась, желѣзнодорожная компанія поспѣшила уступить стачечникамъ, но тотчасъ послѣ возобновленія работъ, парламентъ по предложенію правительства принялъ законъ, по которому всякое подстрекательство къ стачкѣ наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ. Но этотъ законъ не остановилъ стачечнаго движенія, а положилъ лишь начало соціалистической партіи, основу которой составили желѣзнодорожные рабочіе, выигравшіе стачку 1900 г.

«Во всѣхъ концахъ и углахъ идетъ броженіе» — говоритъ Экштейнъ—безпрерывно возникаютъ стачки, которыя правда часто, особенно вслѣдствіе грубого и безцеремоннаго вмѣшательства полицейской силы, ос-

---

*) Данныя для рабочаго движенія въ Японіи мы заимствуемъ изъ превосходныхъ статей Густава Экштейна «Die Arbeiterbewegung im modernen Japon», помѣщенныхъ въ «Die Neue Zeit» за 1904 годъ. Экштейнъ имѣлъ возможность познакомиться съ японскимъ движеніемъ не только по первоисточникамъ, но и по личнымъ наблюденіямъ за время своего пребыванія въ «странѣ восходящаго солнца».

таются безуспѣшными, но онѣ являются симптомомъ того, какъ уже могуче въ настоящее время движеніе въ Японіи, тѣмъ болѣе, что эти экономическія битвы часто ведутъ къ основанію рабочихъ союзовъ. Разумѣется японскимъ рабочимъ приходится еще дорого платить за ученіе, но отъ этого не былъ избавленъ рабочій классъ ни въ одной странѣ. Самоотверженная и энергичная работа заслуженныхъ вождей движенія служитъ ручательствомъ того, что если эти битвы пока часто безуспѣшны, то все же онѣ не безплодны».

Японскій пролетаріатъ уже и теперь имѣетъ почетное право стать въ ряды международнаго пролетаріата рядомъ со своими товарищами и братьями, пролетаріями русскими. Всемірная буржуазія, господствующая, какъ въ Россіи, такъ и въ Японіи, пользуясь недостаточною сознательностью японскихъ и русскихъ рабочихъ, сдѣлала ихъ на время жестокими врагами, но близко то время, когда всемірный пролетаріатъ объединитъ ихъ въ своихъ трудовыхъ рядахъ.

Въ **Россіи** рабочій классъ проявлялъ свою пролетарскую солидарность еще въ самый разгаръ крѣпостнаго права, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Слово «стачка» было въ то время, кажется, неизвѣстно, но фактически стачечная борьба уже существовала. Тугану Барановскому удалось разыскать въ департаментскихъ архивахъ чрезвычайно интересныя «дѣла» о рабочихъ безпорядкахъ на *поссесіонныхъ фабрикахъ**), и въ своемъ изслѣдованіи «Русская фабрика» онъ даетъ поучительную картину упорной борьбы, которую рабочіе вели со своими хозяевами за увеличеніе платы, уменьшеніе рабочаго дня и за освобожденіе отъ фабричнаго крѣпостничества. Повсюду рабочіе прежде всего прибѣгаютъ къ прошеніямъ, стараясь чтобъ они достигли непосредственно царя, но эти прошенія они нерѣдко подкрѣпляютъ массовымъ отказомъ отъ работы.

---

*) «Поссесіонными фабриками назывались такія, которыя получили отъ правительства пособіе землей, строеніями, рабочими людьми или были устроены на счетъ денежныхъ суммъ, отпущенныхъ казной въ пособіе безъ возврата, или же получили дозволеніе на покупку крестьянъ, если владѣльцы ихъ по званію своему не имѣли на это права.»

Такъ, напримѣръ, еще въ 1800 году рабочіе Фряновской поссессіонной шелковой фабрики (въ Богородскомъ уѣздѣ), подавъ жалобу на владѣльца фабрики Лазарева императору Павлу, въ ожиданіи отвѣта, отказались работать. «Они сами собой — говоритъ соотвѣтствующее «дѣло» — отлучились отъ фабрики и отъ домовъ своихъ и, скитаясь толпой въ развращенномъ видѣ по разнымъ мѣстамъ, позволяли себѣ многія непристойства.» Въ отвѣтъ на жалобу послѣдовали плети, которыми жестоко были наказаны зачинщики. Но упорство рабочихъ не удалось сломить, и въ 1802 году Богородскій земскій судъ писалъ, что «Фряновскіе мастеровые, закоснѣвъ въ буйствахъ, къ повиновенію впредь владѣльцу признаются безнадежными.» Послѣ долгой упорной борьбы, Фряновскіе рабочіе добились въ концѣ 30-хъ годовъ выполненія многихъ своихъ требованій, между прочимъ свободнаго выбора старостъ.

Розгамъ, плетямъ, Сибири, рекрутчинѣ и прочимъ правительственнымъ увѣщаніямъ рабочіе, какъ Фряновской фабрики, такъ и всѣхъ другихъ поссессіонныхъ фабрикъ и заводовъ, противоставляли свою непоколебимую солидарность и мученическое самоотверженіе. Даже канцелярскій слогъ враждебныхъ рабочимъ чиновничьихъ отчетовъ не можетъ скрыть величавой стойкости рабочей толпы и не менѣе величаваго мученическаго вѣнца, который принимали ихъ ходоки, защищая интересы своихъ братьевъ по труду.

Поразительно въ этомъ отношеніи болѣе, чѣмъ 50-лѣтняя борьба рабочихъ на большой суконной фабрикѣ Осокина въ Казани. Въ отвѣтъ на жалобу, поданную императору Павлу почти одновременно съ рабочими фряновской мануфактуры, казанскіе суконщики получили угрозу ссылки въ Сибирь и требованіе дать подписку въ повиновеніи хозяину, но рабочіе отказались дать требуемую подписку и еще упорнѣе стали бороться противъ Осокина. Осокинъ требовалъ, между прочимъ, чтобы въ работахъ принимали участіе и женщины, но суконщики воспротивились этому и Осокину не удалось ввести женскаго труда. Въ 1817 г. рабочіе тайно отправили съ жалобой государю своихъ повѣренныхъ Соколова и Ефремова. Оба повѣренные были арестованы и отправлены обратно въ Казань

въ кандалахъ. По дорогѣ Ефремовъ «претерпѣвшій въ пути неограниченное мученіе, не могши снести сего, умеръ», а Соколовъ былъ заключенъ въ тюремный замокъ. Несмотря на это, подача жалобъ не прекращается, и въ 1819 г. рабочіе для подкрѣпленія одной изъ своихъ жалобъ устраиваютъ стачку. Они «отказывались работать на фабрикѣ и значительная часть ихъ совсѣмъ не являлась на фабрику». Чиновники составляютъ новое положеніе, регулирующее отношеніе между владѣльцами и рабочими; положеніе, облеченное въ сенатскій указъ, прочитывается имъ лично губернаторомъ, но рабочіе, говоритъ «дѣло», «съ грубостью объявили, что хотя они все то, о чемъ имъ было внушаемо, а равно и относящіеся къ сему документы, и поняли совершенно, но все оное почитаютъ за обманъ». Зачинщики были взяты подъ стражу и отправлены на иркутскую фабрику, всѣ прочіе «подвергнуты полицейскимъ наказаніямъ». Тогда рабочіе заключаютъ тайное письменное соглашеніе, которымъ обязываются ни въ коемъ случаѣ не уступать требованіямъ начальства.

Въ 1824 г. десять рабочихъ были приговорены къ наказанію плетьми, и одинъ рабочій *Михаилъ Мясниковъ*, виновный лишь въ томъ, что передалъ бумагу съ соглашеніемъ своему отцу, долженъ былъ присутствовать при наказаніи его товарищей, при чемъ ему было объявлено, что, если онъ выдастъ лицо, составившее соглашеніе, то будетъ избавленъ отъ наказанія, если же нѣтъ, то будетъ наказанъ тяжелѣе другихъ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; Михаилъ Мясниковъ присутствовалъ при наказаніи его товарищей, при чемъ его отецъ былъ засѣченъ до смерти, *но товарищей своихъ не выдалъ*.

Борьба продолжалась съ прежнимъ упорствомъ рабочихъ, съ прежнею жестокостью властей; въ концѣ концовъ непоколебимое упорство побѣдило жестокость: въ 1849 г. казанскіе суконщики «получили свободу, за которую такъ отчаянно боролись».

Борьба осокинскихъ рабочихъ типична для борьбы на всѣхъ поссессіонныхъ фабрикахъ. Жалобы и забастовки съ одной стороны, плети и Сибирь, съ другой, и въ концѣ концовъ большею частью побѣда, хотя, конечно, и не полная, самоотверженной солидарности надъ без-

пощадной жестокостью. «Дѣло» о волненіяхъ на шелковой фабрикѣ въ селѣ Кубавлѣ (Богородскаго уѣзда) сохранило для исторіи интересный случай нравственнаго воздѣйствія рабочей солидарности даже на палача и солдатъ. Въ 1834 г. рабочіе подали жалобу на недостаточность заработной платы и *прекратили работы*. Полиція хотѣла арестовать зачинщиковъ, но рабочіе отстояли ихъ, тотда явились войска, и началось обычное наказаніе плетьми. «Когда троихъ наказали — гласитъ новое прошеніе рабочихъ министру финансовъ — а потомъ хотѣли наказывать еще двоихъ, то заплечный мастеръ, видя, что всѣ понятые и собравшійся народъ единогласно кричали, что напрасно кровь проливаютъ, и къ тому же указъ не читали, бросилъ плети и не сталъ наказывать и прямо сказалъ капитанъ-исправнику: самъ наказывай, а солдаты также преклонили ружья, а капитанъ-исправникъ приказалъ наказывать сотскому сторонней деревни».

Какъ бы то ни было, но и въ этой крѣпостнической атмосферѣ зародилось и стало быстро развиваться стачечное движеніе. Само собой разумѣется, что оно зародилось совершенно самопроизвольно, безъ всякихъ революціонныхъ бациллъ и воздѣйствій со стороны. О развитіи рабочихъ стачекъ въ крѣпостную эпоху свидѣтельствуетъ между прочимъ Бутовскій въ своемъ «Опытѣ о народномъ богатствѣ», появившемся въ Петербургѣ въ 1847 г.

«Отъ нихъ (рабочихъ, отдаваемыхъ въ наймы къ помѣщикамъ на чужія фабрики) нельзя ожидать никого старанія, никакого порядка, фабриканту угрожали ежеминутные побѣги, воровства, плутовскія шашни; мы слышали, что подобные работники, на которыхъ не дѣйствуютъ ни увѣщанія, ни угрозы, *часто гуртомъ оставляли заведенія и останавливали работы въ самыя дорогія минуты*».

Вступая въ борьбу съ хозяевами, рабочіе не хохотѣли признавать себя крѣпостными и, чѣмъ больше развивалось стачечное движеніе, тѣмъ сильнѣе росло это чувство свободы. Несомнѣнно, что борьба поссессіонныхъ рабочихъ за свою свободу была однимъ изъ факторовъ, способствовавшихъ отмѣнѣ крѣпостного права вообще. Конечно, это было лишь однимъ изъ выраженій несовмѣстимости современнаго промышленнаго

развитія съ крѣпостнымъ состояніемъ. Крѣпостная зависимость была уничтожена, и промышленность, основанная на «свободномъ трудѣ», начала развиваться быстро и пышно; но свобода, способствуя развитію производительныхъ силъ, неминуемо должна была дать могучій толчекъ и развитію стачечнаго движенія. Не успѣлъ хорошенько укрѣпиться пореформенный капитализмъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ начинаютъ вспыхивать крупныя и серьезныя стачки, иногда протекающія очень бурно. Съ 70-хъ годовъ рабочіе безпорядки становится постояннымъ элементомъ въ русской смутѣ, и этотъ элементъ, постепенно отодвигая на задній планъ всѣ остальные, въ началѣ новаго столѣтія дѣлается господствующимъ. Почти всѣ рабочіе «безпорядки и волненія» трехъ послѣднихъ десятилѣтій включаютъ въ себя стачки.

Изъ стачекъ 70-хъ годовъ наиболѣе серьезными были стачки-безпорядки на Невской мануфактурѣ въ 1870 г., на суконной мануфактурѣ барона Штиглица въ 1875 г. и цѣлая эпидемія мирныхъ забастовокъ на на различныхъ петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ въ 1878—1879 годахъ. Въ петербургскихъ стачкахъ впервые проявилось «*стачечное зараженіе*». Первая стачка произошла въ мартѣ 1878 г. на Новой Бумагопрядильнѣ *). Она была вызвана пониженіемъ заработной платы и «новыми правилами».

Дореформенные рабочіе поссесіонныхъ фабрикъ, какъ мы видѣли, подкрѣпляли свои прошенія министрамъ и царю забастовками; пореформенные свободные пролетаріи вѣрили настоящимъ образомъ лишь въ стачки, но еще не избавились окончательно отъ суевѣрія, что и «прошеніе» можетъ помочь. Устроивъ стачку, они на всякій случай рѣшили обратиться съ жалобой къ наслѣднику. Прошеніе было торжественно снесено къ Аничкову дворцу и принято, если не самимъ наслѣдникомъ, то самимъ градоначальникомъ. «Прошеніе» осталось безъ всякаго отвѣта, если не считать усиленіе полицейскихъ мѣръ, и многіе изъ стачечниковъ навсегда были излечены отъ своего суевѣрія. Стачка длилась двѣ недѣли, не принося *непосредственныхъ* выгодъ рабочимъ, но она во всякомъ слу-

*) См. Г. Плехановъ «Русскій рабочій въ революц. движеніи».

чаѣ не понизила, а повысила боевое настроеніе петербургскихъ рабочихъ. Въ ноябрѣ того же года вспыхнула стачка на прядильной фабрикѣ Кенига за Нарвской заставой. Любопытно, что эту стачку начали «задніе» мальчики отъ 12—14 лѣтъ, на которыхъ наложили новыя обязанности — «сортировку пыли», заднихъ мальчиковъ поддержали средніе (17—19 лѣтъ), а затѣмъ встали и всѣ взрослые рабочіе. Стачечники держались такъ стойко, что Кенигу, не желавшему уступить, пришлось разсчитать всѣхъ рабочихъ.

Между стачками на Новой Бумагопрядильнѣ и у Кенига произошли стачки на фортепіанной фабрикѣ Беккера и табачной фабрикѣ Мичри, окончившіяся побѣдой рабочихъ и работницъ. Въ 1879 году въ стачечномъ движеніи замѣтны уже слабые признаки всеобщности. Солидарность переходитъ за предѣлы одной фабрики и объединяетъ въ классовой борьбѣ петербургскихъ рабочихъ различныхъ хозяевъ. Движеніе началось опять таки на Новой Бумагопрядильнѣ, находящейся на Обводномъ Каналѣ, и немедленно заразило рабочихъ фабрики Шау за Невской заставой. Между стачечниками этихъ двухъ фабрикъ установились постоянныя сношенія при посредствѣ выборныхъ, и были выработаны общія требованія, предъявленныя хозяевамъ. Объединенные стачечники по собственной иниціативѣ обратились съ воззваніемъ къ рабочимъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ, сущность котораго заключалась въ словахъ: «Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго». Эти простыя, но тѣмъ не менѣе полныя глубокаго смысла слова вылились у рабочихъ изъ самого «нутра», помимо всякихъ посторонніхъ вліяній, и могутъ служить превосходнымъ девизомъ для всего рабочаго движенія. «Эти слова: «Будемъ же твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго», — говоритъ Плехановъ, — какъ видно, хорошо выразили тогдашнее настроеніе петербургскихъ рабочихъ, потому что послѣ неизмѣнно повторялись ими во всевозможныхъ случаяхъ ихъ борьбы съ полиціей и предпринимателями».

Воззваніе не осталось безъ отвѣта: почти на всѣхъ фабрикахъ происходили сборы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вспыхнули даже небольшія стачки по симпатіи. Стачечники держались спокойно, но полиція, конечно,

усердствовала и арестовывала зачинщиковъ. Аресты зачинщиковъ всюду и всегда страшно возбуждаютъ стачечниковъ, нерѣдко готовыхъ идти подъ пули, чтобы освободить захваченныхъ въ плѣнъ товарищей. И въ данномъ случаѣ стачечники двинулись толпою къ дому градоначальника съ требованіемъ освободить арестованныхъ. Полиція и жандармы отрѣзали имъ дорогу, произошла обычная битва между вооруженными и безоружными, и безоружные были разбиты. Послѣ этой побѣды полиція приняла противъ стачки еще болѣе рѣшительныя мѣры. Аресты и высылки приняли массовой характеръ, лавочникамъ запрещено было выдавать продукты стачечникамъ въ долгъ и пр.

Рабочіе продержались двѣ недѣли, но затѣмъ, принуждены были сдаться, получивъ лишь самыя незначительныя уступки. Несмотря на «пораженіе», эти стачки были огромнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ развитія рабочей солидарности и сознанія. Только во время совмѣстной борьбы, только во время совмѣстныхъ лишеній и страданій пролетаріи проникаются сознаніемъ необходимости твердо стоять каждый за всѣхъ и всѣ за каждаго, а это сознаніе пролетарское «симъ побѣдиши».

Въ началѣ 80-хъ годовъ «стачки волненія» вспыхиваютъ почти одновременно въ различныхъ концахъ россійской имперіи, и гдѣ разъ прогремѣла стачка, все равно успѣшная или неуспѣшная, тамъ уже навсегда завелась неискоренимая смута. Особенно бурнымъ въ этомъ отношеніи былъ 1882 г., когда крупныя стачки происходили въ Нарвѣ на Кренгольмской мануфактурѣ, въ Перми на пушечномъ заводѣ, въ Петербургѣ на гвоздичномъ заводѣ, въ Жирардовѣ около Варшавы на заводѣ Гиллѣ и т. д.. Самой замѣчательной была Жирардовская стачка, *) положившая начало польскому стачечному движенію. Стачку начали женщины шпулярки, протестуя противъ уменьшенія заработной платы. Постепенно движеніе захватило и всѣхъ рабочихъ мужчинъ, такъ что къ концу четвертаго дня изъ 8000 рабочихъ, занятыхъ на фабрикѣ,

*) Л. Плохоцкій. «Стачечная борьба польскихъ рабочихъ», Жизнь № 6, 1902. Изъ этой интересной статьи мы заимствуемъ данныя о стачкахъ въ Польскомъ краѣ.

уже никто не работалъ. Стачка носила «бурный» характеръ. Дѣло дошло до столкновенія съ казаками и войскомъ. Толпу не устрашили ни казацкія нагайки, ни солдатскія атаки, ни даже ружейные залпы. Послѣ залпа, убившаго трехъ стачечниковъ наповалъ и ранившаго 15 человѣкъ, толпа не разсѣялась, какъ это бываетъ обыкновенно. Эта стойкость испугала губернатора и онъ обратился къ рабочимъ съ рѣчью, обѣщая отдать подъ судъ стрѣлявшихъ, выпустить арестованныхъ и т. д. На шестой день владѣльцы фабрики, испуганные возраставшимъ волненіемъ среди стачечниковъ, сдались. Они обязались сократить рабочій день на одинъ часъ, повысить плату шпуляркамъ, дать раненымъ занятія на фабрикѣ до конца ихъ жизни, похоронить на свой счетъ убитыхъ, заплатить за дни стачки, причемъ никого ничѣмъ за стачку не наказывать, завести фабричныя лавки, въ которыхъ съѣстные припасы продавались бы дешевле, чѣмъ въ городскихъ, разсчитать директора Франке и другихъ особенно нелюбимыхъ рабочими членовъ администраціи. Однимъ словомъ побѣда была полная.

Развитіе стачечнаго движенія заставило правительство вступить на путь рабочаго законодательства. Въ іюнѣ 1882 г. былъ изданъ законъ, запрещавшій пріемъ на фабрики малолѣтнихъ ниже 12 лѣтъ и ограничившій работу подростковъ отъ 12—15 лѣтъ 8 часами при полномъ запрещеніи для нихъ ночной работы. Въ то же время для надзора для выполненія этихъ правилъ введены фабричные инспектора.

Между тѣмъ стачки и волненія разгорались все сильнѣе. Главнымъ очагомъ былъ теперь Ярославско-Владимірскій районъ, этотъ русскій Ланкаширъ съ его извѣстными промышленными центрами, Иваново-Вознесенскимъ, Орѣхово-Зуевымъ и т. д. «Въ 1884 и 1885 гг. во Владимірской губерніи, — говоритъ фабричный инспекторъ Дементьевъ — стачки участились и приняли такой бурный характеръ, что улучшеніе положенія рабочихъ сдѣлалось прямо необходимымъ. Внѣшнее спокойство достигалось только при помощи военной силы». Наиболѣе ярко, сильно и бурно проявились рабочее недовольство и рабочая солидарность въ исторической морозовской стачкѣ 1885 г., когда сразу забастовало 8000 рабочихъ Никольской ману-

фактуры Саввы Морозова въ Орѣхово-Зуевѣ. Одной изъ главныхъ причинъ «возстанія» было систематическое злоупотребленіе штрафами, которые достигая 300.000 рублей и болѣе въ годъ, составляли до 40% выдаваемой заработной платы. Стачка, руководимая рабочими Волковымъ и Моисеенкомъ, сопровождалась погромомъ фабричныхъ зданій. Изъ Владиміра были вызваны войска, начались аресты, высылки, и черезъ недѣлю стачка прекратилась. Часть арестованныхъ была предана суду присяжныхъ, которые оправдали всѣхъ обвиняемыхъ. На судѣ раскрылась масса всевозможныхъ злоупотребленій со стороны фабричной администраціи. Но правительство, конечно, не подумало бы о борьбѣ съ этими злоупотребленіями, не допустило бы ихъ оглашенія, не предало бы арестованныхъ гласному суду присяжныхъ, если бы не было серьезно испугано «зловѣщимъ» для него взрывомъ возмущенія 8000 морозовскихъ рабочихъ. Испугъ послужилъ толчкомъ къ изданію закона 3 іюня и правилъ 1 октября 1886 г.

Этимъ закономъ и этими правилами были, такъ сказать, санкціонированы почти всѣ требованія, которыя выставили морозовскіе рабочіе, начиная свою стачку. Введены расчетныя книжки; запрещены произвольные штрафы, размѣры которыхъ должны быть съ этихъ поръ утверждаемы фабричными инспекторами; запрещены выдачи платы товарами и купонами, установлено обязательно выдавать заработную плату не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ; запрещено дѣлать вычеты на на уплату долговъ, за врачебную помощь и т. д.; обязанности фабричныхъ инспекторовъ значительно расширены и проч.

Мы видимъ здѣсь, какъ рабочіе путемъ боевыхъ стачекъ могутъ оказывать серьезное вліяніе на законодательство даже въ самодержавномъ государствѣ. Морозовская стачка показала кромѣ того, что русскіе рабочіе уже научились хорошо формулировать свои требованія и начали понимать значеніе законодательной охраны труда лучше многихъ ученыхъ «соціальполитиковъ». Въ этомъ отношеніи очень характерно, что въ тѣ же 80-ые годы рабочими Шуйско-Ивановскаго района велась систематическая борьба *за уничтоженіе ночныхъ работъ*. Послѣ ряда мелкихъ забастовокъ на отдѣльныхъ фабрикахъ борьба эта осенью

1888 г. вылилась въ стачку ткачей всѣхъ Шуйскихъ фабрикъ. Ткачи держались очень дружно, и фабриканты принуждены были уступить. Ночныя работы были отмѣнены, но за то продолжительность рабочаго дня увеличена на одинъ часъ*). Ткачи были этимъ, конечно, недовольны и начали борьбу за уменьшеніе рабочаго дня: въ 1893 г. дружной стачкой имъ удалось добиться сокращенія рабочаго времени на одинъ часъ.

За этотъ же періодъ были крупныя стачки и безпорядки на мануфактурахъ Каретникова въ Тейковѣ, Зологина въ Твери, на Измайловской мануфактурѣ въ Москвѣ, на фабрикахъ Корзинкина въ Ярославлѣ, на Нитвинскихъ рудникахъ въ Пермской губерніи и т. д. Въ виду такого обширнаго и во многихъ случаяхъ побѣдоноснаго рабочаго движенія, трудно понять, какъ могъ Плехановъ въ 1891 г. заявить въ нѣмецкой соціалдемократической печати, что «до сихъ поръ русскому рабочему приходилось страдать подъ гнетомъ капитализма, *не имѣя возможности оказать ему серьезнаго сопротивленія*»,

«Теперь все ближе приближается время протеста — говорилъ онъ — время сознательной борьбы русскаго пролетаріата за его экономическое и политическое положеніе».

Время протеста въ началѣ 90-хъ годовъ не приближалось, оно было уже на лицо. Классовая борьба пролетаріата чипѣла въ Россіи уже въ 80-ые годы. Но, конечно, въ 90-ые годы эта борьба была шире, глубже и сознательнѣе, чѣмъ въ 80-ые годы, точно также, какъ начало новаго столѣтія далеко оставляетъ за собою въ этомъ отношеніи послѣдніе годы прошлаго вѣка.

Въ началѣ 90-хъ годовъ на первый планъ выдвигается стачечное движеніе въ Польскомъ краѣ, чему отчасти способствовала энергичная и умѣлая первомайская пропаганда**), но, разумѣется, основную причину нужно искать въ колоссальномъ развитіи крупной

*) «Рабочее движеніе въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ за послѣдніе 15 лѣтъ».

**) О «Первомъ Маѣ», какъ заграницей, такъ и въ Россіи, намъ придется еще говорить нѣсколько позже.

промышленности въ Лодзи и другихъ промышленныхъ центрахъ Западнаго Края, необычайно быстро выросшихъ, благодаря наплыву иностранныхъ капиталовъ, предпринимателей и даже рабочихъ. Въ 1890 году въ Варшавѣ образуется касса сопротивленія, быстро пріобрѣтающая членовъ во всѣхъ варшавскихъ фабрикахъ. «Самое существованіе кассы — говоритъ Плохоцкій — вліяетъ одобряющее на рабочую массу, которая расхватываетъ атитаціонную брошюрку, выясняющую значеніе этой кассы и пользу стачекъ.» Въ 1891 г. въ Домбровѣ происходила стачка 2.000 горнорабочихъ, требовавшихъ измѣненія способа выдачи заработка; затѣмъ, подъ вліяніемъ празднованія Перваго Мая, которое почти вездѣ изъ манифестаціи превращается въ стачку, въ Лодзи бастуютъ около 5.000 рабочихъ, а въ знакомомъ уже намъ Жирардовѣ цѣлую недѣлю «стоятъ всѣ фабрики, и происходитъ кровавое столкновеніе между забастовщиками и казаками.» Въ іюнѣ стачечная эпидемія захватываетъ Варшаву, гдѣ одновременно бастуютъ фабрики различныхъ промышленныхъ отраслей. Между тѣмъ, по примѣру варшавской кассы, въ Лодзи возникаютъ нѣсколько спеціальныхъ кассъ сопротивленія въ отдѣльныхъ ремеслахъ. Стачечное движеніе постепенно захватываетъ не только фабричныхъ, заводскихъ, рудничныхъ, но и строительныхъ рабочихъ, которые весною 1892 года упорной стачкой добиваются улучшенія условій труда. Развиваясь вширь, стачечное движеніе прорывается въ тоже время бурнымъ взрывомъ въ майскомъ возстаніи лодзинскихъ рабочихъ. Возстаніе началось 5-го мая 1892 года стачкой на одной изъ небольшихъ фабрикъ въ сѣверо западной части Лодзи. Стачечники, требовавшіе сокращенія рабочаго дня и увеличенія платы, двинулись съ пѣснями къ другимъ фабрикамъ, провозглашая всеобщую забастовку. Призывъ былъ встрѣченъ сочувственно, толпа пополнялась все новыми и новыми стачечниками, грозной волной двигалась по улицамъ Лодзи, на встрѣчу ей была выслана полиція и отрядъ войскъ. Полиція произвела нѣсколько арестовъ, рабочіе бросились отбивать арестованныхъ. Въ солдатъ посыпались камни, тѣ отвѣтили выстрѣлами, убившими пять человѣкъ. Но толпа не разсѣялась, а съ яростью бросилась на солдатъ, и ея натискъ

былъ такъ силенъ, что полиція и войска въ безпорядкѣ отступили. Гурко изъ Варшавы телеграфировалъ: «Стрѣлять, патроновъ не жалѣть.» Въ разныхъ концахъ города начались схватки между рабочими и войсками. Войскъ было около 4.000, но противъ нихъ стоялъ весь лодзинскій пролетаріатъ. Побѣда стала склоняться на сторону стачечниковъ, которые повсюду перешли въ наступленіе, такъ что уже не рабочимъ, а солдатамъ приходилось сооружать баррикады. Тюрьма и казармы были взяты стачечниками приступомъ; всѣ арестованные освобождены, власти и фабриканты бѣжали изъ города; войска тоже должны были отступить и очистить его. Лодзь находилась въ рукахъ рабочихъ; настроеніе ихъ было торжествующее, но какъ воспользоваться побѣдой никто хорошенько не зналъ. Многіе рабочіе обвиняли соціалистовъ, что тѣ только прокламаціи разбрасываютъ, а потомъ, когда ихъ присутствіе крайне необходимо, ихъ не отыщешь.

Между тѣмъ власти, конечно, не бездѣйствовали. Прежде всего имъ удалось въ лодзинскомъ предмѣстьи Балуты вызвать еврейскій погромъ; стачечники не принимали въ немъ участія, но онъ содѣйствовалъ упадку духа и унынію, которое вообще наступаетъ легко послѣ народной побѣды, результатами которой народъ не умѣетъ или не можетъ воспользоваться. Со всѣхъ сторонъ къ Лодзи сгоняли солдатъ, и вскорѣ городъ почти безъ сопротивленія былъ занятъ сорокотысячной арміей. Черезъ нѣсколько дней сто тысячъ возставшихъ рабочихъ вернулись на фабрики, и все пошло своимъ порядкомъ. Жертвъ съ обѣихъ сторонъ было много: рабочихъ было убито 108, солдатъ убито и тяжело ранено 50. Но кровь пролилась не даромъ. Лодзинская стачка-революція всколыхнула пролетаріатъ всей Польши. При извѣстіи о событіяхъ въ Лодзи забастовали рабочіе Побьяницъ, Згержи, Здунской Воли и продержались двѣ недѣли. Въ іюлѣ забастовала часть горнорабочихъ Домбровскаго округа и т. д.

«Вообще майскія событія въ Лодзи» — говоритъ Плохоцкій — произвели громадное впечатлѣніе на рабочихъ всей Польши. О нихъ зналъ буквально каждый, и они стали однимъ изъ исходныхъ пунктовъ новой эпохи польскаго рабочаго движенія.»

Почти одновременно съ стачкой-возстаніемъ въ Лодзи, въ томъ же 1892 году произошли бурные рабочіе безпорядки и въ одномъ изъ центровъ нашего промышленнаго юга, тоже созданнаго» иностранными капиталами. «Культурная» эксплуатація англійскихъ капиталистовъ довела рабочихъ Юзовскаго завода до взрыва отчаянья и ненависти. Рабочіе произвели погромъ и были жестоко усмирены военной силою. Арестованные были преданы военному суду, и нѣкоторые приговорены къ смертной казни.

Въ серединѣ 90-хъ волна рабочаго движенія особенно могуче подымается въ Петербургѣ. Здѣсь въ маѣ 1896 года происходитъ великая стачка рабочихъ почти всѣхъ ткацко-прядильныхъ фабрикъ.

Этой массовой стачкѣ ткачей предшествовала масса стачекъ на отдѣльныхъ петербургскихъ фабрикахъ, заводахъ и т. д.*)

Зимою 1894/95 года происходятъ «безпорядки» на Семянниковскомъ заводѣ и стачки «въ Порту» (портовыхъ рабочихъ) и на бумагопрядильнѣ Воронина. Въ ноябрѣ 1895 года вспыхиваетъ стачка на фабрикѣ Торнтона, забастовка-бунтъ папиросницъ у Лаферма и стачка на фабрикѣ «Т-ва механическаго производства обуви». Всѣ эти стачки и волненія, сопровождавшіяся нѣкоторыми уступками со стороны хозяевъ, подняли въ рабочихъ энергію и «вѣру въ силу массового натиска.»

Тайныя рабочія организаціи разливались и крѣпли; броженіе охватило постепенно весь рабочій Петербургъ. Въ началѣ 1896 года происходятъ забастовки на ткацкой фабрикѣ Лебедева, у Кенига на Самсоньевской мануфактурѣ, вновь у Воронина, на Сѣстрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ, на Калинкинской мануфактурѣ, въ мастерскихъ варшавской желѣзной дороги, на Бальтійскомъ заводѣ, вновь у Лаферма...

Всѣ эти потрясенія «порядка» показывали, что въ нѣдрахъ трудового Петербурга клокотали могучія силы протеста. Настоящимъ образомъ онѣ прорвались въ

---

*) Данныя для исторіи петербургскихъ стачекъ 90-хъ годовъ мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ «Очерка петербургскаго рабочаго движенія» Петербуржца. («Жизнь» № 4 и 5, 1902 г. и «Библіотека Жизни», № 13).

майской стачкѣ ткачей, которая грянула непосредственно за ходынской коронаціей. Первой остановилась 27-го мая Россійская мануфактура, хотя требованіе рабочихъ уплатить за коронаціонные дни было исполнено. Въ тотъ же день остановилась большая «Екатерингофская» мануфактура; затѣмъ «зараза» охватила двѣ «Кениговскихъ», «Митрофаньевскую», «Тріумфальную», «Новую», «Кожевниковскую» и т. д. Съ Обводнаго канала стачка распространилась за Нарвскую и Невскую заставы, на Выборгскую и Петербургскую сторону, на Васильевскій островъ. Въ началѣ іюня бастовало болѣе 30.000 ткачей, и работа остановилась почти во всѣхъ бумагопрядильныхъ и ткацкихъ мануфактурахъ или фабрикахъ. Заволновались рабочіе и другихъ отраслей производства, поговаривали о всеобщей стачкѣ всѣхъ петербургскихъ рабочихъ, но для проявленія этой высшей формы рабочей солидарности петербургскій пролетаріатъ въ то время еще не былъ готовъ.

Въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, говорятъ, очень боялись, что стачка распространится и на большіе механическіе заводы, и считали, что тогда придется «уступить».

Но, не присоединяясь къ стачкѣ, рабочіе механическихъ заводовъ отнюдь не оставались равнодушны къ борьбѣ своихъ товарищей ткачей; они поддерживали ихъ матеріальною помощью.

«На заводахъ шли правильно организованные сборы.» Многіе изъ «заводскихъ» даже и противъ всеобщей стачки возражали на томъ основаніи, что тогда всѣ лишатся заработка и некому будетъ помогать. Возраженіе въ данномъ случаѣ, конечно, не основательное, такъ какъ все равно достаточной денежной поддержки они оказать не могли, при русскихъ условіяхъ даже непосредственнаго успѣха можно ожидать гораздо больше отъ всеобщности, отъ широкаго захвата стачки, чѣмъ отъ ея длительности и упорства.

Основнымъ требованіемъ ткачей было сокращеніе рабочаго дня съ 13 часовъ на $10\frac{1}{2}$ час. Добиться выполненія его имъ не удалось, и забастовщики послѣ двухъ, трехъ недѣль упорной борьбы вернулись на фабрики при старыхъ условіяхъ, но вернулись они,

какъ замѣчаетъ Петербуржецъ, уже не тѣми, какими покинули ихъ при началѣ забастовки.

За двѣ недѣли стачки классовая солидарность и классовое сознаніе петербургскихъ рабочихъ сдѣлали гигантскій шагъ впередъ. Стачечники пріостановили острую борьбу, чтобы подготовиться къ еще болѣе острой и рѣшительной.

Во время стачки имъ постоянно приходилось сталкиваться съ представителями государственной власти и они хорошо поняли ея родственныя отношенія съ фабрикантами; имъ пришлось почувствовать силу правительственно-хозяйской власти, но они почувствовали и свою собственную силу. Силу рабочихъ почувствовало и само буржуазное самодержавіе. Уже во время стачки фабричные инспектора старались успокоить стачечниковъ увѣреніемъ, что само правительство озабочено необходимостью сократить рабочій день законодательнымъ путемъ. Эти обѣщанія несомнѣнно производили успокаивающее дѣйствіе и были приняты рабочими къ свѣдѣнію. Буржуазное самодержавіе поняло, что совершенно обмануть рабочихъ на этотъ разъ опасно. Рабочіе были «на чеку» не въ одномъ только Петербургѣ. Вѣсть о петербургской стачкѣ разнеслась по всей Россіи, и во многихъ мѣстахъ всколыхнулся рабочій народъ. Въ Москвѣ при полученіи извѣстія о стачкѣ на заводахъ и фабрикахъ началось сильное возбужденіе.

«Забастовка и стачка были у всѣхъ на языкѣ; многихъ потянуло въ Петербургъ».—«Помогать, помогать! — съ возбужденными лицами кричали рабочіе, одной изъ московскихъ фабрикъ, прочитавъ прокламацію о борьбѣ петербургскихъ ткачей. «Вѣтеръ съ запада дуетъ! Забастуемъ братцы!*)»

Вскорѣ забастовали на заводѣ Перунда, въ мастерскихъ Курской желѣзной дороги, въ мастерскихъ Смоленской, на фабрикѣ Грессера и т. д.

Еще болѣе «неспокойно» было въ Западномъ краѣ, гдѣ на ряду съ пролетаріями польскими, нѣмецкими, русскими стали принимать живое участіе въ стачечной

*) «Изъ воспоминаній рабочаго», К. Мироновъ («Вѣстникъ Русской Революціи, № 3).

борьбѣ и пролетаріи еврейскіе съ ихъ сильно развитымъ товарищескимъ чувствомъ.

Въ 1894 году въ Бендзинскомъ уѣздѣ, Петраковской губ. дважды вспыхивала стачка 5000 ткачей и прядильщиковъ акціонерной фабрики «Заверце», принадлежащей берлинскимъ капиталистамъ. Получивъ извѣстіе о первой забастовкѣ, берлинскіе акціонеры телеграфировали, что слѣдуетъ закрыть фабрику на шесть недѣль и разсчитать вожаковъ; рабочіе не испугались; тогда на помощь берлинскимъ капиталистамъ явилась русская администрація въ лицѣ губернатора Миллера, но и его увѣщанія произвели мало впечатлѣнія; въ концѣ концовъ нѣмецкая фабричная администрація пошла на уступки, уплативъ за дни стачки и обѣщавъ разсмотрѣть требованіе о повышеніи расцѣнокъ. Рабочіе прекратили стачку, но, такъ какъ изъ «разсмотрѣнія» ничего не выходило, то черезъ мѣсяцъ снова забастовали. На этотъ разъ политическій представитель берлинскихъ капиталистовъ не ограничился увѣщаніемъ, а принялъ «мѣры»: изъ Ченстова явились драгуны, иностранныхъ подданныхъ стали высылать въ Пруссію и Австрію, предварительно подвергая тѣлесному наказанію и т. д.

Черезъ двѣ недѣли стачечникамъ пришлось признать себя побѣжденными, но, конечно, они вернулись къ своимъ станкамъ не болѣе мирными, чѣмъ отошли отъ нихъ. Одновременно съ этой стачкой въ Домбровскомъ округѣ бастовали рабочіе литейнаго завода Фицнера и Гамнера, ткацкой фабрики Дителя и угольной копи «Миражъ»; но всего «зловѣщѣе» для самодержавной буржуазіи была всеобщая стачка ткачей Бѣлостока и окрестностей, въ которой приняло участіе 26.000 польскихъ, нѣмецкихъ и еврейскихъ пролетаріевъ. Противъ нихъ въ тѣсномъ союзѣ стояли фабриканты, ксендзы и полицейскіе. Забастовщикамъ помогали окрестные крестьяне, снабжая ихъ даромъ или по баснословно дешевой цѣнѣ съѣстными припасами... Но все же международные фабриканты, ксендзы и полицейскіе пока оказались сильнѣе.

Однимъ словомъ самодержавная буржуазія, казалось, одерживала «побѣду за побѣдой», но она чувствовала, что подобныя побѣды не ослабляютъ, а усиваютъ «врага». Какъ бы то ни было, но фабриканты

и заводчики отъ всѣхъ промышленныхъ районовъ Россіи на совѣщаніи со своимъ министромъ Витте постановили, что необходимо законодательнымъ путемъ ограничить рабочій день, какъ это было уже обѣщано петербургскимъ стачечникамъ. Это постановленіе, въ формѣ доклада министра финансовъ, пошло на усмотрѣніе Николая II, который, разумѣется, вполнѣ согласился съ министромъ финансовъ, что вопросъ о нормировкѣ рабочаго дня нужно рѣшить въ положительную или отрицательную сторону, и для этого созвать совѣщаніе изъ министровъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и оберпрокурора Синода, подъ предсѣдательствомъ послѣдняго*). Совѣщаніе занималось, главнымъ образомъ, выясненіемъ вопроса, какъ отразится законодательное урегулированіе рабочаго времени на рабочихъ безпорядкахъ. Министры пришли въ этомъ отношеніи къ правильному заключенію, что безпорядковъ этимъ закономъ не прекратишь, но во всякомъ случаѣ и не усилишь, такъ что лучше все-же законъ издать, тѣмъ болѣе, что этого хотятъ господа фабриканты. Согласившись съ господами фабрикантами, министры высказали нѣсколько оригинальныхъ взглядовъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ, человѣкъ довольно откровенный, началъ съ заявленія, что «законъ этотъ можетъ имѣть лишь внѣшнее, т. е. показное значеніе», внутреннее значеніе для прекращенія безпорядковъ, по его мнѣнію, можетъ имѣть лишь фабричная полиція, о введеніи которой онъ очень хлопоталъ. Министръ финансовъ защищалъ фабричную инспекцію, предпочитая ее фабричной полиціи, но находилъ нужнымъ усилить строгость законовъ, карающихъ виновныхъ въ противоправительственной пропагандѣ. Толковѣе всѣхъ говорилъ министръ юстиціи Муравьевъ, находившій, что и въ смыслѣ водворенія спокойствія на фабрикахъ изданіе закона о нормировкѣ рабочаго времени не будетъ безполезно, такъ какъ законъ этотъ устраняетъ хотя одинъ изъ поводовъ къ безпорядкамъ. Побѣдо-

*) Для исторіи закона 2 іюня 1897 года мы пользуемся копіями съ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ и журнала совѣщанія четырехъ министровъ. Эти документы переданы намъ однимъ товарищемъ и до сихъ поръ не были еще опубликованы.

носцевъ и здѣсь говорилъ, какъ подобаетъ говорить оберъ-ханжѣ: «законъ необходимъ, потому что онъ вызывается нравственными побужденіями, человѣколюбіемъ, милосердіемъ, заботливостью о слабыхъ. Опасеніямъ за послѣдствіе закона не слѣдуетъ придавать значенія. Указываютъ на то, что законъ не успокоитъ умы рабочихъ, что они въ требованіемъ своихъ пойдутъ дальше... Да, восьмичасовая норма, 1 мая и другое — это бездна, въ которую стремится человѣчество, но у насъ все это чужое, наносное и отражается своеобразно. У насъ нѣтъ условій, которыя существуютъ на Западѣ: до сихъ поръ у насъ еще удерживаются патріархальныя отношенія между фабрикантами и рабочими и т. д.» Изъ особаго совѣщанія дѣло о законѣ снова перешло на благовоззрѣніе Его Императорскаго Величества, а оттуда въ особую комиссію изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ и представителей различныхъ отраслей отечественной промышленности. Въ комиссіи былъ выработанъ законопроектъ, который поступилъ, наконецъ, въ государственный совѣтъ.

Путь, какъ видите, долгій, но пройденъ онъ былъ для русскихъ канцелярскихъ условій необычайно быстро. Фабричные инспектора во время стачки 1896 г. говорили рабочимъ, что законопроектъ о максимальномъ рабочемъ днѣ будетъ подписанъ черезъ два года; между тѣмъ на дѣлѣ законъ былъ опубликованъ черезъ годъ. Эта поразительная быстрота объясняется новымъ «воздѣйствіемъ» со стороны рабочихъ. Если стачки 1896 года дали толчекъ ко всевозможнымъ совѣщаніямъ объ ограниченіи рабочаго дня, то стачки и подготовленія къ нимъ въ началѣ 1897 года, несомнѣнно, произвели еще болѣе чудесное дѣйствіе, заставивъ чиновниковъ поторопиться и отрѣшиться отъ обычной волокиты.

Не успѣло пройти 1-ое января, когда «ожидали» «закона», какъ забастовали двѣ фабрики Маквелля, рабочіе которыхъ во время лѣтнихъ стачекъ предупреждали фабричнаго инспектора, что устроютъ стачку въ январѣ, если правительство не выполнитъ обѣщаній. Вслѣдъ за «маквельцами» заволновались рабочіе и на другихъ фабрикахъ и заводахъ; повсюду пошли разговоры о всеобщей забастовкѣ. Фабриканты, ин-

спектора, полицейскіе «бросились» уговаривать рабочихъ не устраивать всеобщей стачки, обѣщая, что законъ будетъ изданъ не позже весны. Въ уговорахъ и увѣщаніяхъ, по примѣру польскихъ ксендзовъ, приняли участіе и русскіе попы, но встрѣтили со стороны рабочихъ сильный отпоръ. Въ церквахъ рабочихъ районовъ попы произносили проповѣди, въ которыхъ говорили, что врагъ рода человѣческаго дьяволъ обуялъ грѣшную душу рабочихъ, и они, послушавшись разныхъ жидовъ, англичанъ, нѣмцевъ и прочихъ враговъ и измѣнниковъ отечества, стали бунтовать противъ своихъ благодѣтелей-хозяевъ и неусыпно заботившагося объ ихъ нуждахъ правительства, сами того не подозрѣвая, какой великій грѣхъ они совершаютъ передъ господомъ богомъ. Въ отвѣтъ на одну изъ такихъ тирадъ одинъ изъ рабочихъ крикнулъ попу: «Еслибъ ты самъ проработалъ столько, сколько мы работаемъ, то и безъ англичанъ додумался бы до стачки.» Этотъ отвѣтъ по своей искренной правдивости заслуживаетъ быть записанъ въ исторію на ряду со словами, которыя 18 марта 1848 года какой-то рабочій крикнулъ изъ толпы знаменитому юристу и прусскому министру Савиньи, разъяснявшему толпѣ, что король далъ гораздо больше, чѣмъ когда-либо отъ него требовали. «Старикъ — крикнулъ рабочій — этого ты не понимаешь, не дано равно ничего.» Попы не ограничивались проповѣдями: какой то старецъ Амвросій, увѣшанный крестами въ сопровожденіи двухъ монаховъ (по убѣжденію рабочихъ двухъ шпіоновъ) пріѣзжалъ по вечерамъ на заводы и фабрики и пытался вести бесѣды о великомъ грѣхѣ стачки. На одной изъ фабрикъ рабочіе отвѣтили на проповѣдь старца градомъ прѣлаго картофеля и рваныхъ галошъ. Монашескія поѣздки и церковныя проповѣди о грѣховности стачки пришлось скоро прекратить. Болѣе благопріятно были встрѣчены увѣщанія со стороны фабрикантовъ и фабричныхъ инспекторовъ, тѣмъ болѣе, что они во многихъ случаяхъ совали рабочимъ въ руки синицу, дѣлая небольшія уступки. Но рабочіе даже наиболѣе спокойныхъ фабрикъ прямо заявляли: «Мы не ручаемся за то, что не бросимъ работу. *Если придутъ и скажутъ: «бросьте работу», мы не можемъ не бросить.*» И дѣйствительно на большинствѣ фаб-

рикъ, куда приходили делегаты отъ стачечниковъ, и говорили: «Бросьте работу», рабочіе тотчасъ бросали. Вскорѣ бастовало однихъ ткачей около 18.000, кромѣ того въ стачкѣ принялъ участіе и чугунный Александровскій заводъ Николаевской желѣзн. дороги, и были близки къ забастовкѣ заводы Обуховскій, Балтійскій и Бертовскій.

«Правительство совсѣмъ растерялось. На одномъ изъ правительственныхъ совѣщаній Витте спросилъ Клейгельса, можетъ ли онъ заставить рабочихъ работать? «Если бы рабочіе толпились на улицѣ, — отвѣтилъ градоначальникъ,—нарушали бы тишину и порядокъ, я съ ними справился бы. Но разъ они сидятъ по домахъ, я ничего не могу съ ними подѣлать.»

Стачка длилась около недѣли, и прекратилась отчасти подъ вліяніемъ частичныхъ уступокъ и формальнаго заявленія министерства финансовъ, что законопроектъ о нормировкѣ рабочаго дня скоро поступитъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Во всякомъ случаѣ стачка заставила канцелярскую машину идти полнымъ ходомъ, и менѣе, чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ окончанія стачки, опубликованъ былъ законъ 2 іюня 1897 года, ограничившій рабочій день одинадцатью съ половиной часами. Министры были совершенно правы, предполагая, что этотъ законъ не уничтожитъ рабочихъ безпорядковъ, не прекратитъ рабочихъ стачекъ. Русскіе рабочіе, подобно своимъ западноевропейскимъ собратіямъ неудержимо стремятся въ «бездну» «восьмичасовой нормы, Перваго мая и многого другого», да, господинъ Побѣдоносцевъ, многого другого, въ томъ числѣ свободы совѣсти и мысли.

Законъ 1897 года не только не остановилъ стачекъ, но мѣстами самъ послужилъ поводомъ для широкаго стачечнаго движенія. Такъ, напримѣръ, въ Западномъ краѣ рабочіе во многихъ мѣстахъ еще раньше, путемъ стачекъ сумѣли ограничить рабочій день не $11^1/_2$ часами, а $10^1/_2$, 10 и даже $9^1/_2$ часами. Фабриканты, опираясь на новый законъ, вздумали были удлинять рабочее время, но встрѣтили дружный стачечный отпоръ и были побѣждены по всей линіи: не только повсюду рабочіе отстояли уже раньше завоеванное сокращеніе рабочаго дня, но на нѣкоторыхъ фабрикахъ сократили его еще больше. Вообще періодъ

1897-99 года былъ чрезвычайно богатъ стачками въ Западномъ краѣ. Въ 1897 году было 42 стачки, изъ нихъ 32 выиграли рабочіе. Въ 1898 году—44, изъ нихъ 36 выиграны. Въ 1899 г. — 67, изъ нихъ34 выиграны. Требованія сокращенія рабочаго дня съ каждымъ годомъ играютъ все большую и большую роль при возникновеніи стачекъ, въ 1896 г. такихъ стачекъ было 4, а въ 1899 уже 41.

Не всѣ стачки проходили мирно, а стачка горнорабочихъ въ Домбровскомъ округѣ въ 1897 г. окончилась даже вмѣшательствомъ войскъ и залпомъ въ толпу, причемъ убито было 4 человѣка и тяжело ранено 3.

Конечно, не только въ Западномъ краѣ фабриканты пробовали воспользоваться закономъ 1897 г., чтобы усилить эксплуатацію рабочихъ: такія попытки дѣлались и въ самой коренной Россіи, напримѣръ, въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ, но, кажется, повсюду, терпѣли неудачу. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что рабочіе сумѣли воспользоваться имъ лучше хозяевъ. Шуйскимъ ткачамъ онъ помогъ добиться даже 9-часового дня. Въ началѣ 70-хъ годовъ въ Шуѣ ткачи работали по 12 часовъ въ день, затѣмъ постепенно подъ вліяніемъ стачечной борьбы, рабочій день все уменьшался и послѣ изданія закона 1897 г. понизился до 9 часовъ, причемъ заработная плата не только не понизилась, но даже повысилась. Этими результатами шуйскіе ткачи обязаны не только своимъ собственнымъ стачкамъ, но и стачечной борьбѣ рабочихъ петербургскихъ, лодзинскихъ, бѣлостокскихъ, варшавскихъ и т. д., рабочихъ не только русскихъ, но польскихъ, еврейскихъ, нѣмецкихъ, латышскихъ, литовскихъ и т. д. Въ знаніи этого факта заключается и пониманіе классового единства пролетаріевъ всѣхъ національностей.

Пониманіе единства интересовъ пролетаріевъ всѣхъ національностей развивается у россійскихъ рабочихъ одновременно съ пониманіемъ буржуазной сущности русскаго самодержавія. Уясненію этой сущности не мало способствовала максвелевская стачка 1899 г., сопровождавшаяся полицейскимъ погромомъ и шемякинымъ судомъ.

14 декабря 1899 г. 3000 рабочихъ максвелевской фабрики въ Петербургѣ, выведенные изъ терпѣнія все-

возможными уловками и придирками фабричной администраціи, забастовали, какъ одинъ человѣкъ. Въ тотъ же день къ нимъ присоединились рабочіе фабрики Паля. Стачечники держались совершенно мирно, но полиція стремительно бросилась «усмирять» и «подавлять». Клейгельсъ, говорившій въ 1897 г., что онъ ничего не можетъ подѣлать съ рабочими, разъ они не нарушаютъ тишины и порядка» и «сидятъ дома», рѣшился, видимо, «исправить» эту фразу, тѣмъ болѣе, что стачка охватывала лишь двѣ фабрики и для распространенія ея на всѣхъ петербургскихъ рабочихъ предпраздничное, зимнее время было крайне неблагопріятно. Шлиссельбургскій трактъ, гдѣ находятся забастовавшія фабрики, былъ немедленно «занятъ» пѣшими и конными военными силами; всѣ лавки съ съѣстными припасами, кухмистерскія и т. д. были закрыты. Но «осады» храброму Клейгельсу оказалось мало, онъ рѣшился прибѣгнуть еще и къ «штурму». Въ ночь съ 16-го на 17-ое декабря къ рабочей казармѣ при фабрикѣ Максвеля, гдѣ жило около 800 рабочихъ явились полицейскіе и жандармы, чтобы арестовать «зачинщиковъ». Рабочіе заперли казарму изнутри, и не открывали ее не смотря на требованія полиціи. Тогда полиція вызвала подкрѣпленіе, явился отрядъ конныхъ, и начался штурмъ. Рабочіе защищались отчаянно, въ нападавшихъ полицейскихъ летѣли дрова, доски, рабочіе инструменты и пр.; «врага» отбивали не только взрослые рабочіе, но женщины и дѣти. Въ концѣ концовъ полицейскимъ удалось ворваться въ казарму, и тамъ началась ожесточенная бойня. Полицейскіе дѣйствовали нагайками и шашками; били стариковъ, женщинъ, дѣтей, даже больныхъ, лежавшихъ въ постеляхъ; на лѣстницахъ и въ корридорахъ раздавались крики приставовъ: «Принять его хорощенько!» «Рубите ихъ какъ капусту» и пр.

Вообще петербургскіе полицейскіе, воспитанные Клейгельсомъ, проявили въ данномъ случаѣ такую же звѣрскую кровожадность, какъ и парижскіе полицейскіе, воспитанные «дружественнымъ и союзнымъ» Лепиномъ во время послѣдняго нападенія на парижскую биржу труда, гдѣ безоружныхъ рабочихъ рубили шашками при одобрительныхъ крикахъ полицейскихъ командировъ.

Послѣ побѣдоноснаго штурма и звѣрской бойни, 200 человѣкъ по указанію фабричной администраціи были арестованы. Стачечники лишились наиболѣе энергичныхъ товарищей, и стачка прекратилась. Рабочіе вернулись на фабрики съ затаенной ненавистью къ правительству. Всѣхъ пострадавшихъ во время стачки было болѣе 400 человѣкъ, изъ нихъ болѣе 100 человѣкъ были высланы изъ Петербурга, и разнесли по всѣмъ концамъ Россіи святую ненависть къ буржуазному самодержавію и самодержавной буржуазіи. Около 80 раненыхъ во время бойни попало въ больницы; 15 человѣкъ,. въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ, были преданы суду, который засѣдалъ при закрытыхъ дверяхъ, и, конечно, исполнилъ свой долгъ, т. е. приговорилъ, тяжело избитыхъ полицейскими рабочихъ къ тяжелымъ наказаніямъ. Судъ такъ вольно обошелся со всѣми предусмотрѣнными закономъ формальностями, что сенатъ кассировалъ приговоръ, и дѣло просматривалось вторично опять таки при закрытыхъ дверяхъ, но судъ вновь исполнилъ свой буржуазный долгъ.

Говорятъ, что Струве, который въ то время считался соціалдемократомъ, совѣтовалъ осужденнымъ подать просьбу о помилованіи на Высочайшее имя, но тѣ отказались, и многіе рабочіе дѣлали по поводу высочайшаго совѣта Струве очень нелестныя для него замѣчанія. Это показываетъ, что многіе русскіе рабочіе уже въ то время обладали большимъ политическимъ тактомъ, чѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ интеллигентовъ марксистовъ. Впрочемъ, Струве въ данномъ случаѣ могъ бы сказать, что онъ находится въ хорошемъ обществѣ Фердинанда Лассаля, который весною 1864 г. совѣтывалъ двумъ рабочимъ, Молю и Лотцу, приговореннымъ къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, подать королю прошеніе о помилованіи. Но и Максвельскіе рабочіе находились не въ дурномъ обществѣ. Моль и Лотцъ рѣшительно отвергли подобное предложеніе, заявилъ, что они лучше согласились бы просидѣть четыре года, чѣмъ унизиться передъ королемъ, прося у него милости. Лассаль выслушавъ возраженія, замѣтилъ, что онъ гордится стоять во главѣ подобныхъ людей. Здѣсь Лассаль уже не находится въ хорошемъ обществѣ Струве. Струве гордится, что стоитъ теперь во главѣ умѣренныхъ от-

цовъ, отвага которыхъ не идетъ дальше Высочайшихъ прошеній.

Максвелевская стачка, съ сопровождавшей ее полицейской бойней, произвела сильное впечатлѣніе на петербургскихъ рабочихъ. «Стали задумываться — разсказываетъ рабочій Мироновъ въ своихъ воспоминаніяхъ — и обсуждать, что дѣлать. Одни высказывались за то, чтобы учинить расправу съ приставомъ Баричемъ и Клейгельсомъ. Другіе говорили, что Баричъ и Клейгельсъ не причемъ: они исполнили только приказаніе высшаго начальства; поэтому *слѣдуетъ устроить общую забастовку, какъ протестъ противъ гнусныхъ дѣйствій правительства.* Третьи, наконецъ, возражали на это, что не только общей, но и никакой забастовки теперь устроить невозможно, потому что наступаетъ Рождество. Наконецъ, рѣшено было устроить сборъ, чтобы оказать хотя бы денежную помощь стачечникамъ».

Мы видимъ здѣсь, какъ сама жизнь наводитъ рабочихъ на мысль о политической всеобщей забастовкѣ, какъ самомъ дѣйствительномъ средствѣ борьбы противъ правительства.

1899 годъ ознаменовался для Россіи еще болѣе важными событіями, чѣмъ максвелевская стачка. Мы имѣемъ въ виду майскія революціонныя стачки въ Ригѣ и Либавѣ, сыгравшія огромную роль въ дѣлѣ пробужденія классового сознанія латышскаго пролетаріата.

До послѣдняго времени латышскій народъ, въ томъ числѣ и латышскіе рабочіе, смотрѣли на русское правительство съ благодарностью и довѣріемъ, такъ какъ оно въ интересахъ руссификаціи страны ограничило привиллегіи мѣстнаго дворянства и духовенства, отъ притѣсненій которыхъ латыши страдали въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Майскіе дни 1899 г. показали латышскимъ рабочимъ, что русское правительство является крайнимъ сторонникомъ прибалтійскихъ капиталистовъ и лютымъ врагомъ латышскаго рабочаго класса, разъ онъ начинаетъ бороться за свое освобожденіе. Майскіе дни дорого обошлись латышскимъ рабочимъ, но за то они въ нѣсколько дней сдѣлали въ смыслѣ пробужденія классового сознанія больше, чѣмъ можетъ сдѣлать мирная пропаганда въ нѣсколько лѣтъ.

Латышскіе рабочіе увидѣли, кто ихъ враги, они кромѣ того почувствовали свою силу и свою слабость.

За послѣднія десятилѣтія въ главныхъ прибалтійскихъ городахъ въ Ригѣ и Либавѣ стала быстро развиваться промышленность, превращая многочисленныхъ латышскихъ безземельныхъ крестьянъ въ городской промышленный пролетаріатъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ началась, разумѣется, и стачечная борьба изъ за повышенія заработной платы, сокращенія рабочаго дня, удаленія нелюбимыхъ мастеровъ и т. д. Стачки постепенно учащались, подготовляя почву для массового взрыва 1899 г.. Въ Ригѣ революціонная всеобщая стачка началась, какъ это обыкновенно бываетъ, незначительнымъ столкновеніемъ *) на экономической почвѣ. Въ мартѣ 1899 г. на джутовой фабрикѣ Гольдфедеръ-Ландау и К⁰ работницы стачкой добились уменьшенія рабочаго дня; 1-ое мая работницы, къ которымъ, присоединились и рабочіе, устроили новую стачку требуя на этотъ разъ давно обѣщаннаго повышенія заработной платы. Фабричная дирекція не только не выполнила даннаго раньше обѣщанія, но немедленно обратилась къ властямъ съ просьбою прислать войска. Просьба была тотчасъ исполнена, и около фабрики расположились солдаты, которыхъ признательная дирекція обильно снабжала спиртными напитками. «Военныхъ дѣйствій», однако, сначала не было, такъ какъ забастовщики держались мирно и въ высшей степени сдержанно. 4 мая забастовавшимъ рабочимъ и работницамъ было объявлено, что они или должны приниматься за работу, или отдать свои расчетныя книжки и получить въ полицейскихъ участкахъ свои паспорта. Тогда забастовщики рѣшили идти жаловаться на фабричную администрацію губернатору Суровцову, въ которомъ видѣли представителя русскаго царя, защитника латышскаго народа. Узнавъ о намѣреніи стачечниковъ, Суровцевъ принялъ соотвѣтствующія мѣры для встрѣчи рабочихъ, и сговорился съ начальникомъ штаба 20-го армейскаго корпуса о присылкѣ войскъ.

*) Данныя для латышскаго рабочаго движенія мы беремъ изъ статей Ф. Розина въ «Листкахъ Свободнаго Слова» № 13, въ иллюстрированномъ листкѣ «Первое Мая», изданномъ организац. «Жизнь» и въ № 3 «Жизни» за 1902 г.

на тотъ случай, если полиціи не удастся своими силами «уговорить» рабочихъ и работницъ. 5-го мая въ 3 часа дня забастовщики отправились отъ фабрики, которая лежала за чертою города, по шоссе къ Александровскимъ воротамъ, гдѣ для ихъ встрѣчи были приготовлены полицейскіе, солдаты, пожарные. Передъ «воротами» стачечники были задержаны полиціей, которая заманила часть ихъ, преимущественно женщинъ, въ Александровскій паркъ; здѣсь у стачечниковъ стали отбирать расчетныя книжки, не выдавая ни паспортовъ, ни заработанныхъ денегъ. Это вызвало, конечно, протесты, нашедшіе себѣ откликъ у толпы, стоявшей вокругъ парка, окруженнаго заборомъ. Какъ разъ въ это время окончились работы на большомъ вагонномъ заводѣ Феникса, находящемся недалеко отъ Александровскаго парка. На заводѣ работало много мужей и братьевъ работницъ джутовой фабрики. Узнавъ отъ стоящей на улицѣ толпы о томъ, что дѣлается въ паркѣ, заводскіе рабочіе двинулись на помощь къ работницамъ, надъ которыми полиція и солдаты позволяли себѣ нагло издѣваться. Полиція приказала пожарной командѣ обливать рабочихъ изъ пожарныхъ трубъ. Это положило конецъ терпѣнію рабочихъ. Заборъ былъ разломанъ, и толпа хлынула въ паркъ. Одинъ изъ околодочныхъ надзирателей выстрѣлилъ въ толпу изъ револьвера, ранивъ двухъ рабочихъ; солдаты, находившіеся въ паркѣ выстрѣлили въ рабочихъ холостыми зарядами и затѣмъ подъ напоромъ толпы вмѣстѣ съ полиціей укрылись въ зданіе сада. Отсюда они стали стрѣлять уже не холостыми зарядами и, когда толпа отступила, бросились на нее въ штыки. Рабочіе защищались камнями, бутылками, бросали солдатамъ въ глаза песокъ и золу. На мѣсто битвы прибылъ самъ губернаторъ съ войсками, и приказалъ очистить улицы отъ народныхъ массъ. Толпа показала много упорства и, разсѣянная въ одномъ мѣстѣ, собиралась въ другомъ; при этомъ было убито 16, тяжело ранено 22, болѣе или менѣе «легко» ранено болѣе 60 рабочихъ; пострадало нѣсколько человѣкъ и со стороны полиціи и солдатъ. Арестованныхъ было масса. Такъ закончился первый день рижскаго бунта. На другой день, когда на улицахъ рабочаго предмѣстья еще стояли

лужи крови, когдо во многихъ домахъ раздавался плачъ осиротѣлыхъ семей, и слышались стоны раненыхъ, Рига по указу свыше украсилась флагами, изъ церковныхъ колоколовъ несся праздничный звонъ. Оффиціальная Рига праздновала высокоторжественный день рожденія государя императора. Контрастъ былъ страшенъ, и праздничный трезвонъ колоколовъ прозвучалъ для рабочаго народа, какъ злобное издѣвательство. По словамъ Розина, не будь этого праздника, оскорбившаго чувства народа, рижскіе рабочіе, быть можетъ, успокоились бы, затаивъ свое горе. Дѣйствительно утро 6-го мая прошло совершенно спокойно. На всѣхъ городскихъ фабрикахъ и заводахъ, въ томъ числѣ и на заводѣ Феникса, работы продолжались. Но когда рабочіе возвращались домой, то видъ оффиціальнаго торжества не могъ не возмутить ихъ. Въ 6 часовъ вечера, около одного изъ полицейскихъ участковъ, въ которомъ находились девять арестованныхъ рабочихъ джутовой фабрики, собралась толпа рабочихъ и работницъ. Жены арестованныхъ просили освободить мужей, указывая, что дѣтямъ приходится голодать. «Можете идти въ бардакъ» — цинично крикнулъ приставъ. Возмущенная толпа начала штурмовать участокъ. Немедленно явились два батальона 115-го вяземскаго полка и оттѣснили толпу въ сосѣднія улицы. Въ толпѣ пробудились разрушительные инстинкты, начались поджоги и погромы. Толпа разрушала, но не грабила, имущество сжигалось и уничтожалось, но не присваивалось; даже деньги бросались на улицу, какъ ненужный хламъ. Особенно большую ненависть рабочіе проявили къ военнымъ, полицейскимъ и чиновникамъ. Многіе домовладѣльцы дѣлали на своихъ домахъ надписи: «Здѣсь не живутъ военные и полицейскіе», и этимъ избѣгали разгрома. 7-го мая рабочіе снова штурмовали участокъ, желая освободить арестованныхъ, но войскамъ подъ командой губернатора Суровцева снова удалось разбить рабочихъ, изъ которыхъ многіе испытали на себѣ страшное дѣйствіе малокалиберныхъ ружей.

Въ ночь съ 7 на 8 мая рабочіе въ числѣ 7000 собрались въ одномъ изъ загородныхъ садовъ для обсужденія положенія дѣлъ и дальнѣйшихъ дѣйствій. Было рѣшено *прибѣгнуть къ всеобщей стачкѣ*, оста-

новивъ работу на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ, и во время стачки держать себя спокойно, не давая повода къ вмѣшательству вооруженной силы. Въ отвѣтъ на это рѣшеніе въ Ригѣ фактически было объявлено военное положеніе. Городъ былъ раздѣленъ на три района, подчиненныхъ полковымъ командирамъ, располагавшимъ соотвѣтствующимъ числомъ войскъ. 8-го мая прошло сравнительно спокойно, но 9-го снова начались безпорядки. Нѣсколько заводовъ и мастерскихъ были разгромлены или подожжены. 10-го мая начинается всеобщая забастовка, которая къ 13 мая постепенно захватила огромное большинство рижскихъ заводовъ и фабрикъ. Значительная часть рабочихъ держалась спокойно, но погромы и поджоги продолжались тѣмъ болѣе, что разошлась во всю такъ называемая босая команда, поведеніе которой возбуждало негодованіе у самихъ рабочихъ и сильно понизило ихъ боевое настроеніе.

Всеобщая стачка перепугала и фабрикантовъ, и представителей власти, которые сначала совсѣмъ растерялись и городъ нѣкоторое время находился въ рукахъ рабочихъ, но тѣ не знали, что предпринять, и стали ослабѣвать не столько подъ ударами военной силы, сколько отъ отсутствія опредѣленной практической программы. Буря пронеслась и черезъ двѣ недѣли послѣ начала бунта съ внѣшней стороны все пошло по старому. Убитые похоронены, арестованные сосланы, высланы или оставлены въ тюрьмахъ; вся остальная масса вернулась къ рабочимъ станкамъ; загудѣли фабричныя трубы, зашумѣли фабричные станки, — съ внѣшней стороны все пошло по старому. Но въ сознаніи рабочихъ произошла огромная перемѣна. Стихійный рижскій бунтъ былъ началомъ сознательной борьбы.

Одновременно съ Ригой волновалась и Либава.

Къ 1 мая 1899 г. рабочіе многихъ либавскихъ фабрикъ, заводовъ, построекъ и т. д. объявили стачку. Они выставили различныя «наболѣвшія» требованія о сокращеніи рабочаго времени, повышеніи заработной платы, устраненіи грубыхъ мастеровъ и т. д. Предприниматели отказались исполнить эти требованія, и на нѣкоторыхъ фабрикахъ началась забастовка. Работа во многихъ мѣстахъ совсѣмъ прекратилась, въ гавани

стояли пароходы, напрасно ожидая разгрузчиковъ и нагрузчиковъ, а рабочіе въ праздничныхъ костюмахъ гуляли небольшими группами по улицамъ. Безпорядковъ не было, но все же курляндскій губернаторъ поспѣшилъ пріѣхать въ Либаву для усмиренія «бунтующихъ». Сами «бунтующіе» толковали пріѣздъ губернатора совсѣмъ иначе: они полагали, что представитель русскаго царя спѣшитъ защитить рабочихъ отъ капиталистовъ. «А если какой нибудь капиталистъ откажется исполнить справедливыя требованія рабочихъ, — говорили крайніе оптимисты, — то губернаторъ отниметъ у него фабрику и отдастъ ее рабочимъ». Вотъ почему 5 мая губернатора, пріѣхавшаго прямо съ вокзала на проволочную фабрику Беккера и чугуно-литейный заводъ Штрупа, стоящихъ другъ противъ друга, рабочіе встрѣтили радостнымъ «ура», и стали излагать ему свои требованія. Къ общему удивленію губернаторъ началъ кричать, и приказалъ арестовать одного изъ рабочихъ, позволившаго себѣ улыбаться. Рабочіе не пытались отбивать у полиціи арестованнаго товарища, но на предложеніе разойтись, двинулись по направленію къ городу. Растерявшійся губернаторъ и полицейскіе послѣдовали за толпою, которая по дорогѣ все возростала. Во главѣ шелъ рабочій, привязавшій къ палкѣ красный платокъ, около товарной станціи либаво-роменской желѣзной дороги къ процессіи присоединились рабочіе военнаго порта, бросившіе работу, узнавъ о пріѣздѣ губернатора.

«Рабочіе военнаго порта — разсказываетъ товарищъ Розинъ, бывшій самъ свидѣтелемъ этой стачки-демонстраціи — по большей части состоятъ изъ бывшихъ солдатъ, и ихъ процессія была устроена по военному, съ знаменемъ и барабанами, роль которыхъ исполняли старые жестяные чайные котлы. По приближеніи процессіи рабочихъ военнаго порта, губернаторъ, ѣхавшій позади первой процессіи, былъ такъ сказать атакованъ и съ фронта и съ тылу: ему стало жутко и онъ приказалъ полицейскимъ очистить для себя дорогу. По первому же требованію полицейскихъ пропустить губернатора, передняя толпа остановилась и раздвинулась на обѣ стороны, такъ что середина улицы осталась свободной для проѣзда «Его

Превосходительства». Затѣмъ процессія двинулась дальше. Жандармы и полицейскіе пошли съ толпою, записывая имена нѣкоторыхъ участниковъ. Тѣмъ временемъ число демострантовъ увеличилось до того, что одинъ конецъ процессіи былъ у желѣзнодорожнаго моста, а другой только еще у товарной станціи.

Миновавъ желѣзнодорожный мостъ, рабочіе стали передвигаться съ одной фабрики на другую и съ одной постройки на другую, повсюду громко и торжественно заявляя: «Feierabend!» («Шабашъ!»). Во многихъ мѣстахъ рабочіе, очевидно, только этого и ждали: они тотчасъ бросали работу и примыкали къ демонстрантамъ. Однако были трусливые, не рѣшавшіеся бросить работу. Такихъ брали на руки и силой уносили. Нѣкоторые фабриканты запирали своихъ рабочихъ на ключъ и не допускали къ нимъ демонстрантовъ. Въ такихъ случаяхъ (напримѣръ, на цементной фабрикѣ Рика) ворота фабрики были разломаны, и запертые товарищи освобождены. Но по большей части, при приближеніи демонстрантовъ, рабочіе сами бросали работу и присоединялись къ процессіи. Были случаи, что перепуганные фабриканты сами просили рабочихъ бросить работу.

Въ концѣ концовъ во главѣ процессіи появился рабочій съ гармоникой, торжественно возсѣдавшій на какой то двери, которую четверо товарищей несли на плечахъ. Такимъ образомъ процессія обошла всѣ фабрики, постройки и даже мастерскія. Жандармскій ротмистръ Базаревскій нѣсколько разъ вмѣшивался въ толпу и старался узнать фамилію и адресъ того или другого изъ демонстрантовъ, но каждый разъ его такъ сдавливали, что онъ радъ былъ выбраться вонъ.

Остановивъ всѣ работы, толпа разсѣялась. Вечеромъ рабочіе снова собрались въ павильонѣ и въ Николаевской рощѣ за заставой.

Этой процессіей, въ которой участвовало не менѣе 20 тысячъ лицъ, и при видѣ которой либавскіе бюргеры блѣднѣли и дрожали отъ страха, началась общая стачка. Многіе фабриканты (наприм. Бекеръ) уѣхали за границу или заперлись въ своихъ частныхъ квартирахъ. Рабочіе были въ восторгѣ и полны надеждъ. Весь городъ находился въ необычайно возбужденномъ состояніи, ничего подобнаго либавцы не

переживали ни раньше, ни послѣ этого замѣчательнаго дня».

Стачка продолжалась еще нѣсколько дней, и застигнутые врасплохъ фабриканты сдѣлали рабочимъ немало уступокъ. На большинствѣ либавскихъ фабрикъ была нѣсколько повышена заработная плата и сокращенъ рабочій день. Но, какъ справедливо думаетъ Розинъ, суть не въ этихъ маленькихъ непосредственныхъ успѣхахъ, суть въ томъ громадномъ моральномъ подъемѣ латышскаго рабочаго класса, подъемѣ, которымъ сопровождалась либавская стачка-демонстрація.

Латышскій пролетаріатъ пробудился, могуче стряхнувъ съ себя апатію и наивную вѣру въ русскаго царя. Теперь въ нѣдрахъ его кипитъ просвѣтительная и организаціонная соціалдемократическая работа.

«Куда не взглянешь, всюду работы много,—говоритъ Розинъ въ своей статьѣ: «О возникновеніи классового сознанія у латышскихъ рабочихъ» *),—но и работниковъ все прибываетъ. Девизъ: «Долой царя», слышится у насъ не такъ часто, какъ лозунгъ: «Работать, работать». И дѣйствительно не такъ важно для пролетаріата, свалится ли царь съ престола днемъ раньше или позже, какъ то, насколько сильны, организованны и сознательны будутъ рабочіе въ неминуемый день переворота».

Одновременно съ пробужденіемъ пролетаріата въ прибалтійскихъ провинціяхъ начинается рабочее движеніе на Кавказѣ, гдѣ нефтяная промышленность и морская торговля создаютъ обширный фабричный, желѣзнодорожный и портовый пролетаріатъ. Первыя кавказскія стачки относятся къ концу 90-хъ годовъ, онѣ необычайно быстро подготовляютъ революціонныя демонстраціи и всеобщія стачки 1903 года, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Въ то же время безостановочно развивается рабочее движеніе и на третьей промышленной окраинѣ Россіи, въ Западномъ краѣ, гдѣ возникаетъ сильная еврейская рабочая организація — «Бундъ». Бундъ съ самаго начала стоялъ въ тѣсной связи съ профессіональнымъ движеніемъ еврейскаго пролетаріата. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ и въ началѣ

*) «Жизнь» № 3, 1902 г.

1900 г., подъ вліяніемъ быстро развивающагося стачечнаго движенія, въ Западномъ краѣ возникаютъ не только многочисленныя рабочія «кассы», но и два нелегальныхъ профессіональныхъ союза, щетинщиковъ и кожевниковъ, играющихъ немаловажную роль въ классовой борьбѣ рабочихъ Западнаго края. Союзъ кожевниковъ явился слѣдствіемъ поголовной стачки кожевниковъ въ Сморгони, продолжавшейся около двухъ мѣсяцевъ и показавшей, какими крѣпкими узами солидарности связаны рабочіе еврейскіе, польскіе и литовскіе.

«Нашъ союзъ — говоритъ первый манифестъ союза кожевниковъ,—не хитроумная выдумка, не плодъ досужаго воображенія, а неизбѣжный, естественный продуктъ условій нашей жизни и борьбы. Онъ — мощное орудіе, выкованное и закаленное въ безпрерывной продолжительной борьбѣ. Въ грозное бурное время зародился онъ; мозолистыя братскія руки спеленали его; потомъ и кровью онъ вспоенъ, тюрьмой и ссылкой воспитанъ. Радость и горе, побѣды и неудачи укрѣпили его» *).

Профессіональное движеніе подъ вліяніемъ стачекъ начинается и въ собственно русскихъ мѣстностяхъ. Оно цѣпляется за *легальныя* кассы и общества взаимопомощи наборщиковъ, машиностроительныхъ, электротехническихъ и другихъ квалифицированныхъ рабочихъ. Первая профессіональная касса, именно касса наборщиковъ, была основана въ Петербургѣ еще въ 1866 г.; въ 1869 г. такая же касса появилась въ Москвѣ; въ 80-хъ г. кассы наборщиковъ были основаны въ Харьковѣ, Одессѣ, Казани и Кіевѣ.

Въ «кассахъ» на ряду съ рабочими, принимали участіе и хозяева, нерѣдко занимавшіе всѣ важныя и почетныя должности. Кассы влачатъ довольно жалкое существованіе; въ другихъ профессіяхъ, кромѣ типографской, онѣ совсѣмъ не возникаютъ. Такъ дѣло продолжается до середины 90-хъ годовъ, когда усилившіяся стачки не только создаютъ «подпольныя» кассы сопротивленія, но и даютъ толчекъ къ образованію кассъ и обществъ взаимопомощи легальныхъ. Кассы и общества начинаютъ возникать уже не только

*) Жизнь 1902 г. № 3 «Бундъ».

въ типографской профессіи, но и у машиностроительныхъ рабочихъ, электротехниковъ и т. д.*)

Новыя общества стараются освободиться отъ хозяйскаго вмѣшательства и вліянія; то же стремленіе замѣчается и въ старыхъ «кассахъ» наборщиковъ. Кассы и общества какъ старыя, такъ и новыя развиваются теперь довольно быстро, такъ, напримѣръ, число членовъ петербургской кассы наборщиковъ въ концѣ 90-хъ годовъ увеличилось въ $2^1/_2$ раза; въ харьковской кассѣ за два года число членовъ увеличилось съ 30 до 600.

Это легально-профессіональное движеніе, будучи однимъ изъ выраженій роста самосознанія и самодѣятельности рабочаго класса, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должно было неминуемо повести къ боевымъ столкновеніямъ съ буржуазнымъ самодержавіемъ. Въ дѣло однако вмѣшивается одинъ изъ самыхъ хитроумныхъ представителей этого самодержавія оберъ-сыщикъ Зубатовъ и вмѣшивается совершенно неожиданнымъ образомъ: вмѣсто обычнаго полицейскаго «запрещать и не пущать» начинается покровительство легальному рабочему движенію, рабочихъ приглашаютъ организовываться, собираться для обсужденія своихъ нуждъ и пр.

Увѣренный, что рабочіе сами не могутъ выработать никакого міровоззрѣнія, Зубатовъ надѣялся влить въ рабочее движеніе полицейское содержаніе и «привлечь» его на сторону самодержавія.

У Зубатова нашлось много помощниковъ, среди которыхъ, на ряду съ жандармами, полицейскими и сыщиками, были, видимо, и люди изъ пролетарской среды, искренно думавшіе, что рабочій классъ можетъ улучшить свое положеніе въ союзѣ съ самодержавіемъ противъ буржуазіи. Послѣ крушенія зубатовщины въ «Освобожденіи» былъ напечатанъ любопытный отрывокъ изъ частнаго письма одного изъ такихъ зубатовскихъ мечтателей. «Мнѣ чудилось, — пишетъ онъ — что и я нашелъ свое дѣло; мнѣ мерещилось, что заря лучшаго будущаго близится, и вотъ-вотъ освѣтитъ

*) Объ этихъ легальныхъ рабочихъ кассахъ и обществахъ см. интересную статью К-цаго «Полицейскій соціализмъ и соціалдемократія» въ № 2 «Жизни» за 1902 г.

мрачный уголъ прикащичьей жизни, а вышло наоборотъ...»

Самъ Зубатовъ былъ тоже своего рода мечтатель, но мечты его были совсѣмъ иного рода, чѣмъ мечты наивнаго одесскаго прикащика, ожидавшаго зари лучшаго будущаго отъ содѣйствія русской полиціи. Зубатовъ мечтаетъ, какъ это видно изъ его тайнаго доклада отъ 8 апрѣля 1898 г., разъединить пролетаріатъ и лишить его революціонной силы. Талисманомъ для этого ему должна была служить «законность». Онъ предлагаетъ «введеніе принципа законности въ сферу заводскихъ отношеній». Разъ для рабочаго будетъ открытъ «законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія», тогда «за агитаторомъ пойдетъ лишь наиболѣе юная и энергичная часть толпы, а средній рабочій предпочтетъ всегда не столь блестящій, но болѣе покойный законный исходъ. Расколотая, такимъ образомъ, толпа потеряетъ ту свою силу, на которую такъ разсчитываетъ и надѣется агитаторъ». «Введеніе принципа законности въ сферу заводскихъ отношеній» должно, по мнѣнію Зубатова, помѣшать возникновенію стачекъ, которыя онъ считаетъ очень опасными и вредными, такъ какъ «онѣ являются первоначальной школой политическаго воспитанія рабочихъ».

Планъ Зубатова находитъ поддержку у нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ представителей самодержавія, въ особенности у московскаго генералъ-губернатора, великаго князя Сергѣя Ходынскаго, и зубатовской полиціи представляется широкій просторъ вмѣшиваться въ отношенія между хозяевами и рабочими. Стараясь во что бы то ни стало предупредить стачки, зубатовцы принуждены оказывать давленіе на хозяевъ, что, конечно, тѣмъ очень не нравится. Капиталисты обвиняютъ Зубатова какъ разъ въ нарушеніи той законности, которою онъ думалъ спасти самодержавіе. Характерно, что нарушеніе Зубатовымъ «законности» возмущаетъ даже Струве. Въ первомъ выпускѣ матерьяловъ по рабочему вопросу, редакторъ «Освобожденія» восклицаетъ: «Развращающій характеръ зубатовщины — помимо ея чисто политической стороны — заключается въ томъ, что охрана рабочихъ получаетъ тутъ совершенно внѣзаконный, сверхзаконный и беззаконный характеръ. Зубатовъ возводитъ адми-

нистративный произволъ и колебаніе права въ принципъ».

Чего другого, а такого «разврата», какъ «противозаконная охрана рабочихъ», или «колебаніе права» безграничной эксплуатаціи, самодержавная буржуазія допустить не могла. Противъ зубатовской политики со стороны капиталистовъ поднялись рѣшительные протесты, особенно, когда онъ въ лицѣ Гужона затронулъ иностранные капиталы. По требованію капиталистовъ на Зубатова ополчился самъ Витте со всѣмъ своимъ министерствомъ, предпочитавшій санкціонировать фактически завоеванное рабочими право стачекъ, чѣмъ предупреждать ихъ незаконнымъ давленіемъ на капиталистовъ. *) Что касается рабочихъ, то они, конечно, были довольны, что подъ вліяніемъ зубатовщины въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ легче было добиться небольшихъ уступокъ со стороны хозяевъ, но отъ этого ихъ боевое настроеніе отнюдь не ослабѣвало, и въ общемъ число ненавистныхъ Зубатову стачекъ не уменьшалось, а возрастало, причемъ рабочимъ все чаще и чаще приходилось сталкиваться съ правительствомъ, не только, какъ охранителемъ капиталистовъ, но и какъ непосредственнымъ хозяиномъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Мечты Зубатова были тѣмъ болѣе безсмысленны, что въ Россіи значительная часть промышленности находится въ рукахъ правительства. Въ періодъ 1899—1902 годъ на казенныхъ заводахъ и въ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ происходятъ очень много стачекъ и безпорядковъ, при которыхъ и зубатовское хитроуміе не могло отдѣлить самодержавіе отъ капитализма. Игра Зубатова въ сущности была проиграна съ самаго начала и, если онъ все же могъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ «колебать право», то это объясняется растерянностью буржуазнаго самодержавія передъ слишкомъ быстрымъ и бурнымъ натискомъ пролетаріата. Рабочіе разорвали зубатовскія сѣти и увлекали зубатовцевъ къ все болѣе и болѣе рискованнымъ стачкамъ, и въ концѣ концовъ Зубатову и его

*) Уже въ 1898 г. въ министерствѣ финансовъ была выработана записка о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки. Эта записка дополнена и переработана въ 1902 г.

агентамъ пришлось принять участіе въ подготовленіи тѣхъ самыхъ стачекъ, для уничтоженія которыхъ они начали свою игру. Зубатовщина по діалектическому методу превратилась въ свою противоположность. Одесская пропаганда Шаевича и К⁰ была зубатовскимъ «va banque». Въ одесской всеобщей стачкѣ послѣдняя ставка была проиграна, и зубатовщина съ трескомъ провалилась. Въ революціонной печати много писалось и пишется о развратѣ, внесенномъ Зубатовщиной въ рабочую среду. Намъ кажется, что зубатову не удалось, и не могло удасться развратить пролетаріатъ. Сознательные рабочіе никакому разврату не поддаются; что касается до несознательныхъ, то зубатовщина съ ея быстрымъ и рѣзкимъ проваломъ могла лишь ускорить пробужденіе ихъ сознанія. Правда, часть московскихъ рабочихъ 19 февраля 1902 г. устроили вѣрноподданическую демонстрацію передъ памятникомъ Александра II, но отрицательное значеніе этой демонстраціи совершенно ничтожно по сравненію съ огромнымъ положительнымъ значеніемъ антиправительственныхъ демонстрацій и всеобщихъ стачекъ, которыя колебали русскій самодержавно-буржуазный строй въ самый разгаръ зубатовской «игры». Рабочему движенію не опасны даже Бисмарки, а не только что Зубатовы. Мы не хотимъ, конечно, этимъ сказать, что революціонныя событія 1901—1903 гг. были слѣдствіемъ зубатовской игры, мы указываемъ лишь, что она не помѣшала имъ и не ослабила ихъ. Могучій размахъ рабочаго движенія послѣднихъ лѣтъ подготовленъ всѣмъ предыдущимъ періодомъ стачекъ и волненій, онъ ускоренъ и усиленъ промышленнымъ кризисомъ, наступившимъ въ концѣ прошлаго столѣтія.

Въ новомъ столѣтіи русское пролетарское движеніе проявилось прежде всего знаменательными петербургскими стачками и волненіями въ маѣ 1901 года. Стачкамъ предшествовалъ продолжительный періодъ глухого недовольства и сдержаннаго возбужденія, которыя въ концѣ концовъ прорвались наружу съ тѣмъ большею силою и рѣзкостью. Стачки вспыхнули сначала на Выборгской сторонѣ. 4-го мая забастовала ткацкая фабрика Чешера, рабочіе которой толпою двинулись по сосѣднимъ фабрикамъ, приглашая ихъ присоединиться къ стачкѣ. Примкнули Воронинская и

Самсоньевская мануфактуры, заводъ Лесснера и др. На Выборгскую сторону были немедленно двинуты полицейскіе и военные отряды. Стачечники рѣшили защищаться и въ двухъ переулкахъ устроили нѣчто въ родѣ баррикадъ. Полицейскіе и солдаты не безъ труда прорвались черезъ эти препятствія, изъ за которыхъ рабочіе осыпали ихъ градомъ камней. Одинъ изъ домовъ, населенный рабочими, непріятелю удалось взять лишь послѣ продолжительной осады, причемъ съ обѣихъ сторонъ были раненые. Въ концѣ концовъ полиція и войска, конечно, побѣдили и захватили массу плѣнныхъ. Къ 7 мая на Выборгской сторонѣ все уже успокоилось. Какое впечатлѣніе произвело на рабочихъ это сраженіе, окончившееся ихъ пораженіемъ, видно изъ письма одной работницы къ интеллигенту, напечатаннаго въ № 5 «Искры». Въ отрывочныхъ нервно-набросанныхъ словахъ этого письма такъ и чувствуется трепетъ молодого пролетарскаго сердца, почуявшаго горе и радость революціоннаго порыва: «Я, какъ услыхала, что на Выборгской битва, бросила работу, побѣжала туда, къ мосту пройти нельзя было: женщинъ сами рабочіе не пускали, я стала ждать В. на квартирѣ, а онъ больше не приходилъ. Я уже справлялась въ казармѣ о немъ, ничего не говорятъ, въ Охранкѣ тоже... или убили его или ранили до смерти... Другіе говорили, что видѣли, какъ онъ былъ впереди, это онъ крикнулъ: «Да здравствуетъ революція!» и какъ потомъ упалъ. Полиція не ушла пока всѣ не отступили, и кто не могъ встать, подбирали сами.

Вы не знаете, какъ мнѣ обидно, и это одинакаво всѣмъ намъ, всѣмъ очень хотѣлось пройтись на Невскій или въ городъ, уже очень горько умирать какъ собакамъ въ углѣ, чтобы никто не видалъ даже, это, вѣрно, такая доля у рабочихъ, чтобы умирать не на людяхъ: вѣрно, и красной смерти для нихъ жалко. А еще обидно то, что всю зиму къ намъ ходили и изъ-за насъ спорили, а какъ разъ теперь никого не оказалось: Вы уѣхали, А. нѣтъ, и никого нѣтъ вмѣсто него. В. все говорилъ, что имъ самимъ нужно рѣшать и что это страшно, а умирать не страшно; и мнѣ все думается, можетъ, если кто изъ васъ былъ, все было бы не такъ, вы бы по другому рѣшили, и В.

живъ бы былъ. И мнѣ все думается, когда В. и другіе умирали, вы пріятно проводили время, а къ А. жена пришла или еще что-нибудь. Я знаю, вы не виноваты, это просто кому не везетъ, только посудите сами, вѣдь обидно...

Вотъ что еще я хотѣла сказать вамъ, хоть и очень многихъ у насъ взяли, можетъ, ихъ нѣтъ больше совсѣмъ, а все-таки мы твердо стоять будемъ. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросаніи работы никто стоять не будетъ: теперь всѣмъ нужно больше, всѣмъ на улицу хочется. Б. (уцѣлѣвшій рабочій) говорилъ, что жаль, что знамени у нихъ не было. Другой разъ и знамя будетъ, и пистолетовъ достанутъ, на камняхъ да на ножахъ далеко не уѣдешь, какъ начнутъ штыками колоть.

Я думаю, что лучше ничего бы не было, и мнѣ это стыдно; вотъ я и помянула про молодушіе. Не сердитесь за мои жестокія слова, это мое горе говоритъ, а *я хорошо понимаю, что это все къ лучшему, и другимъ говорю, и многіе у насъ думаютъ, что это ужъ къ концу идетъ, только мнѣ не вѣрится: ужъ очень скоро...*»

Не успѣло окончиться это возстаніе, какъ 7-го мая поднялись рабочіе казеннаго Обуховскаго завода, къ которымъ присоединились рабочіе Александровскаго сталелитейнаго завода. Стачка на Обуховскомъ заводѣ вспыхнула вслѣдствіе отказа помощника начальника завода, подполковника Иванова, принять обратно 26 человѣкъ, разсчитанныхъ за то, что они не явились на работу 1 мая. Прекративъ работу, стачечники вышли со двора Обуховскаго завода на Шлюссельбургскій проспектъ, производя при этомъ по словамъ обвинительнаго акта, «безпорядокъ и шумъ». На проспектѣ ихъ встрѣтилъ полицмейстеръ Полибинъ во главѣ конныхъ жандармовъ, конныхъ и пѣшихъ городовыхъ. Первыя столкновенія начались, когда полиція стала пытаться схватить зачинщиковъ. Стачечники отстаивали своихъ товарищей, одобряя другъ друга возгласами: «Чтоже братцы, неужели мы не постоимъ за своихъ, возьмемся за дѣло, не робѣйте, наше возьметъ!» Къ 6 часамъ вечера къ обуховцамъ присоединилось еще нѣсколько тысячъ человѣкъ съ Александровскаго казеннаго завода. Толпа стачечниковъ

совершенно остановила уличное движеніе на Шлюссельбургскомъ проспектѣ, и не пропускала конныхъ патрулей. По приказанію Полибина жандармы и конная стража атаковали толку съ обнаженными шашками, но были обращены въ бѣгство градомъ камней и кирпичей. «Намъ нужна свобода!» — кричали рабочіе, отбиваясь отъ жандармовъ. Часть стачечниковъ засѣла во дворѣ карточной фабрики, и по словамъ обвинительнаго акта полицмейстеръ Полибинъ съ своими городовыми трижды тщетно пытался подойти къ воротамъ фабрики, чтобы выломать ихъ. Тогда по телефону вытребованы были еще эскадронъ жандармовъ, двѣ роты пѣхоты и отрядъ городовыхъ. Въ ожиданіи ихъ прибытія, Полибинъ по соглашенію съ подполковникомъ Ивановымъ выдвинулъ противъ стачечниковъ подготовленную на заводѣ морскую команду, вооруженную ружьями и велѣлъ открыть боевой огонь. Послѣ нѣсколькихъ залповъ проспектъ былъ очищенъ. По оффиціальнымъ даннымъ этими залпами убито было три рабочихъ и около десяти болѣе или менѣе тяжело ранено. Возможно, что въ дѣйствительности жертвъ было нѣсколько больше, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что большинство матросовъ стрѣляло въ воздухъ. Это подтверждаютъ и слова одного городового, стоявшаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стрѣлявшихъ матросовъ. «Надо Христа на шеѣ не имѣть, — говорилъ онъ впослѣдствіи одному изъ рабочихъ, — чтобы стрѣлять въ своего брата. Только скоты, какъ слѣдуетъ, стрѣляли.»

Увы, среди «братьевъ» одѣтыхъ особенно въ полицейскую форму, еще слишкомъ много «скотовъ».

Прибывшимъ на подкрѣпленіе солдатамъ и жандармамъ пришлось уже не очищать проспектъ, а брать приступомъ дома, въ которыхъ заперлись стачечники, не желавшіе отдаться безъ сопротивленія. Дома были взяты, и произведены многочисленные аресты. Многіе изъ арестованныхъ были высланы административнымъ порядкомъ, а 37 человѣкъ предано суду. Судъ окончился жестокимъ приговоромъ для большинства обвиняемыхъ. Главные обвиняемыя Гавриловъ и Ермаковъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ: первый на 6 лѣтъ, второй на 5 лѣтъ; 20 человѣкъ приговорены къ арестанскимъ ротамъ отъ 4—5 лѣтъ; 7 чело-

вѣкъ къ тюремному заключенію отъ $1^1/_2$ — 4 лѣтъ, и только 8 человѣкъ были оправданы. Судьи, видимо, старались попадать прямо въ рабочую грудь, а не въ воздухъ. Къ тюремному заключенію приговорены между прочимъ двѣ 18-тилѣтнихъ работницы, Бурчевская и Яковлева, обвинявшіяся въ томъ, что онѣ вынимали изъ мостовой камни и подавали ихъ рабочимъ, причемъ Яковлева по словамъ обвинительнаго акта, открыто заявляла: «Мы стоимъ за братьевъ». Замѣчательно, что на судѣ Яковлева не пыталась отрицать свою вину и оправдываться. По ея, словамъ, она должна была помочь своимъ братьямъ-рабочимъ, которыхъ безъ всякой съ ихъ стороны вины избивала полиція. Жестокое «усмиреніе» не убило духа протеста у обуховскихъ рабочихъ. 7-го іюля ровно черезъ два мѣсяца послѣ «сраженія» на шлюссельбургскомъ проспектѣ на Обуховскомъ заводѣ снова вспыхнула стачка, какъ протестъ противъ вступленія въ свои служебныя обязанности подполковника Иванова, сначала, было, удаленнаго съ завода. На этотъ разъ обошлось безъ кровопролитія, но аресты вырвали много сознательныхъ рабочихъ. Дорого обходится «обуховцамъ» ихъ упорство, но и заводскому «начальству» приходится отступать. Въ 1902 году, опасаясь «майскихъ дней», заводское начальство нашло необходимымъ издать новыя «правила», по которымъ во-первыхъ ночная работа должна прекращаться ровно въ 1 часъ, а не въ $1^1/_2$, какъ было до тѣхъ поръ; во-вторыхъ больнымъ рабочимъ обѣщано пособіе—семейнымъ $^3/_4$ жалованья, холостымъ половина въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ болѣзни.

Вѣроятно, «обуховцы» не такъ сильно-бы пострадали и добились гораздо большаго, если бы стачки 1901 г. вспыхивали на разныхъ заводахъ дружно, одновременно, а не одна за другой. Забастовокъ было довольно много, но онѣ носили характеръ «стачечной эпидеміи», а не «всеобщей стачки»: стачка на одной фабрикѣ «заражала» другую фабрику, но въ то же время, какъ на этой послѣдней начиналась забастовка, на первой она уже прекращалась. Въ общемъ въ 1901 годи стачки происходили почти на всѣхъ *казенныхъ* петербургскихъ заводахъ и на многихъ частныхъ

фабрикахъ. По оффиціальнымъ даннымъ*) въ Петербургской губ. въ 1901 году было 12 стачекъ съ 14.300 забастовщиками и 41.996 потерянными рабочими днями.

Во всей Россіи стачекъ за этотъ годъ было по оффиціальнымъ даннымъ 120. По числу стачекъ первое мѣсто занимала Виленская губернія (30 стачекъ), гдѣ, какъ мы уже говорили, особенно упорную борьбу вели кожевники; но по числу забастовщиковъ первой была Петербургская губернія, на которую приходилось почти 60% всѣхъ стачечниковъ. И по революціонному значенію своихъ стачекъ Петербургъ въ 1901 г. высоко подымался надъ остальной Россіей. Но въ 1902 и 1903 гг. онъ стоялъ въ какомъ-то молчаливомъ оцѣпенѣніи, въ то время какъ грозно шумѣлъ «тихій» Донъ, мрачно гудѣли «дремучіе» уральскіе и костромскіе лѣса, высоко подымались волны на старомъ Днѣпрѣ, и небывалая буря грянула надъ Каспійской и Черной пучиной...

Казалось суровый геній революціи откликнулся, наконецъ, на призывъ истомленныхъ борцовъ:

«Душно безъ счастья и воли.
Ночь безконечно длинна.
Буря-бы грянула что-ли?
Чаша съ краями полна.
Грянь надъ пучиною моря,
Въ полѣ, въ лѣсу засвищи,
Чашу вселенскаго горя
Всю расплещи.»

Первымъ въ 1902 году поднялся батумскій пролетаріатъ, проявивъ по-истинѣ трогательное братское единеніе, которые особенно ярко выдѣлилось на черномъ фонѣ самодержавно-буржуазной жестокости. Контрастъ между величіемъ рабочихъ и низостью наемниковъ Ротшильда и Романова чувствуется даже при чтеніи «обвинительнаго акта», соединяющаго полицейскую бойню съ бойней судейской. Приводимыя данныя о батумскихъ «безпорядкахъ» мы беремъ почти исключительно изъ этого «обвинительнаго акта», составленнаго прокуратурой совмѣстно съ жандармеріей

*) См. Приложеніе къ «Запискѣ Мин. Фин.» о пересмотрѣ статей закона, карающихъ забастовки и пр.

не противъ убійцъ, конечно, а противъ убитыхъ и раненыхъ.

26 февраля 1902 г. директоръ керосино-нефтяного завода Ротшильда Ваншейдтъ вывѣсилъ объявленіе объ увольненіи 382 рабочихъ съ 12 марта вслѣдствіе сокращенія спроса на керосинъ въ жестянкахъ. Прикащикъ международнаго ростовщика однимъ почеркомъ выбрасывалъ на улицу около четырехъ сотенъ труженниковъ, не желая рискнуть ни одной копѣйкой «хозяйской» прибыли, выжатой изъ рабочихъ непосильнымъ трудомъ. Для Ротшильдовъ рабочіе—лишь цифры, стоящія въ графѣ «издержекъ производства», цифры которыя приходится то увеличивать, то уменьшать для того, чтобы цифры, стоящія въ графѣ «чистой прибыли» безпрерывно возростали.

Но для труженника труженникъ всегда человѣкъ, и чѣмъ больше труженникамъ приходится вмѣстѣ страдать, тѣмъ яснѣе видятъ они другъ въ другѣ товарищей и братьевъ. Рабочіе ротшильдовскаго завода достаточно страдали вмѣстѣ, чтобы увидѣть въ уволенныхъ рабочихъ своихъ братьевъ и заступиться за нихъ. Они потребовали: «чтобы никто изъ рабочихъ не былъ увольняемъ, а если работы не хватаетъ, то чтобы заводъ установилъ очередную смѣну, при чемъ тѣ, которые были заняты работами, получали бы полную плату, а внѣ-очередные, остающіеся безъ работы, получали бы половину этой платы».

Другими словами рабочіе хотѣли по-братски подѣлить работу и нужду и этимъ спасти часть товарищей отъ голодной смерти. Они соглашались голодать поочередно, а отъ «завода» требовали только, чтобы онъ временно довольствовался нѣсколько меньшею прибылью. Но ротшильдовскій прикащикъ отвѣтилъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ. Рабочіе забастовали. Выждавъ нѣсколько дней и видя, что рабочіе упорствуютъ, администрація завода обратилась 3 марта за «содѣйствіемъ» къ властямъ. Власти, понимающіе, что значитъ Ротшильдъ, оказались особенно предупредительны. Сначала забастовщикамъ пригрозили высылкой на родину, а, когда эта угроза не подѣйствовала, арестовали въ ночь на 8 марта «по указаніямъ администраціи завода» «зачинщиковъ» въ числѣ 32-хъ. Но чувство единенія среди рабочихъ

было такъ велико, что 8-го утромъ сначала къ полицейскому управленію, а затѣмъ къ тюрьмѣ явилась толпа человѣкъ въ 400 и потребовала, чтобы или освободили арестованныхъ, или арестовали и ихъ всѣхъ. Помощникъ военнаго губернатора послѣ нѣкотораго колебанія арестовалъ всю толпу, препроводивъ ее вмѣстѣ съ арестованными ночью въ пересыльныя казармы. Чувство товарищеской солидарности охватило тогда уже не только рабочихъ ротшильдовскаго завода, но и значительную часть вообще батумскаго пролетаріата. 9-го марта утромъ къ «пересыльнымъ казармамъ» явилась толпа уже въ нѣсколько тысячъ человѣкъ «съ вожаками впереди, шествуя правильными рядами съ пѣснями, шумомъ и свистомъ». Эти нѣсколько тысячъ пролетаріевъ черезъ своимъ вожаковъ потребовали, чтобы и ихъ посадили въ тюрьму, разъ не хотятъ освободить всѣхъ арестованныхъ раньше. На этотъ разъ «власти» возмутились дерзкимъ требованіемъ и вызвали войска, приказавъ солдатамъ «тѣснить рабочихъ и, когда это не поможетъ, отстранять ихъ прикладами», говоря по-просту, бить ихъ прикладами. Рабочіе стали защищаться чѣмъ попало: камнями, досками и пр. Началась свалка. Въ это время изъ пересыльныхъ казармъ вырвались арестованные и присоединились къ товарищамъ. Тогда «прикладовъ» оказалось мало. Солдатамъ приказано было стрѣлять «одиночнымъ порядкомъ» сначала «выше», а потомъ «ниже». Одиночный порядокъ» былъ выбранъ, вѣроятно, чтобы предупредить неразрѣшенные выстрѣлы въ воздухъ. Когда толпа разсыпалась, на мѣстѣ бойни осталось 7 убитыхъ и нѣсколько десятковъ тяжело раненыхъ, изъ которыхъ 7 человѣкъ, по словамъ обвинительнаго акта, скоро скончались. Изъ раненыхъ, доставленныхъ въ больницы, власти, вѣроятно, тоже, по указанію ротшильдовской администраціи, отобрали нѣсколько человѣкъ и предали суду.

Знаменательны и характерны для пролетарской солидарности весеннія волненія въ Батумѣ, но все же они кажутся незначительными по сравненію съ грандіозной ноябрьской всеобщей стачкой въ Ростовѣ на Дону, распространившейся изъ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ на весь городъ и его окре-

стности*). Ростовъ уже не разъ переживалъ «рабочія волненія». Еще въ 1879 г. ростовскіе рабочіе устроили «бунтъ» и разнесли «полицію», которой пришлось бѣжать, и городъ до прибытія войскъ нѣсколько времени находился въ рукахъ «бунтовщиковъ». Но какая громадная разница между *бунтомъ* 1879 года и *стачкой* 1902 года! Можетъ быть, ничто такъ ярко не рисуетъ колоссальный ростъ сознанія русскаго пролетаріата за послѣднюю четверть вѣка, какъ сравненіе этихъ двухъ событій. Тогда дикій *разгромъ*, отчасти связанный съ пасхальнымъ *разгуломъ*; теперь величественно *серьезная всеобщая стачка* съ внушительными демонстраціями и многочисленными митингами, на которыхъ ораторы говорятъ о соціализмѣ, о политической борьбѣ, о соединеніи пролетаріевъ всѣхъ странъ...

Порывъ продолжался недолго; рѣчи ораторовъ были заглушены барабаннымъ боемъ и топотомъ казачьихъ лошадей, но ростовскіе рабочіе могутъ быть увѣрены, что ихъ «пораженіе» сдѣлало свое дѣло для приближенія великой побѣды человѣчества—братскаго объединенія пролетаріевъ всѣхъ странъ и національностей во имя торжества *свободнаго труда и безоружнаго мира*.

Не успѣли Россію и весь міръ облетѣть вѣсти о ноябрскихъ волненіяхъ на Дону, какъ обильно политою рабочею кровью пахнуло съ далекаго Урала. Вотъ какъ описываетъ кровавую драму въ Златоустѣ *одинъ изъ рабочихъ-очевидцевъ* **).

«Съ первыхъ чиселъ января 1903 г. на рабочихъ Златоуста Уфим. губ. безпрерывно набѣгала бѣда за бѣдою. Первой изъ этихъ бѣдъ былъ пожаръ, уничтоживший механическій и снарядный цеха. Расплачиваться за пожаръ пришлось, конечно, рабочимъ:—многимъ было объявлено объ увольненіи. — Второй напастью явились книжки, содержащія условія найма. Оказалось, что каждый параграфъ новыхъ правилъ налагаетъ на рабочихъ новыя цѣпи или крѣпче сковываетъ старыми. (§ 1. Наказаніе, налагаемое завѣдующими цехами, не можетъ быть обжаловано. § 2. Если

*) Подробно развитіе ростовской стачки изложено нами въ брошюрѣ «Всеобщія стачки».

**) См. «Революціонную Россію», № 22.

рабочій не является на работу въ теченіе мѣсяца 6 дней по неуважительной причинѣ или 2 недѣли по уважительной, то договоръ можетъ быть расторгнутъ. § 3. За нарушеніе тишины и порядка—тюрьма отъ 3-хъ недѣль до 1½ года и т. п.).

8 марта рабочіе большого прокатнаго цеха безъ малѣйшихъ безпорядковъ вызвали заводскаго полиціймейстера Уманцева и попросили его передать начальству завода (начальнику Зеленцову и управителю Сертулѣ) о томъ, что новыхъ книжекъ не примутъ и, если начальство будетъ настаивать на своемъ, то 10-го марта они бросятъ работу. Вскорѣ забастовали и остальные цехи. 11-го марта переговоры продолжались. Рабочіе отказались отъ временной отсрочки принятія новыхъ книжекъ. Для удобства переговоровъ начальство предложило рабочимъ выбрать 3-хъ делегатовъ потолковѣе. Рабочіе долго не соглашались, опасаясь за судьбу выборныхъ. Только, когда имъ дали слово, что выборнымъ не грозитъ никакая опасность, рабочіе выбрали трехъ депутатовъ. Вечеромъ рабочіе разошлись, не придя съ начальствомъ ни къ какому соглашенію. На другой день, 12-го марта, рабочіе узнали, что всѣ три депутата ночью арестованы. Не смотря на такой возмутительный фактъ, рабочіе тихо, мирно всей толпой двигались отъ начальства къ начальству, требуя освобожденія арестованныхъ. Но напрасно. Управитель говорилъ, что онъ не давалъ приказанія; начальникъ сказалъ, что даже не зналъ объ ихъ арестѣ. Тогда рабочіе пошли къ квартирѣ жандармскаго ротмистра Долгова, гдѣ были встрѣчены жандармскимъ унтеръ-офицеромъ. На вопросъ рабочихъ, гдѣ арестованные, унтеръ отвѣчалъ, что они увезены. Затѣмъ вышелъ ротмистръ и сказалъ: «они здѣсь, не безпокойтесь: какъ только дѣло разслѣдуютъ, ихъ выпустятъ». Рабочіе требовали немедленнаго освобожденія арестованныхъ и упрекали въ слѣланной подлости, но въ отвѣтъ на это услышали: «служба, ничего не подѣлаешь; сегодня я выпущу, а завтра меня уволятъ.» Послѣ отказа ротмистра жены арестованныхъ стали отдавать своихъ дѣтей ему, требуя, чтобы онъ содержалъ ихъ до освобожденія ихъ отцовъ. Многіе при видѣ этого — рыдали. Отсюда рабочіе отправились чинно къ

исправнику Ключникову, который скоро обманнымъ способомъ удралъ отъ нихъ на вокзалъ встрѣчать губернатора. Губернаторъ остановился у горнаго начальника. Въ 7 часовъ вечера рабочіе собрались туда и требовали къ себѣ Уфимскаго губернатора Богдановича. Онъ долго не выходилъ, но выйдя сразу закричалъ: «Бунтовщики! я съ вами и говорить не буду, всѣхъ сошлю въ Сибирь!» Требовалъ избранія депутатовъ, на что рабочіе заявили, что выборные ихъ посажены, а другихъ не будетъ; требовали освободить арестованныхъ, говоря, что «пословъ не куютъ и не вяжутъ». Такъ рабочіе въ тотъ день ничего кромѣ ругани и не добились.

Утромъ 13-го рабочіе стали собираться на площадь передъ домомъ горнаго начальника. Скоро вышелъ къ нимъ губернаторъ, горный начальникъ, управитель завода, прокуроръ и жандармскій полковникъ Шатовъ. Губернаторъ заявилъ, что вопросъ о новыхъ правилахъ посланъ для разсмотрѣнія министру, а теперь до полученія распоряженія министра рабочіе могутъ работать по старымъ правиламъ. Рабочіе удовлетворились, но требовали немедленнаго освобожденія арестованныхъ. Мирная толпа рабочихъ человѣкъ 700 — 1200, разговаривавшая съ начальствомъ, привлекла массу любопытныхъ. Среди толпы много было женщинъ, женъ рабочихъ, и подростковъ, начинающихъ работать. Требованіе рабочихъ — освободить арестованныхъ — было настойчиво. Въ толпѣ то и дѣло слышалось: «Не расходитесь, братцы, пока не выпустятъ, вы видите, сколько имъ можно вѣрить. Если мы не выручимъ товарищей теперь, намъ не видать ихъ больше. Вѣдь не сгнили еще кости жертвъ 98 г.!» Но при этомъ не было не только буйства, но даже сильнаго движенія. Въ магазинахъ по прежнему велась обычная торговля. Губернаторъ все настойчивѣе требовалъ, чтобы толпа расходилась, говоря, что до разслѣдованія дѣла ихъ товарищи освобождены быть не могутъ. Рабочіе отвѣчали, что не разойдутся. Тогда губернаторъ, схвативъ одного рабочаго, стоящаго впереди, за воротъ пиджака, закричалъ: «Иди-ка, поговоримъ, ты давно ужъ здѣсь ораторствуешь.» Рабочіе мигомъ накинулись и оттиснули товарища въ толпу. Губернаторъ объявилъ, что поѣдетъ въ тюрьму для

разслѣдованія дѣла, но рабочіе попросили его идти вмѣстѣ съ ними пѣшкомъ. «А то вы, говорятъ, вмѣсто тюрьмы на вокзалъ уѣдете.» Губернаторъ ушелъ въ домъ и вскорѣ выслалъ печатныя объявленія, къ которыхъ говорилось: 1) немедленно разойтись, иначе прибѣгнутъ къ военной силѣ и 2) немедленно приступить къ работамъ, въ противномъ случаѣ обѣщалъ закрыть заводъ. Послѣ этого войско выстроенное сбоку между колокольней и магазиномъ, заиграло наступленіе. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ на балконъ губернаторъ и махнулъ платкомъ. Раздался залпъ. Мы сначала не испугались, потому что не думали, чтобы безъ всякой причины стали убивать людей, но вдругъ видимъ, что народъ повалился, какъ подкошенный, и кровь залила всю площадь. Тутъ только мы побѣжали, а пули въ догонку такъ и свищутъ. Кто валится тутъ же, гдѣ застала пуля, кто бѣжитъ, окрававленный, кто пытается ползти. По всей площади поднялся стонъ, вой, плачъ дѣтей. Народъ бросился искать своихъ. Въ это время еще залпъ, еще и еще. Послѣ четырехъ залповъ раздавались лишь отдѣльные выстрѣлы изъ револьверовъ, — это стрѣляли «господа» въ инстинктивно искавшихъ спасенія въ дверяхъ барскаго дома... Больницы заполнились мертвыми и умиравшими. Кровь, точно ведрами вылитая, покрыла полъ больницы. Въ числѣ убитыхъ много женщинъ, дѣтей и лицъ совершенно непричастныхъ къ дѣлу.

Бойня была такъ неожиданна, что отовсюду только и слышится: «Господи! Да что же это такое? Какъ у нихъ поднялась рука?» Ужасная картина была у больницы: короба, наполненная тѣлами убитыхъ и раненыхъ... кровь льется рѣкой... слышатся стоны умирающихъ, просьбы дать хоть каплю воды... рыданія женщины, спрашивающей: «не видали ли мужа моего... въ сѣренькомъ пиджакѣ?» «Вотъ тамъ, въ коробѣ», отвѣчаютъ ей. И снова потрясающія душу рыданія.

Не смутились только свершившіе это кровавое дѣло столпы общества... Офицеръ, возвращаясь съ бойни, разсматривалъ внимательно, не сбивается ли съ рыси его иноходецъ; а заводская администрація позаботилась поливкой изъ пожарныхъ машинъ (которыя на этотъ разъ были въ полномъ порядкѣ) площади и усыпкой ее пескомъ и снѣгомъ. Забыли только из-

верги, что для смыванія крови съ совѣсти не изобрѣтено еще машинъ...»

«Когда кончились залпы,—пишетъ другой рабочій-златоустовецъ— то конные полицейскіе погнались за толпой и стали въ нее стрѣлять изъ револьверовъ. По окончаніи стрѣльбы, на площади и на сосѣднихъ улицахъ осталось убитыхъ и тяжело раненыхъ отъ 35 до 40 человѣкъ, многіе же убѣжали; такъ, напр., одинъ съ раною въ животѣ убѣжалъ версты за $1^1/_2$ домой и тамъ умеръ. Всего пострадавшихъ около 250 человѣкъ, изъ которыхъ около $^1/_3$ — женщины и дѣти. Во время этой бойни на улицахъ и площадяхъ шло обычное движеніе, а потому много пострадало людей случайно проходившихъ и проѣзжавшихъ мимо; нѣсколько пуль попало въ городское училище и тамъ перепугало учениковъ и учителей.

Близкіе бросились разыскивать между убитыми и ранеными своихъ. Туда же явились и полицейскіе въ сопровожденіи огромныхъ коробовъ, въ которые бросали мертвыхъ. Вотъ подымаютъ одного убитаго. Карманъ пиджака оттопырился, видно, чѣмъ то набитъ. Какъ вороны бросились полицейскіе къ этому трупу, надѣясь найти оружіе; но вмѣсто него изъ кармана вынимаютъ кусокъ черстваго ржаного хлѣба и двѣ печеныхъ картошки...

Послѣ обѣда было вывѣшено отъ горнаго начальника объявленіе, въ которомъ говорилось, что, если рабочіе съ 14-го не начнутъ работать, то онъ закроетъ заводъ впредь до распоряженія высшихъ властей.

14-го марта начали работать.

15-го похоронили 39 человѣкъ, причемъ 32-хъ принесли на мѣсто избіенія, гдѣ въ присутствіи огромнаго стеченія народа была отслужена панихида. 16-го тоже отпѣвали на площади еще 11 человѣкъ.

16-го была вывѣшена отъ министра государственныхъ имуществъ, за подписью главнаго начальника, телеграмма, въ которой рабочимъ приказывалось обязательно брать книжки новаго образца и съ 18-го работать въ своей смѣнѣ, — причемъ предупреждалось, что если рабочіе не выполнятъ этихъ условій, то закроютъ заводъ, и онъ простоитъ до тѣхъ поръ пока не наберутся новые рабочіе.

Умершихъ къ 15-числу было 68 человѣкъ...»

Не даромъ пролилась эта кровь. По всему міру разнеслась о ней вѣсть, сильнѣе, горячѣе забились сердца пролетаріевъ, еще яснѣе стала простая, но великая истина:

«Не пріидетъ конецъ страданію,
«Коли нѣтъ конца терпѣнію.

Замѣчательно, что особенно дѣятельное сочувствіе къ златоустовскимъ стачечникамъ проявилъ еврейскій пролетаріатъ. При извѣстіи о златоустовскомъ кровопролитіи сознательные гомельскіе рабочіе во главѣ съ гомельскимъ комитетомъ «Бунда» рѣшили устроить однодневную *всеобщую забастовку*, какъ протестъ противъ убійцъ, какъ выраженіе сочувствія къ убитымъ и пострадавшимъ.

24 марта большинство рабочихъ въ Гомелѣ, дѣйствительно бастовало.

«Мы не работаемъ», — отвѣчали евреи-рабочіе на озлобленные вопросы полицейскихъ, «потому что у насъ сегодня политическая забастовка».

Во славу православнаго царя, повинуясь приказу его вѣрныхъ слугъ, «христолюбивое воинство» разстрѣливаетъ рабочихъ оружейнаго завода, гдѣ, быть можетъ изготовлены тѣ самыя ружья, отъ которыхъ падаютъ безжизненными трупами, трудившіеся надъ ними пролетаріи. И противъ этой ужасной иронiи современнаго строя открытой всеобщей стачкой протестуютъ еврейскіе пролетаріи.

Въ Златоустѣ рабочіе боролись съ капиталомъ казеннымъ, въ Костромѣ два мѣсяца спустя имъ пришлось бороться съ капиталомъ иностраннымъ. Иностранный капиталъ такой же пайщикъ акціонерной, компаніи, именуемой «самодержавіемъ», какъ и капиталъ казенный. Мы видѣли, какъ предупредительно откликнулись русскія власти на призывъ администраціи завода Ротшильда, не менѣе предупредительно стали оказывать они содѣйствіе и администраціи Бельгійской Костромской мануфактуры, когда ея рабочіе забастовали, не соглашаясь на уменьшеніе заработной платѣ до голодной нормы. Сначала дѣло ограничивалось тѣмъ, что «губернаторъ отечески увѣщивалъ, фабричный инспекторъ отстаивалъ права фабрикан-

товъ, а полицмейстеръ грозилъ тюремнымъ замкомъ»*.) Затѣмъ, когда стачка захватила всѣхъ рабочихъ бельгійской фабрики и работа окончательно остановилась увѣщанія смѣнились многочисленными арестами. Рабочіе отвѣтили уличной демонстраціей 8-го мая.

«Толпа прошла безпрепятственно по главнымъ улицамъ Костромы, направилась къ тюремному замку, гдѣ сидѣли уже захваченные раньше товарищи, и послѣ нѣсколькихъ свалокъ съ жандармами, полиціей и войсками, при чемъ красный флагъ то исчезалъ, то появлялся вновь, манифестанты вернулись обратно въ свою часть города...»

Послѣ демонстраціи стачка дней 10 продолжалась мирно, но затѣмъ вдругъ прорвалась стихійнымъ погромомъ. Стачечники вломились во дворъ фабрики, оттѣснили полицію и солдатъ, и «черезъ минуту всѣ квартиры служащихъ бельгійцевъ были разбиты въ пухъ и прахъ». Затѣмъ толпа ворвалась въ заводскую контору, разнесла ее, разорвала конторскія книги и т. д.».

«Теперь — писалъ лѣтомъ прошлаго года корреспондентъ «Освобожденія» — «всѣ улицы Костромы спокойны: даже военные патрули не ходятъ. «Все обстоитъ благополучно». Опять городъ ушелъ въ свою безжизненную губернскую неподвижность и тишину. Только фабрика бельгійской компаніи стоитъ на краю города живымъ укоромъ. Здѣсь чинятъ поломанные заборы и вставляютъ окна. Во дворѣ, какъ коршуны на полѣ брани, расхаживаютъ полицейскіе. А дома управляющаго и инженеровъ стоятъ все еще заколоченными, какъ послѣ пожара. По солдатской улицѣ да по ближнимъ проулкамъ бродятъ также небольшими группами стачечники. Изможденные, испитые, они хмуро выглядываютъ изподлобья, и въ глазахъ ихъ чуется смутная, но уже *разумная, сознательная ненависть и тревога*».

Увы, къ сознательной любви и разумному покою пролетаріату приходится итти черезъ ненависть и тревогу. Но съ каждымъ шагомъ впередъ, съ каждой новой стачкой, съ каждымъ новымъ возстаніемъ «не-

*) См. корресподенцію изъ Костромы Т. Здѣшняго въ № 4 (28) «Освобожденія».

нависть и трезога» становится разумнѣе. Ненависть къ отдѣльнымъ лицамъ смѣняется ненавистью ко всему буржуазному строю; тревога за свой завтрашній день, тревога за свой кусокъ хлѣба расширяется въ тревогу за участь всего трудящагося человѣчества, въ которое впился своими ядовитыми когтями коршунъ буржуазной прибыли. Одновременно съ костромскими рабочими, боровшимися съ бельгійскимъ капиталомъ въ Вышнемъ Волочкѣ въ теченіе 2-хъ недѣль бастовало нѣсколько тысячъ рабочихъ русскихъ мануфактуръ Прохорова. И здѣсь, конечно, было «содѣйствіе» властей съ присылкою войскъ и пр. Рабочіе держались дружно, рѣшивъ не сдаваться «до послѣдней крайности». Они не считали этой «крайностью» даже голодъ, отъ котораго нѣкоторые изъ нихъ заболѣли цынгой. Прохоровъ сталъ «торговаться» съ рабочими, уступая по мелочамъ и стараясь обмануть, но въ концѣ концовъ рабочимъ все же удалось добиться удовлетворенія главнѣйшихъ требованій.

Вообще въ маѣ и іюнѣ стачки происходили во всѣхъ концахъ Россіи, учащаясь и усиливаясь на югѣ, пока, наконецъ, въ началѣ іюля не вспыхнули *южныя всеобщія стачки*, которыми сдѣланъ гигантскій шагъ впередъ къ освобожденію пролетаріата отъ гнета капитала.

Прометей, прикованный къ кавказской горѣ, могуче рванулся изъ цѣпей. Испуганно отлетѣлъ кровожадный коршунъ, рвавшій его печень, но цѣпи не разорвались, онѣ заскрипѣли, натянулись и болѣзненно впились въ напряженные мускулы... И снова налетѣлъ хищный коршунъ и снова жадно терзаетъ окровавленную грудь... Но Прометей-пролетарій въ страданіяхъ черпаетъ новыя силы, и близокъ моментъ, когда цѣпи не выдержатъ его могучихъ усилій... И свободный свободною рукою высоко подыметъ онъ яркій факелъ любви и истины...

Іюльскія промышленныя стачки, захватившія промышленные центры Закавказья (Баку, Батумъ, Тифлисъ, Поти и т. д.), Одессу, Николаевъ, Кіевъ, Екатеринославъ и т. д. стояли между собою въ тѣсной связи. Повсюду было достаточно горючаго матерьяла, достаточно недовольства, накопившагося во время продолжительнаго промышленнаго кризиса, который

въ 1903 г. смѣняется промышленнымъ оживленіемъ *); небольшія стачки вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ сначала самопроизвольно и, взаимно, усиливая другъ друга, разгорѣлись въ стачки всеобщія. Таково было взаимодѣйствіе между стачками бакинской, тифлиской и одесской. Пламя этихъ всеобщихъ стачекъ было такъ сильно, что раскалило атмосферу въ Кіевѣ и Екатеринославѣ, гдѣ массовое стачечное движеніе врядъ ли началось бы въ то время независимо отъ Баку и Одессы. Къ сожалѣнію, въ Кіевѣ и особенно въ Екатеринославѣ всеобщія стачки вспыхнули все же слишкомъ поздно, когда массовое движеніе на Кавказѣ и въ Одессѣ уже стихло.

Характеръ настоящей всеобщей стачки движеніе приняло прежде всего въ Баку, гдѣ вообще пролетаріатъ проявилъ на этотъ разъ особенно много революціонной энергіи и солидарности. И это, несмотря на то, что пролетаріатъ въ Баку представляетъ въ національномъ отношеніи поразительно смѣшанную массу. По отчету о состояніи нефтяной промышленности за 1901 г. среди служащихъ и рабочихъ на нефтяныхъ промыслахъ были представители 24 національностей. Среди русскихъ можно встрѣтить рабочихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Изъ другихъ національностей здѣсь работаютъ армяне, персы, татары, грузины, лезгины, нѣмцы, шведы, евреи, поляки и т. д. Всѣхъ ихъ стянула сюда международная капиталистическая эксплуатація, чтобы превращать фонтаны вонючей нефти въ фонтаны золота, которое льется въ сундуки Ротшильдовъ, Нобелей и другихъ капиталистовъ. Условія труда ужасны. Уже сама мѣстность кажется проклятой богомъ и должна бы отпугивать живыхъ существъ.

«Когда вы въ первый разъ подъѣзжаете на желѣзной дорогѣ къ Балаханамъ (предмѣстью Баку), васъ поражаетъ никогда невиданное зрѣлище. Вы ѣдете по совершенно мертвой песчанной пустынѣ. Только ранней весной она покрыта тощею, блѣдной зеленью травъ или посѣяннаго мѣстными крестьянами-татарами ячменя. Но уже съ половины мая все голо, все выжжено. Ни деревца, ни кустика... Эта мертвая

*) Моментъ перехода отъ «кризиса» къ «расцвѣту» является однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ для массового стачечнаго движенія.

пустыня разнообразится только столь же мертвыми озерами, въ которыхъ содержаніе соли доходитъ до 25.58%. Но вотъ передъ вами вырисовывается котловина съ цѣлымъ лѣсомъ вышекъ—четырехъ-гранныхъ деревянныхъ пирамидъ, вродѣ нашихъ россійскихъ вѣтрянокъ, только безъ крыльевъ, и болѣе высокихъ и стройныхъ. Ночью при лунномъ свѣтѣ эти вышки, черныя и стройныя, кажутся вамъ цѣлымъ лѣсомъ пирамидальныхъ тополей; но днемъ зрѣлище далеко не столь поэтическое. Вы ѣдете по хорошо шоссированной дорогѣ, которая аршинъ на $1^1/_2$—2 ниже остальной поверхности, поднятой большими отложеніями песку, выброшеннаго нефтянными фонтанами. Вся почва пропитана нефтью, воздухъ въ тихую погоду насыщенъ нефтянными газами и копотью тысячи трубъ; солнце закрыто густыми облаками дыма, который неподвижно стоитъ надъ котловиной, стѣсненной окружающими высотами. Дышется съ трудомъ, нефтяные газы раздражаютъ носъ, горло, легкія. У рабочихъ неизбѣжно развивается черезъ нѣкоторое время эмфизема и другія легочныя болѣзни. Только нордъ выноситъ изъ котловины испаренія и копоть и даетъ невольнымъ жителямъ этого, богомъ проклятаго мѣста, вздохнуть свободно, полной грудью *).»

Къ этимъ тяжелымъ природнымъ условіямъ для рабочихъ присоединяются ужасныя условія жилищныя и санитарныя. Помѣщенія тѣсны и грязны. Бань на промыслахъ почти нѣтъ, вода, съ санитарной точки зрѣнія «абсолютно негодна», но тѣмъ не менѣе ее принуждены пить рабочіе. Такъ приходится жить бакинскому международному пролетаріату, создающему, быть можетъ, самую высокую прибавочную цѣнность въ мірѣ. Но зато (ахъ, это страшное капиталистическое «зато!») владѣльцы «фонтановъ» могутъ жить въ роскошныхъ виллахъ подъ благодатнымъ небомъ Италіи и южной Франціи и вмѣсто абсолютно годной къ питью воды, пить «золотистый сокъ виноградной лозы». Доходы нефтянопромышленниковъ росли необычайно

*) См. «Всеобщая забастовка въ Баку» въ № 32 «Революціонной Россіи». Эта статья, кстати сказать, даетъ болѣе полную картину бакинской стачки, чѣмъ какая-нибудь другая. Хорошо въ ней выяснены и причины стачки.

быстро, милліоны удваивались и утраивались; цѣны на земли достигли колоссальныхъ размѣровъ; началась безудержная спекуляція... И наконецъ ударилъ кризисъ: мелкіе спекулянты раззорились, но такія крупныя фирмы, какъ Нобель и Ротшильдъ, лишь сократили нѣсколько производство, выкинувъ нѣсколько тысячъ рабочихъ на улицу и уменьшивъ остальнымъ заработную плату. Это было въ 1901 г., и съ этого времени въ рабочей средѣ подымается волна недовольства. Она достигаетъ своей наибольшей высоты къ 1903 г., когда кризисъ начинаетъ смѣняться промышленнымъ оживленіемъ.

Баку не только центръ нефтяной промышленности, въ немъ большую роль играютъ рыбные промыслы и портовыя работы. Кромѣ того имѣется довольно много табачныхъ фабрикъ.

Кризисъ коснулся не только нефтяныхъ рабочихъ, но и всего трудящагося пролетаріата Баку, и вызвалъ въ немъ соотвѣтствующее настроеніе.

Съ весны 1903 г. начинается рядъ мелкихъ стачекъ (кучеровъ и кондукторовъ городской конки, рабочихъ табачной фабрики Мирзабиканца). Стачки были большею частью удачны, и это, конечно, повысило настроеніе всего бакинскаго пролетаріата. Устроенная сознательными рабочими 27 апрѣля уличная демонстрація внесла въ приподнятое настроеніе пролетаріата революціонную ноту. А тутъ стали приходить вѣсти о разгоравшемся стачечномъ движеніи въ Тифлисѣ, и у многихъ бакинскихъ рабочихъ явилась потребность поддержать тифлискихъ товарищей. Однимъ словомъ, атмосфера была крайне насыщена, когда въ мастерскихъ Хатисова вспыхнула стачка вслѣдствіе попытки хозяина уклониться отъ даннаго обѣщанія повысить заработную плату. Хатисовъ, какъ предупредительный человѣкъ, подготовился къ стачкѣ, вступивъ въ соглашеніе съ другими заводчиками относительно выполненія сдѣланныхъ ему заказовъ. Узнавъ объ этомъ рабочіе вошедшихъ въ «соглашеніе» хозяевъ тоже забастовали изъ чувства солидарности къ хатисовскимъ стачечникамъ. Такимъ образомъ соглашеніе хозяевъ, какъ это часто бываетъ, способствовало обобщенію стачки. Это было 2-го іюля. Движеніе начинаетъ теперь распространяться съ быстротою

пламени. 4-го и 5-го іюля группы стачечниковъ ходятъ отъ завода къ заводу и всюду останавливаютъ работы. Вскорѣ бастовало уже болѣе 40.000 человѣкъ.

«Съ 5-го числа — говоритъ авторъ уже цитированной статьи въ «Рев. Россіи» — рабочіе стали полными распорядителями надъ экономической и промышленной дѣятельностью бакинскаго района. Стала всякая работа, которую они хотѣло остановить, продолжалась только та, которую они позволяли продолжать. 5-го числа остановилась конка, бросили работу типографскіе рабочіе, пересталъ дѣйствовать телефонъ между Баку и Балаханами (въ городѣ онъ продолжалъ дѣйствовать), остановились станціи электрической силы. Два дня не дѣйствовало электрическое освѣщеніе. Съ 5 по 10 не ходила конка, не было товарнаго движенія. Пріостановлено было водоснабженіе въ Балаханахъ. Въ городѣ опрѣснитель дѣйствовалъ непрерывно, хотя и тамъ были непродолжительныя замѣшательства, быстро улаженныя администраціей. По отношенію къ нѣкоторымъ необходимымъ работамъ происходили такія сцены. Въ Балаханахъ пріостановили водопроводъ. Скоро отъ недостатка воды стали страдать сами рабочіе и ихъ семьи; тогда рѣшили пустить воду, но морскую воду не пускали. На сходкѣ 7-го іюля къ нимъ обратились съ просьбой пустить морскую воду въ больницу; они позволили, но только въ томъ количествѣ, какое надо для больницы, и даже поставили караулъ, чтобы какая нибудь толпа не остановила. У нѣкоторыхъ крупныхъ фирмъ въ Балаханахъ имѣются свои опрѣснители и свое электрическое освѣщеніе. Иногда рабочіе разрѣшали имъ работать, хотя другія работы на этихъ промыслахъ были пріостановлены. Желѣзнодорожные рабочіе разрѣшили пускать поѣзда, привозящіе въ котлахъ воду изъ Куры.

На станціи электрической силы въ Балловьинѣ администрація рѣшила производить электрическую энергію въ томъ количествѣ, какое необходимо для Биби-Эйбата. Рабочіе запретили: «Это чтожъ? Чтобы освѣтить клубъ, гдѣ инженеры въ карты играютъ да разсуждаютъ о томъ, какъ бы противъ насъ солдатъ вызвать? Нѣтъ, нельзя». И уходя добавили: «мы черезъ часъ придемъ, и если не остановите работы, то мы принуждены будемъ стрѣлять въ васъ изъ леволь-

веровъ» (работали одни высшіе служащіе, администраціи завода).

Въ то время, какъ разноплеменная толпа пролетаріата стихійно организовалась, власти растерялись тѣмъ болѣе, что движеніе начало захватывать даже полицейскихъ. «Городовые — пишетъ одинъ корреспондентъ «Искры» — сочувствуютъ забастовкѣ, и въ разговорахъ заявляютъ готовность присоединиться къ ней».

«Администрація или прячется — пишетъ другой корреспондентъ «Искры»,— или говоритъ раболѣпнымъ языкомъ. Казаки играютъ заискивающую роль, только слышно отъ нихъ: «Ради Бога, не подводите насъ».

Начались многочисленныя сходки подъ открытымъ небомъ, но по общему признанію ихъ нельзя назвать удачными, въ чемъ виноваты интеллигентные революціонеры, которыхъ массовое движеніе застало въ расплохъ, которые растерялись не менѣе властей. О самомъ крупномъ собраніи, происходившемъ въ Балаханахъ 7-го іюля, на которомъ присутствовало около 15.000 человѣкъ, искристскій комитетъ, — по словамъ корреспондента «Искры» — узнаетъ слишкомъ поздно и не можетъ послать ни одного оратора. «Не можетъ сдѣлать этого и бакинскій стачечный комитетъ, къ которому въ значительной степени переходитъ руководство (!) движенія. Собраніе продолжается часовъ 6, но производитъ очень грустное впечатлѣніе: никого, кто выразилъ бы общее настроеніе, формулировалъ требованія и пр.».

«Толпа стояла — сообщаетъ о томъ же собраніи корреспондентъ «Послѣднихъ Извѣстій» — и жаждала услышать смѣлое, вольное слово, но въ теченіе почти 3 часовъ не нашлось ни одного оратора». На другихъ менѣе многочисленныхъ сходкахъ выступали, правда, ораторы отъ комитета, но выступали загримированные, и при томъ такъ неловко. что это замѣтилъ не только полицмейстеръ, но и очень многіе рабочіе, на которыхъ этотъ маскарадъ произвелъ крайне невыгодное впечатлѣніе.

До какой степени было чуждо искристамъ массовое рабочее движеніе, видно изъ того, что по словамъ корреспондента «Искры» «незадолго до стачки комитетъ обсуждалъ вопросъ объ общей забастовкѣ, пред-

видя ея возможность, но рѣшилъ не вызывать ея въ виду своей неподготовленности. Но событія опередили комитетъ. Повторилась старая исторія: организація позади движенія».

По другимъ неопровергнутымъ извѣстіямъ, почти наканунѣ всеобщей стачки комитетъ рѣшаетъ не поднимать о ней вопроса *«въ виду ея невозможности»*.

Несомнѣнно, что члены комитета уже успѣли тогда проникнуться идеями своего руководящаго органа «Искры» и, вѣрные партійной дисциплинѣ, повѣрили, что всеобщія стачки даромъ растрачиваютъ революціонныя силы, и для соціалдемократовъ, умѣющихъ мыслить діалектически, являются средствомъ слишкомъ элементарнымъ; они повѣрили, что всеобщая стачка въ современной Россіи не можетъ превратиться въ революцію, но зато дворцовый переворотъ вродѣ сербскаго неизбѣжно превратился бы въ революцію.*)

Конечно, растерянность искристовъ не помѣшала рабочимъ очень опредѣленно формулировать свои экономическія требованія. Они требовали не только повышенія заработной платы и уменьшенія рабочаго дня, но и цѣлаго ряда санитарныхъ реформъ: устройства поселковъ внѣ черты промысловъ, хорошей питьевой воды, бань и т. д. Многія изъ этихъ требованій выполнены, такъ, напримѣръ, вопросъ объ устройствѣ рабочихъ поселковъ прошелъ, наконецъ, на съѣздѣ нефтепромышленниковъ, состоявшемся вскорѣ послѣ всеобщей забастовки. Администрація самой крупной фирмы братьевъ Нобель была вынуждена объявить о цѣломъ рядѣ уступокъ. «Въ настоящее время — говорится въ объявленіи администраціи — несмотря на то, что для предъявленія своихъ нуждъ, рабочіе избрали путь несогласный съ закономъ, и не оправдываемый отношеніемъ къ нимъ администраціи Товарищества, ходатайства ихъ разсмотрѣны и о результатахъ ихъ разсмотрѣнія симъ объявляется рабочимъ». Далѣе слѣдуетъ 9 пунктовъ, гдѣ перечисляются раз-

*) Въ передовой статьѣ № 43 «Искра» говоритъ между прочимъ, что бюрократическая «клика не способна теперь поднять руку на неугоднаго ей представителя», потому что она хорошо сознаетъ или инстинктивно чувствуетъ, что такой переворотъ въ современныхъ условіяхъ Россіи неизбѣжно превратился бы — въ революцію.

личныя уступки: прекращеніе работъ передъ праздниками часомъ раньше, выдача жалованья во время производства работъ, устройство помѣщеній и приспособленій для храненія платья, для мытья рукъ, кубовъ для горячей воды, столовъ и скамей для обѣда и т. д., установленіе постояннаго комплекта чернорабочихъ, зачисленіе учениковъ въ разрядъ рабочихъ и проч.

Мы, конечно, не будемъ отрицать значенія для рабочаго класса этихъ непосредственныхъ завоеваній, но не они все же дѣлаютъ бакинскую всеобщую стачку историческимъ событіемъ. Ея историческій смыслъ заключается въ томъ, что рабочій народъ самыхъ различныхъ національностей и вѣроисповѣданій почувствовалъ себя единымъ, цѣлымъ и понялъ, какая громадная сила заключается въ этомъ единеніи.

Послѣ долгихъ лѣтъ единства въ униженіи эти разноплеменные пролетаріи пережили, наконецъ, хоть нѣсколько краткихъ мгновеній единства въ торжествѣ. Эта всеобщая стачка была не взрывомъ отчаянья, а взрывомъ накопившейся силы, и взрывъ былъ праздничный, торжественный, полный ликующаго предчувствія соціальной революціи. Авторъ уже указанной статьи въ «Рев. Россіи» прекрасно выразилъ сущность этой торжественной стачки, говоря, что «сила ея распространенія, ея непреоборимаго господства надъ умами и чувствами рабочей массы, ея непреодолимая завлекательность» заключалось не только «въ сознаніи общаго гнета, въ чувствѣ протеста и возмущенія противъ него», но еще болѣе, «въ смутномъ несознаваемомъ стремленіи къ силѣ и господству своего класса».

Но часъ окончательной побѣды еще не пробилъ; «чаша вселенскаго горя» еще не полна! Пролетаріатъ былъ еще не готовъ къ творческой соціальной работѣ, а безъ соціальнаго творчества нѣтъ соціальной революціи, — онъ не выдвинулъ изъ своей среды достаточно сознательныхъ борцовъ, которые въ моментъ дезорганизаціи буржуазнаго строя, производимой всеобщей стачкой, могли бы сдѣлать первые шаги для организаціи строя пролетарскаго. Порывъ, поднявшій бакинскій пролетаріатъ, широко кругомъ всколыхнулъ рабочее море, но онъ не могъ развиться въ революцію и неминуемо долженъ былъ стихнуть. Черезъ двѣ не-

дѣли послѣ начала всеобщая стачка быстро пошла на убыль, и вмѣстѣ съ паденіемъ рабочей энергіи, подымалась «рѣшительность» буржуазнаго самодержавія и самодержавной буржуазіи, вновь занимавшихъ потерянныя было позиціи. Переходъ отъ момента торжества къ прежнему униженію вызвалъ у части пролетаріата чувство протестующаго отчаянья, и оно проявилось поджогами нефтяныхъ «вышекъ» и заводовъ. Эти «безчинства» очень возмутили искровскій комитетъ, который въ своихъ прокламаціяхъ поучалъ рабочихъ, что «стачка сама по себѣ есть мирное средство борьбы». Поджоги и разрушеніе машинъ «комитетъ» приписывалъ не только «темнымъ товарищамъ», но и «рабочимъ, подкупленнымъ полиціей». Намъ кажется, что не только у «темныхъ», «подкупленныхъ полиціей», но и у свѣтлыхъ и неподкупленныхъ рабочихъ могло въ душѣ пробудиться желаніе поджечь всѣ эти смрадные «фонтаны», когда послѣ минутнаго проблеска свободы, снова надвинулись тучи гнета и униженія...

Да тучи снова нависли, но послѣ іюльскихъ дней у большинства бакинскаго пролетаріата стало на душѣ свѣтлѣе, хотя гнетъ и униженіе онъ чувствуетъ теперь сильнѣе ; моментъ новаго возстанія, видимо, близокъ.

Іюльскіе дни въ Тифлисѣ подготовлены стачечнымъ движеніемъ, безпрерывно нараставшемъ съ 1899 г., какъ это показываетъ, между прочимъ, докладная записка тифлискаго губернатора главноначальствующему края, заключеніе которой опубликовано въ № 41 «Освобожденія». Первая забастовка въ Тифлисѣ по словамъ «записки» — произошла въ августѣ 1899 г. на кожевенномъ заводѣ Адельханова. Забастовка кончилась побѣдой рабочихъ. «Она имѣла — говоритъ губернаторъ — для всѣхъ рабочихъ города Тифлиса огромное значеніе, открывъ имъ одинъ изъ способовъ борьбы съ предпринимателями.» Въ іюлѣ и августѣ 1900 г. возникаютъ почти одновременно 7 стачекъ, въ томъ числѣ въ главныхъ мастерскихъ закаспійской желѣзной дороги. «И вездѣ рабочіе довольно опредѣленно заявили свои требованія, причемъ эти требованія вездѣ были удовлетворены». «Эти забастовки впервые въ Тифлисѣ и, насколько извѣстно, на Кав-

казѣ сопровождались выпускомъ печатныхъ прокламацій «Къ товарищамъ», съ разъясненіемъ значенія и роли стачекъ вообще и приглашеніемъ рабочихъ быть твердыми и упорными въ борьбѣ съ предпринимателями. Никакихъ явныхъ признаковъ въ этой прокламаціи на принадлежность составителей ея къ какой нибудь противоправительственной партіи не было и никакихъ противоправительственныхъ задачъ этими прокламаціями не навязывалось. Успѣхъ стачки 1900 г. не замедлилъ сказаться въ 1901 г., ознаменовавшемся цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе организованныхъ стачекъ; въ январѣ вспыхнула стачка среди служащихъ трамвая Анонимнаго Общества съ требованіемъ сокращенія, главнымъ образомъ, числа рабочихъ часовъ; въ февралѣ стачка на табачной фабрикѣ Бутулова, съ требованіемъ увеличенія платы, и среди банщиковъ, — съ требованіемъ уничтоженія штрафовъ и принятія обратно уволенныхъ Яраловымъ нѣсколькихъ рабочихъ; въ маѣ на заводѣ Рукса, Коттини и снова Яралова съ требованіемъ сокращенія рабочихъ часовъ ($11^1/_2$) на одинъ часъ; въ іюнѣ на заводѣ Рукса, Кауфа, Придонова, съ требованіемъ прибавки жалованья ученикамъ и сокращенія рабочаго времени; въ декабрѣ на кожевенныхъ заводахъ Сумбатова, Халатова, Попова и Оганова, съ требованіемъ улучшенія обстановки работъ, устройства столовыхъ, раздѣваленъ и сокращенія рабочаго дня ($11^1/_2$) на одинъ часъ. Всѣ требованія стачечниковъ о сокращеніи рабочихъ часовъ и улучшеніи обстановки заводскихъ помѣщеній были удовлетворены, какъ были удовлетворены, въ большинствѣ случаевъ, и требованія ихъ объ увеличеніи заработной платы. Всѣ почти стачки 1901 г. сопровождались выпускомъ прокламацій, уже отъ имени различныхъ противоправительственныхъ сообществъ и съ навязываніемъ рабочимъ политическихъ ролей. Этотъ же годъ ознаменовался въ первый разъ, не только для г. Тифлиса, но и для всего Кавказа и Закавказья, первой противоправительственно-революціонной демонстраціей рабочихъ, правда, очень небольшой по количеству участвовавшихъ въ ней лицъ, но все же демонстраціей безусловно политической, сопровождаемой не только выбрасываніемъ красныхъ флаговъ, но и криками участвовавшихъ манифестан-

товъ: «Долой самодержавіе!», «Да здравствуетъ политическая свобода!»

Съ этого времени, по удостовѣренію губернатора, стачки начинаютъ превращаться въ революціонные безпорядки. Подъ вліяніемъ высланныхъ въ Тифлисъ изъ другихъ мѣстъ неблагонадежныхъ рабочихъ иинтеллигентовъ, вся масса въ Тифлисѣ разбилась на отдѣльныя группы, во главѣ которыхъ стояли особые руководители, внушавшіе рабочимъ необходимость руководиться девизомъ: «каждый за всѣхъ, всѣ за каждаго.» Слѣдствіемъ этого, по мнѣнію губернатора, было то, что «рабочаго движенія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ Тифлисѣ уже не существуетъ, но зато появилось «революціонное движеніе» среди рабочихъ».

Это новое движеніе губернаторъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: «Стоило уволить фабриканту рабочаго — вся фабрика бросала работу, что стало считаться не только заслугой, но даже обязанностью; умираетъ рабочій, и вся фабрика обязуется присутствовать и провожать тѣло на кладбище; высылаютъ рабочаго — и всѣ товарищи по работѣ, въ какихъ бы отношеніяхъ они не состояли, обязываются устроить ему проводы». Почетное для рабочихъ удостовѣреніе ихъ товарищеской солидарности. И нелѣпо звучитъ послѣ этого заявленіе, что «простая рабочая масса сдѣлалась въ рукахъ противоправительственныхъ кружковъ орудіемъ и средствомъ революціонныхъ безпорядковъ», причемъ «рабочій вопросъ отошелъ на задній планъ».

«Этотъ переходъ въ теченіе 1902 г. — продолжаетъ докладная записка — настолько окрѣпъ, что за время цѣлаго ряда рабочихъ безпорядковъ, или, вѣрнѣе, безпорядковъ произведенныхъ рабочими въ текущемъ году, ни одного требованія, за исключеніемъ требованія 8-мичасового труда, которое могло бы спеціально назваться рабочимъ требованіемъ, не было; рабочіе всевозможныхъ категорій фабрикъ и заводовъ, бросая въ условленное время работу, со свистомъ и шумомъ уходили съ фабрикъ, не предъявляя предпринимателямъ никакихъ просьбъ, а, группируясь на улицахъ, вступали въ свалку съ городовыми и дворниками, разбрасывая прокламаціи, безусловно исключи-

тельно противоправительственнаго содержанія, доводя часто до необходимости вызова войска».

Въ 1903 г. это «революціонное движеніе среди рабочихъ» начинаетъ крѣпнуть, но оно, вопреки мнѣнію тифлискаго губернатора, отнюдь не ослабляетъ движенія стачечнаго. Между стачками и демонстраціями или «безпорядками» устанавливается тѣсная связь и взаимодѣйствіе. Стачки подготовляютъ демонстраціи, демонстраціи подготовляютъ стачки, такъ какъ и тѣ и другія поднимаютъ боевое настроеніе рабочихъ и усиливаютъ ихъ солидарность.

«Ни однѣ похороны политическихъ, ни одни проводы — по словамъ корреспондента «Рев. Россіи» въ № 30 (20 Августа), — не прошли безъ болѣе или менѣе удачной демонстраціи. *Почти каждый мѣсяцъ было нѣсколько мелкихъ стачекъ*, то въ отдѣльныхъ цехахъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, то на заводѣ Адельханова, то въ мелкихъ ремесленныхъ мастерскихъ». Особенно внушительной была демонстрація 1-го іюля по поводу отправки въ ссылку четырехъ политическихъ въ Восточную Сибирь. Рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ и нѣкоторыхъ фабрикъ, бросивъ работу, пришли на вокзалъ проститься съ отъѣзжающими. Не только на вокзалѣ, но и на всемъ пути до ближайшей отъ Тифлиса станціи, Навтлуги, стояли шпалерами рабочіе въ ожиданіи поѣзда. Въ окнахъ видны были жандармы, но ссылаемыхъ не удалось увидать, и рабочіе стали просить, чтобы отправку поѣзда задержали. Просьба ихъ, конечно, не была исполнена, и поѣздъ тронулся. Тогда рабочіе собрались на полотнѣ желѣзной дороги, и преградили путь. Поѣздъ остановился. Манифестанты развернули красное знамя и огласили воздухъ революціонными кличами. Жандармы стали стрѣлять изъ оконъ вагоновъ, рабочіе отвѣчали градомъ камней. Выстрѣлами было ранено 5 человѣкъ, изъ нихъ 18-лѣтній юноша Багратъ Галустовъ — смертельно. Передъ Навтлугой поѣздъ былъ снова задержанъ, снова развернулось красное знамя и раздались революціонные возгласы. По словамъ одного корреспондента «Револ. Россіи» солдаты мингрельскаго и тифлискаго полковъ отнеслись къ демонстрантамъ очень сочувственно. Когда тѣ проходили мимо ихъ казармъ, они высыпали на улицу и

кричали: «Идите, идите, господа, мы васъ не тронемъ», а человѣкъ 40 солдатъ даже смѣшались съ рабочими, и шли съ красными знаменами вмѣстѣ съ рабочими до Кахетинской площади».

Послѣ этой демонстраціи стачечная эпидемія усилилась. Забастовали всѣ строительные рабочіе, требуя уменьшенія рабочаго дня отъ 16 часовъ до 10. Затѣмъ 4 іюля вступили въ борьбу приказчики Тифлискаго гостиннаго двора, такъ называемаго, Караванъ Сарая, гдѣ помѣщается болѣе 200 магазиновъ съ 2000 служащихъ. Они поступили точно также, какъ марсельскіе портовые рабочіе. Добиваясь закрытія магазиновъ въ 8 часовъ вечера вмѣсто 11, они по предварительному соглашенію стали ежедневно уходить ровно въ 8 часовъ, а на другой день въ опредѣленное время возвращались къ своимъ обязанностямъ. Они впрочемъ не ограничились этимъ, и въ первый же день, выйдя толпою изъ Караванъ-Сарая, и раздѣлясь на двѣ группы, двинулись по городу, повсюду принуждая закрывать магазины. По прошествіи 8 дней закрытіе магазиновъ въ 8 часовъ вошло въ норму.

Удачно окончилась и стачка строительныхъ рабочихъ. Между тѣмъ движеніе все расширялось, чему много способствовали вѣсти изъ Баку. Поднялись мелкія мастерскія (мѣднолитейныя, сапожныя и пр.), требуя окончанія рабочаго дня въ 6 часовъ вечера, вмѣсто 10 или 11 часовъ. Начали останавливаться заводы и большія мастерскія. Движеніе захватило даже мясниковъ, пекарей, ресторанную прислугу и т. д. Однодневную всеобщую стачку устроили и типографщики Вообще движеніе было въ полномъ разгарѣ, когда появились комитетскія прокламаціи, объявлявшія на 14-ое іюля всеобщую забастовку. 14-го іюля остановился и трамвай, но къ вечеру властямъ удалось возобновить движеніе при помощи солдатъ, которые продавали билеты и охраняли вагоны. «Вагонъ трамвая — говоритъ корреспондентъ «Искры» — представлялъ въ эти дни настоящую крѣпость: на каждомъ — 4-5 штыковъ. *Надо удивляться* — прибавляетъ онъ — *невоспитанности публики, которая не оказала никакой поддержки стачечникамъ, и не стѣснялась ѣздить подъ штыками*».

Наивный человѣкъ! Воспитанность буржуазной

публики состоитъ какъ разъ въ томъ, чтобы бороться со стачечниками, и гордиться охраной штыковъ. Кстати сказать тифлискіе искристы боялись проявленій «невоспитанности» не только со стороны «публики», но и со стороны самихъ стачечниковъ. Ихъ комитетъ въ разгаръ стачки приглашалъ стачечниковъ «изъ чисто культурныхъ соображеній» не касаться телеграфа.

Между тѣмъ по телеграфнымъ проволокамъ тифлискія власти, вѣроятно, тоже изъ «чисто культурныхъ соображеній» спѣшно требовали военныхъ подкрѣпленій, такъ какъ городъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе терялъ свою «культурность».

«Мы уже пятый день сидимъ безъ мяса» — сообщаетъ тифлискій корреспондентъ «Посл. Изв.» отъ 16-го іюля. «Мясники и рѣзники прекратили работы. Почти весь Тифлисъ не работаетъ... У насъ даже побаивались лишенія воды изъ-за прекращенія работъ на водопроводѣ».

Съ 16-го іюля, т. е. черезъ день послѣ оффиціальнаго объявленія стачки искристскимъ комитетомъ, движеніе въ общемъ длившееся около двухъ недѣль, быстро пошло на убыль. Это объясняется въ значительной степени тѣмъ, что большинство требованій отдѣльныхъ группъ забастовщиковъ было удовлетворено. Повліяли, конечно, и вѣсти о постепенномъ возобновленіи работъ въ Баку.

Арестованныхъ въ Тифлисѣ было масса: въ тюрьмахъ и участкахъ буквально не хватало мѣста. Гуляла и казацкая нагайка, но кровопролитныхъ столкновеній съ войсками не было. Возможно, что власти не вполнѣ полагались на войска, дисциплина которыхъ, эта тоже «культурная» основа современнаго общества, сильно пошатнулось во время стачки.

Солдаты почти открыто говорили, что будутъ стрѣлять въ воздухъ. По сообщенію корреспондента «Рев. Рос.» одинъ саперный батальонъ, спѣшно двинутый въ Тифлисъ устроилъ тоже своего рода стачку. Солдатъ заставили идти форсированнымъ маршемъ день и ночь. «Ночью вдругъ изъ рядовъ раздается команда «ложись», весь батальонъ легъ, какъ одинъ человѣкъ, офицеры сначала опѣшили, потомъ начали кричать и грозить, но ничего не помогло.» «По приходѣ въ Тифлисъ тотъ же батальонъ не отвѣтилъ на привѣтъ ба-

тальоннаго командира, за что всѣ унтеръ-офицеры были поставлены на 7 часовъ подъ ранецъ».

Въ самомъ Тифлисѣ во время всеобщей стачки кровь не пролилась, но она обильно пролилась на ст. Михайлово Закавказской желѣзной дороги. Надо замѣтить, что стачка распространилась по всей этой линіи, и товарное движеніе было одно время пріостановлено. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стачечники старались воспрепятствовать движенію не только пассивно, но и активно. Въ Михайлово за подобную попытку стачечники поплатились убитыми и ранеными, число которыхъ точно неизвѣстно, но, по нѣкоторымъ сообщеніямъ превышало 30 человѣкъ (15 убитыхъ и болѣе 15 раненыхъ). «Обвинительный актъ *) глухо замѣчаетъ: «На полотнѣ Бор. жел. дор. и на главномъ пути оказались убитые и раненые»... Ему интересны лишь 7 раненыхъ, которыхъ желательно направить «по суду» въ каторгу или арестанскія роты.

Въ другихъ отношеніяхъ, впрочемъ, «обвинительный актъ» даетъ, кажется, довольно точную и вѣрную картину активной стачки михайловскихъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Подобныя событія до того сами по себѣ драматичны, что они производятъ впечатлѣніе даже въ прокурорскомъ описаніи:

«14-го іюля с. г. въ 8 ч. утра въ депо ст. Михайлово раздался тревожный гудокъ, и рабочіе, около 200 человѣкъ, прекративъ работу вышли на полотно желѣзной дороги. Къ нимъ присоединились ремонтные рабочіе, и образовавшаяся такимъ образомъ толпа направилась къ расположенному вблизи ст. Михайлово керосинопроводу, гдѣ всѣхъ рабочихъ заставила прекратить работу. Проходя по путямъ, кто то изъ толпы, поднявъ вверхъ револьверъ, выстрѣлилъ, и толпа начала кричать ура. Въ это время подошелъ къ ст. Михайлово товарный поѣздъ изъ Тифлиса, и толпа, отцѣпивъ паровозъ, оставила на пути вагоны съ цѣлью прекращенія на главномъ пути движенія поѣздовъ.

*) За всякимъ кровопролитіемъ неизбѣжно слѣдуетъ «обвинительный актъ» противъ пострадавшихъ рабочихъ для оправданія власти, распоряжавшихся убійствомъ. Въ этомъ отношеніи наше правительство также «культурно», какъ и правительства западно-европейскія.

Захватывая по пути стрѣлочниковъ, толпа около паровознаго сарая потушила топку паровозовъ и сняла съ одного паровоза регуляторъ. Постепенно увеличиваясь, толпа подошла къ конторѣ нач. участ. пути и заставила всѣхъ служащихъ уйти изъ конторы, а также изъ помѣщенія телеграфа. Во главѣ толпы находился ремесленный рабочій Ром. Мегрелишвили. Отъ имени толпы было заявлено требованіе прекращенія дѣятельности телеграфа во избѣжаніе передачи депешъ съ просьбой о присылкѣ войскъ. Сойдя съ пути желѣзной дороги толпа отправилась на базаръ ст. Михайлова, закрыла лавки и заставила слѣдовать за собой всѣхъ торговцевъ».

Впереди толпы шелъ рабочій съ краснымъ знаменемъ, другіе рабочіе держали въ рукахъ зеленыя вѣтви. Остановивъ работы и торговлю, стачечники заняли стратегическую позицію на желѣзнодорожномъ мосту, около котораго главный путь Закавк. жел. дор. соединяется съ путями Боржомскимъ и Сурамскимъ. Подошедшему къ толпѣ начальнику участка пути и его помощнику одинъ изъ рабочихъ изложилъ требованія забастовщиковъ: 8-часовой рабочій день, прибавка 25% къ заработной платѣ, возвращеніе уволенныхъ рабочихъ, удаленіе нѣкоторыхъ мастеровъ. Начальникъ участка обѣщалъ сообщить по телеграфу начальнику дороги о требованіяхъ рабочихъ; какъ разъ въ это время явилась вызванная по телеграфу военная команда, и любезныя обѣщанія смѣнились приказомъ разойтись и угрозой стрѣлять. Но толпа, постоянно возраставшая, не только не разошлась, но одновременно остановила два поѣзда: батумскій и боржомскій, дѣйствуя при этомъ очень умѣло и рѣшительно. Солдаты и стражники по приказу капитана атаковали толпу, но были отбиты. Тогда былъ скомандованъ «рѣдкій огонь», и на землю повалились убитые и раненые. Говорятъ, что въ стачечниковъ цѣлились лишь «стражники», солдаты же стрѣляли въ воздухъ. Безоружная толпа, попавшая подъ выстрѣлы дальнобойныхъ бердянокъ стражниковъ принуждена была разсѣяться. О дальнѣйшемъ ходѣ михайловской стачки у насъ нѣтъ свѣдѣній, но одно несомнѣнно, что михайловскіе рабочіе вернулись въ мастерскія не съ приниженною душою, и въ рѣшительный моментъ гряду-

щей революціи они станутъ въ первые почетные ряды возставшаго пролетаріата.

Въ «іюльскіе дни» всеобщее стачечное движеніе не ограничилось Баку, Тифлисомъ и желѣзнодорожными линіями; почти одновременно массовыя забастовки происходили еще въ Батумѣ, Поти, Чіатурскомъ горномъ округѣ и т. д. Однимъ словомъ, бастовали не отдѣльныя фабрики и мастерскія, а цѣлые города, округа, бастовалъ почти весь рабочій Кавказъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря.

На сѣверъ отъ Чернаго моря не менѣе широкое стачечное движеніе захватило Одессу, Николаевъ, Елизаветградъ, Кіевъ, Екатеринославъ.

Еще въ 1893 г. въ соціалдемократическихъ кругахъ Одессы возникла мысль о всеобщей стачкѣ матросовъ, кочегаровъ и машинистовъ на пароходахъ лѣтомъ 1894 г. Мысль эта была очень живо поддержана сознательными рабочими. Во время стачки моряковъ предполагалось агитировать въ пользу всеобщей стачки одесскихъ рабочихъ. *) Попыткѣ осуществить эту мысль помѣшалъ громадный провалъ въ первой половинѣ 1894 г., когда, кромѣ нѣсколькихъ интеллигентовъ было арестовано множество сознательныхъ рабочихъ (матросовъ, желѣзнодорожныхъ, сапожниковъ и т. д.). По странной ироніи судьбы мысль, возникшая у соціалдемократовъ въ 1893 г., была блестяще осуществлена ровно черезъ 10 лѣтъ, но толчекъ массовому движенію дали не соціалдемократы, изъ которыхъ многіе за это время превратились въ искристовъ, съ ихъ презрѣніемъ къ экономической борьбѣ, а независимцы, руководимые агентами Зубатова.

Въ январѣ 1903 г. въ Одессѣ появился нѣкій «докторъ» Шаевичъ, который началъ при несомнѣнномъ попустительствѣ полиціи и возмущеніи фабричной инпекціи организовать одесскихъ рабочихъ, чтобы, завладѣвъ ихъ довѣріемъ, внушить имъ любовь къ царю и полиціи. Послѣднее ему не удалось, но сорганизовалась часть рабочихъ очень легко, такъ какъ потребность въ профессіональной организаціи давно уже назрѣла, и удовлетворенію этой потребности мѣшали

*) «Изъ рабочаго движенія въ Одессѣ и Николаевѣ», Изданіе Союза русскихъ соціалдемократовъ. 1900.

лишь полицейскія преграды. Преграды были замѣнены попустительствомъ или даже покровительствомъ, и тотчасъ въ Одессѣ возникъ союзъ рабочихъ по металлу города Одессы, къ которому въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ примкнуло до 3.000 человѣкъ. Уставъ союза, въ которомъ никакъ нельзя замѣтить никакихъ намековъ на полицейскія вожделѣнія, по удостовѣренію «Освобожденія», «въ общемъ вполнѣ соотвѣтствуетъ положенію и потребностямъ рабочаго при современной и капиталистической организаціи хозяйства.» Давъ такое удостовѣреніе уставу союза «Освобожденіе» въ очень запутанныхъ выраженіяхъ поясняетъ читателямъ вредъ полицейскаго тредъ-юніонизма. Въ этихъ разсужденіяхъ невозможно не замѣтить либерально-буржуазныхъ вожделѣній. «Свободный тредъ-юніонизмъ — говоритъ «Освобожденіе» — пріучаетъ рабочихъ къ осторожности и корректности въ стачечной борьбѣ: тредъ-юніоны и ихъ руководители, въ сознаніи какъ своей отвѣтственности передъ рабочими, такъ большой опасности легкомысленнаго устройства стачекъ, не начинаютъ ихъ зря, просто для того, чтобы помѣриться силами съ предпринимателями. Иную политику ведетъ полицейскій тредъ-юніонизмъ: его дѣятели въ лицѣ г. Шаевича, ничто же сумняшася, подстрекаютъ рабочихъ къ легкомысленнымъ и обреченнымъ на неудачу стачкамъ (эта сторона дѣла совершенно правильно отмѣчена фабричнымъ инспекторомъ Поповымъ въ выше цитированныхъ донесеніяхъ).» Далѣе то-же «Освобожденіе» «съ особымъ удареніемъ» обвиняетъ полицейскій тредъ-юніонизмъ въ той «легкости», съ которой онъ, «не считаясь съ нормами даже всеобщаго права, безнаказанно прибѣгаетъ къ террористическимъ воздѣйствіямъ и приходитъ въ столкновеніе съ уголовнымъ закономъ, обязательнымъ въ самыхъ свободныхъ странахъ»!

По истинѣ ужасно! Не даромъ вознегодовали консулы самыхъ свободныхъ странъ, и Плеве убралъ Шаевича въ Вологодскую губернію.

Ахъ, спокойно спалось бы либераламъ и самыхъ свободныхъ, и самыхъ несвободныхъ странъ, если бы рабочее движеніе въ своемъ развитіи сталкивалось съ уголовнымъ закономъ только благодаря Шаевичамъ! Въ дѣйствительности Шаевичамъ волей неволей при-

шлось столкнуться съ уголовнымъ закономъ, такъ какъ у нихъ явилась нелѣпая мысль руководить рабочимъ движеніемъ, которое по самой своей сущности враждебно всѣмъ видамъ буржуазной полиціи и полицейской буржуазіи. Шаевичъ былъ, кажется, самымъ энергичнымъ «зубатовцомъ», зато онъ и запутался особенно скоро и принужденъ былъ покровительствовать тѣмъ самымъ стачкамъ, огромную опасность которыхъ сознавалъ Зубатовъ.

Уже само возникновеніе «союза», касса котораго была предназначена прежде всего для поддержки стачекъ, не могло не усилить стачечнаго движенія въ Одессѣ. Въ «своемъ секретномъ донесеніи» старшій фабричный инспекторъ Херсонской губерніи, жалуясь на вредную дѣятельность Шаевича и К°, указываетъ, что администрація и полиція не воспрепятствовали «отклоненію Союза отъ взаимопомощи къ боевой дѣятельности» и что фабричной инспекціи стало трудно воздѣйствовать (въ смыслѣ удержанія отъ забастовокъ) на «рабочихъ, увлеченныхъ новой и заманчивой идеей Союза.»

Въ апрѣлѣ «Союзъ», по словомъ фабричнаго инспектора «безъ всякихъ основаній» устраиваетъ стачку на одномъ изъ самыхъ старыхъ и надежныхъ одесскихъ заводовъ», именно заводѣ Рестеля. Подъ вліяніемъ того же Союза вспыхиваютъ стачки и въ двухъ другихъ предпріятіяхъ. Возмущенные и встревоженные предприниматели собираются на совѣщаніе и рѣшаютъ «устроить общество вспомоществованія, не уступать требованіямъ Союза, въ случаѣ необходимости выписать рабочихъ изъ другихъ городовъ, въ крайнемъ случаѣ не принимать членовъ Союза и повысить самимъ плату въ необходимыхъ случаяхъ.»

Но «зло» было все же не въ «Союзѣ». Стачечное движеніе развивалось и помимо него. Такова была стачка на заводѣ джутовыхъ издѣлій Родоконаки. Помимо «Союза» началась и стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ, которую въ самомъ началѣ остановилъ начальникъ юго-западныхъ дорогъ Немѣшаевъ, отчасти удовлетворивъ требованія забастовщиковъ, отчасти обѣщавъ «выйти съ ходатайствомъ къ министру путей сообщенія». Но стачка грузовщиковъ въ порту возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ «независим-

цевъ.» Стачка началась 4-го іюля, и уже черезъ нѣсколько дней хозяева пошли на уступки, увеличивъ поденную плату съ 80 коп. и 1 р. до $1^1/_2$ р. и уменьшивъ рабочій день на полъ часа. Часть грузовщиковъ прекратила стачку, но многіе «инородцы» (грузины, персы, турки), повсюду во время стачекъ проявляющіе больше упорства, чѣмъ чистокровные русскіе, продолжали бастовать, требуя увеличенія платы до 2 р. въ день. Это уже не входило въ расчеты Шаевича, еще меньше «удобно» было ему и «пославшимъ его» распространеніе стачечной заразы на матросовъ и кочегаровъ судовъ, приходившихъ въ Одессу. Каждое вновь прибывающее въ портъ пассажирское или торговое судно привозитъ въ лицѣ своего экипажа новыхъ стачечниковъ. Матросы, изъ которыхъ нѣкоторые дѣлали взносы въ кассу «Комитета независимцевъ», требуютъ, чтобы Шаевичъ взялъ на себя руководство ихъ стачкой. Но Шаевичу становится уже слишкомъ жарко: земля горитъ подъ ногами. Онъ начинается вертѣться, совѣтуетъ прекратить стачку, не пробивать стѣну лбомъ, а смириться» и т. д. и сразу теряетъ популярность.

На его «успокоительныя рѣчи» и призывы къ «благоразумію» толпа отвѣчаетъ насмѣшками и «обидными словами». «Ораторъ» благородно ретируется и «заболѣваетъ». Стачка разгорается. Въ порту происходятъ оживленныя сходки. «Независимцевъ», за исключеніемъ, конечно, состоящихъ на службѣ у охраннаго отдѣленія, захватываетъ общее возбужденное настроеніе. «Въ нѣкоторыхъ группахъ» — пишетъ корреспондентъ «Рев. Россіи» — рабочіе произносили пламенныя рѣчи на тему: «будетъ *имъ* кровь нашу пить, довольно мы отъ *нихъ* терпѣли, довольно *они* жили припѣваючи трудами нашихъ рукъ!» Видно было, что большинство не разбирается въ томъ, что это за «независимая рабочая партія» и какія еще существуютъ партіи, а знаетъ только свои страданія и нужды: иные наивные рабочіе-«независимцы» произносили такія филиппики противъ кровопійцъ-хозяевъ, что впору любому революціонеру.»

А стачка все разгорается...

15-го забастовываютъ служащіе на конкѣ и трамваѣ, эксплоатируемые самымъ наглымъ образомъ Бель-

гійскимъ акціоннымъ обществомъ». Съ 16-го движеніе конокъ и трамваевъ на всѣхъ линіяхъ прекращается. 17-го стачка охватываетъ буквально *всю* трудящуюся Одессу.

Этой всеобщей забастовкѣ предшествуетъ многотысячное народное собраніе въ Рубовомъ саду. Здѣсь произносились политическіе рѣчи, но соціалдемократамъ не удалось овладѣть собраніемъ, что, по словамъ корреспондента «Искры», отчасти объясняется «недостаточнымъ знаніемъ настроенія массы со стороны Комитета». Настроеніе массы во всякомъ случаѣ было очень приподнятое и революціонное, но ей было не до рѣчей и даже не до пѣсенъ. Ее охватило стихійное чувство проявить свою силу, показать «имъ», чѣмъ движется жизнь, что значитъ «трудъ» и его пріостановка. Всеобщая стачка, «безсмысленная» и «невозможная» для соціалдемократическихъ филистеровъ, сдѣлалась ясной и возможной для этой пролетарской толпы. Охватившее одесскую толпу рабочихъ стихійно-революціонное настроеніе не разъ было пережито пролетаріями англійскими, американскими, французскими, испанскими и т. д.; и проявилось оно совершенно также. Каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ охватило неопреодолимое стремленіе немедленно идти и повсюду остановить работу, всюду провозгласить право на свободу разогнуть свою спину по своему желанію, не считаясь съ волей хозяевъ, право хоть на моментъ почувствовать себя своимъ собственнымъ хозяиномъ, почувствовать себя дѣйствительно вольнымъ человѣкомъ.

И толпа хлынула въ городъ; переходя отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ мастерской къ мастерской она всюду останавливала работу и все возрастала приливомъ новыхъ освобожденныхъ отъ труда. Никто не смѣлъ оказывать сопротивленія. «Былъ моментъ — пишетъ корреспондентъ «Освобожденія» — когда весь городъ находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и безпрепятственно дефилировавшей по городскимъ улицамъ, увлекая своимъ потокомъ всѣхъ собратьевъ, не успѣвшихъ еще до того выйти изъ своихъ мастерскихъ и фабрикъ. Братскія привѣтствія, возгласы, полные бодрости и восторга, вольныя пѣсни, жизнерадостный смѣхъ и шутки носились надъ тысяч-

ными толпами, слѣдовавшими черезъ весь городъ съ утра до вечера. Настроеніе было самое приподнятое, хотѣлось вѣрить, что водворяется новая, лучшая жизнь на землѣ... Внушительная, и въ то же время, идиллически трогательная картина...»

Особенно радостными привѣтствіями встрѣчали дѣвушекъ-работницъ, выходившихъ изъ мастерскихъ и фабрикъ и присоединявшихся къ стачечникамъ... Въ этихъ братскихъ привѣтствіяхъ, въ этомъ товарищескомъ единеніи, какъ въ тяжелые годы труда, такъ и въ свѣтлыя минуты свободы—не заключается ли разрѣшеніе «женскаго вопроса», о которомъ пишутъ такъ много и часто такъ скучно?

Говоря о народномъ собраніи въ Рубовомъ саду и о стачечномъ шествіи, одна работница пишетъ: «Въ то время для насъ ничего не было ужаснаго. Передъ нами рисовалась картина счастья, свободы и братства; солнце привѣтствовало насъ и деревья шумѣли и какъ будто шептали о свободѣ... Послѣ всего этого всей массой пошли по всѣмъ заводамъ кругомъ, *вызывали рабочихъ присоединиться къ борьбѣ, чтобы показать капиталистамъ, что сила въ рукахъ рабочихъ.* И такъ весь день ходили по всѣмъ улицамъ города. Интересная картина была въ гавани, *когда освобождали всѣхъ рабочихъ* и выпускали изъ паровыхъ котловъ паръ. На пароходахъ раздавались гудки за гудками. Мальчики-подростки 12-13 лѣтъ выпускали паръ и звонили въ колокольчики. Кругомъ смѣхъ, говоръ. *Всѣ были веселы, дѣлились всѣмъ, что у кого было, бубликами и водой, всѣ были товарищи* и, казалось, вѣрили, что добьются хорошаго. Посреди улицы останавливались, говорили рѣчи, затѣмъ шли дальше, и такъ до вечера...»

Благодаря этой стихійной организаціи рабочихъ въ боевое товарищество, власти были на моментъ совершенно дезорганизованы! Полиція держалась въ сторонѣ; солдаты ходили рядомъ съ манифестантами и дружески разговаривали съ ними.

Вечеромъ съ Одесскаго вокзала не вышло ни одного поѣзда. Первымъ былъ остановленъ курьерскій поѣздъ, который долженъ былъ выйти въ 6 час. вечера. Толпа выпустила паръ и густыми рядами улеглась на рельсы. Начальство ничего не могло сдѣлать. До

5-6 час. утра дѣло было все въ томъ же положеніи. На телеграмму, посланную въ Петербургъ о событіяхъ, полученъ былъ ночью приказъ Плеве — *отправить курьерскій поѣздъ немедленно, подъ охраною войска и, если будетъ надо, то по трупамъ.* Съ неимовѣрными трудностями въ 1 часъ ночи удалось, медленно разгоняя толпу прикладами, вывести поѣздъ на Тираспольскую заставу... Такъ какъ войскъ было мало, то очистить отъ толпы вокзалъ и пути не рѣшались, и другіе поѣзда, какъ пассажирскій, такъ и почтовый не пошли...» *)

18-го всеобщая стачка была полной.

«...Сегодня, т. е. 18-го — пишетъ корреспондентъ «Искры» — *ни одинъ заводъ, ни одна мастерская* не работаютъ... на базарѣ нѣтъ хлѣба, нѣтъ мяса, такъ какъ бросили работу на бойнѣ и въ пекарняхъ; прекратилось движеніе конокъ, паровыхъ трамваевъ, пароходовъ и поѣздовъ, словомъ замерла вся жизнь, чутко прислушиваясь къ требованіямъ гитана-работника.»

Но и самодержавная полиція стала чутко прислушиваться къ требованіямъ своего начальства—международной буржуазіи. Иностранные консулы сдѣлали «энергичныя» представленія о необходимости «энергичныхъ» мѣръ для подавленія безпорядковъ. Бельгійскій посланникъ въ Петербургѣ при своемъ «представленіи» указалъ русскому правительству, что «безпорядки могутъ повести къ переводу бельгійскихъ капиталовъ изъ Россіи въ другую страну». Бельгійскихъ капиталистовъ самымъ рѣшительнымъ образомъ поддержали и умѣренные «отцы» города, члены городского управленія, которое могло, но не хотѣло добиться выполненія справедливыхъ требованій трамвайныхъ служащихъ. Возмущены «бездѣйствіемъ властей» были, конечно, не только иностранные, но и русскіе «капиталы». Слышались либеральныя рѣчи о томъ, что «законъ обязателенъ даже въ самыхъ свободныхъ странахъ», и въ Петербургъ летѣли телеграммы съ жалобами на слишкомъ «мягкаго» градоначальника Арсеньева и т. д. Для настроенія буржуазнаго общества характерно, что «дачные обыватели» подали градоначальнику нѣсколько сотъ прошеній о прекращеніи безпорядковъ, пріоста-

*) «Револ. Россія», № 29.

новившихъ правильное сообщеніе между городомъ и дачами.

Энергичныя мѣры были приняты уже 18-го. Утренняя сходка, на которой собралось нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ и работницъ, закончилась вмѣшательствомъ «военной силы».

Въ дѣйствіе были пущены вновь прибывшіе изъ Бендеръ казаки, еще не затронутые «стачечной деморализаціей». Въ то время, какъ у солдатъ и даже казаковъ пережившихъ въ Одессѣ все развитіе всеобщей стачки, военно-звѣрскіе инстинкты были несомнѣнно парализированы инстинктивнымъ сочувствіемъ массовому движенію, «свѣжіе» дѣйствовали съ обычной жестокостью.

Утренняя сходка была «разсѣяна» еще безъ жертвъ: обѣ стороны дѣйствовали безъ особеннаго «ожесточенія», и нѣкоторые «затронутые» солдаты почти безъ сопротивленія позволяли себя обезоруживать. Но нападеніе на сходку, собравшуюся на томъ же мѣстѣ, въ 4 часа дня, было произведено уже съ безпощадною жестокостью: нѣсколько стачечниковъ были тяжело ранены, нѣкоторые въ томъ числѣ одна молодая дѣвушка, смертельно. Кто-то смочилъ платокъ въ свѣже пролитой человѣческой крови и поднялъ его надъ толпой, какъ красное знамя...

По примѣру «самыхъ свободныхъ странъ» войскамъ пришлось не только усмирять демонстрантовъ, но и замѣнять стачечниковъ для возстановленія передвиженія и производствъ. Матросы военнаго флота были командированы на коммерческіе пароходы, и тѣ отчасти возобновили свои курсы. Во что бы ни стало рѣшено было возобновить и движеніе трамваевъ. Нашлось нѣсколько негодяевъ, согласившихся замѣнить забастовавшихъ машинистовъ и кондукторовъ. Вечеромъ 18-го былъ снаряженъ первый трамвай, но забастовщики легли на рельсы и не пропускали его. «Мягкій» Арсеньевъ, принявъ во вниманіе «представленія» бельгійскаго посланника и прошенія дачниковъ, велѣлъ пустить въ ходъ нагайки и приклады. Казаки и солдаты, которыхъ угостили и напоили представители «бельгійской компаніи», били ожесточенно. Путь былъ очищенъ, а стачечники арестованы и загнаны въ депо и снова жестоко избиты. Въ «культур-

ныхъ» странахъ вродѣ Франціи такія избіенія арестованыхъ получили уже шутливое специфическое названіе «passer à tabac».

У насъ буржуазія до такихъ шутокъ еще не доразвилась.

Между тѣмъ стачечный порывъ сталъ ослабѣвать тѣмъ скорѣе, что у массы не было революціонныхъ руководителей, проникнутыхъ пролетарскимъ сознаніемъ. Сама рабочая масса была еще слишкомъ «молода» въ смыслѣ классового развитія, чтобы выдѣлить изъ себя вожаковъ, обладающихъ достаточной глубиной и широтой взгляда; что касается соціалдемократовъ изъ интеллигентной среды, то большинство изъ нихъ было, къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ «искризма», очень удобнаго для всевозможныхъ закулисныхъ интригъ, но совершенно не пригоднаго для руководства всеобщей стачкой.

Корреспондентъ «Искры» долженъ былъ признаться, что «соціалдемократы» еще 17-го «потеряли руководство массой.»

«О роли партійныхъ организацій—пишетъ корреспондентъ «Освобожденія» — много говорить не приходится; настоящее движеніе не только не было подготовлено партіями, но они не успѣли или не сумѣли даже имъ сколько-нибудь овладѣть, когда оно уже началось. Таково общее впечатлѣніе.»

25-го іюля, т. е. приблизительно черезъ недѣлю послѣ великаго порыва 17-го іюля, представитель одесской буржуазіи, городской голова Зеленый могъ уже радостно телеграфировать министру внутр. дѣлъ, что «безчинства» прекращены и порядокъ возстановленъ. Но въ телеграммѣ еще чувствуется пережитый буржуазіей страхъ:

«Городу угрожала опасность, которой и представить себѣ нельзя, такъ какъ зачинщики закрыли поля орошенія, водопроводы, хлѣбопекарни и пр., и осудили городъ на голодъ и развитіе инфекціонныхъ болѣзней. Въ настоящее время все спокойно, хотя броженіе среди рабочаго населенія еще существуетъ.»

Для борьбы съ этимъ «броженіемъ» городской голова находитъ нужнымъ дать мѣстной печати «разрѣшеніе касаться событій послѣднихъ дней». «Зная духъ и направленіе мѣстной печати — телеграфируетъ

голова министру—я почтительнѣйше гарантирую, что всѣ статьи по данному вопросу будутъ въ интересахъ государственнаго и общественнаго спокойствія». Это ходатайство чрезвычайно характерно для «воспитанности» одесской буржуазіи: она уже понимаетъ, что свободная *капиталистическая* печать — необходимое дополненіе къ нагайкамъ и штыкамъ.

Буржуазная печать — врагъ для пролетаріата опасный, какъ показываетъ примѣръ хотя бы Франціи, гдѣ массы несомнѣнно отравляются и задерживаются въ своемъ развитіи не только алкоголемъ, но и самыми распространенными газетами въ родѣ «Petit Journal», который едва ли не хуже нашего «Свѣта». И, еслибы пролетаріату не приходилось переживать такихъ великихъ порывовъ, такого великаго подъема коллективнаго чувства, какимъ была одесская всеобщая стачка, то великая освободительная цѣль рабочаго движенія отодвинулась бы въ туманную даль. Но теперь іюльскіе дни такъ могуче двинули впередъ русскій пролетаріатъ, что у сознательнаго борца-пролетарія соціальная революція съ ея переходомъ къ новому строю должна, наконецъ, принять ясныя и конкретныя формы.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ стачки кавказской, и особенно одесской, въ концѣ іюля вспыхнула всеобщая забастовка въ Кіевѣ, гдѣ рабочій классъ быть можетъ болѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ русскомъ городѣ, подготовленъ къ сознательному массовому протесту противъ гнета самодержавной буржуазіи. Здѣсь давно ведется среди рабочихъ усиленная соціалдемократическая пропаганда, особенно плодотворная въ «до-искровскій періодъ». Надо замѣтить, что именно кіевскимъ соціалдемократическимъ комитетомъ была въ концѣ 90-хъ годовъ напечатана уже упомянутая нами брошюра: «Кто совершитъ политическую революцію», признанная еретическою въ заграничныхъ кружкахъ. Брошюра заканчивается призывомъ къ подготовленію всеобщей стачки.

«На подготовленіе всеобщей стачки должны быть направлены всѣ усилія современныхъ революціонеровъ. Работа безъ сомнѣнія колоссальная и чрезвычайно трудная, но она плодотворная, — это единственная плодо-

творная въ революціонномъ отношеніи работа въ настоящій моментъ».

Призывъ этотъ въ рядахъ интеллигентовъ былъ заглушенъ искровскими криками о войнѣ на нѣмецкій счетъ съ людьми, несогласными брать на себя роль буржуазныхъ теоретиковъ, но въ средѣ кіевскихъ рабочихъ онъ нашелъ себѣ сочувственный откликъ. Въ то самое время, какъ искровскіе «настоятели» насмѣшливо и презрительно отзывались о всеобщихъ стачкахъ, какъ о «дубинѣ», какъ о средствѣ слишкомъ элементарномъ, заранѣе обреченномъ на неудачу и т. д. желѣзнодорожные *рабочіе* кіевскихъ мастерскихъ въ одномъ изъ своихъ «листковъ», изданномъ въ началѣ 1903 г., придаютъ всеобщимъ забастовкамъ большое политическое значеніе и въ ростовскихъ ноябрскихъ дняхъ совершенно справедливо видятъ одну изъ такихъ всеобщихъ забастовокъ, которыми въ данное время неминуемо должна проявляться кипучая внутренняя жизнь Россіи.

«Внутренняя жизнь Россіи — писали они — кипитъ, какъ вулканъ, и мы видимъ, какъ она по временамъ выбрасываетъ потоки лавы, *которые захватываютъ не отдѣльныя заводы и мастерскія*. Нѣтъ, смотрите: въ Ростовѣ начали забастовку рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ а черезъ день, другой оказывается, что весь городъ бастуетъ и силой отстаиваетъ многочисленныя собранія, для того только, чтобы слышать свободное слово».

«Совершенно естественно, что именно желѣзнодорожные рабочіе при извѣстіи о событіяхъ на Кавказѣ, въ Одессѣ и въ другихъ мѣстахъ, дали сигналъ кіевской всеобщей стачкѣ. Соціалдемократическій комитетъ, зная о возбужденіи кіевскихъ рабочихъ и готовности ихъ послѣдовать примѣру бакинскихъ и одесскихъ товарищей, рѣшилъ на своемъ собраніи, состоявшемся въ лѣсу поздно вечеромъ 17 іюля, «начать» стачку въ понедѣльникъ 21 іюля, но въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ уже въ субботу 19 іюля фактически почти никто уже не работалъ» *)

*) Данныя для всеобщей кіевской стачки мы беремъ, главнымъ образомъ, изъ очень живо и ярко написаннаго очерка Б. Правдина «Революціонные дни въ Кіевѣ».

На тайномъ собраніи организованныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ и делегатовъ комитета были выработаны «требованія» и принятъ планъ провозглашенія стачки.

Во главѣ 15 требованій поставленъ «восьмичасовой рабочій день». Въ воззваніи къ всеобщей стачкѣ указано на борьбу «ростовскихъ, бакинскихъ и одесскихъ товарищей».

21 іюля въ $7^1/_2$ утра «тревожный гудокъ» паровой машины желѣзнодорожныхъ мастерскихъ возвѣстилъ пролетаріату и буржуазіи начало «кіевскихъ революціонныхъ дней».

«Гудокъ стоналъ, какъ раненый звѣрь; отрывистые, дикіе, зловѣщіе звуки неслись одни за другими непрерывной волной и не было имъ конца. Долой! Долой! Долой! — казалось выговаривалъ этотъ голосъ фабричнаго набата. И мысленно не мало людей прибавляло про себя: долой эксплуатацію, долой нищету, забитость и невѣжество, долой ложь, насиліе и произволъ, сковавшіе тяжелою цѣпью рабочій народъ».

При звукахъ этого гудка-набата желѣзнодорожные рабочіе, рано утромъ по обыкновенію явившіеся въ мастерскія, бросили работу и высыпали на дворъ. Одинъ изъ рабочихъ прочелъ вслухъ листокъ съ требованіями. Почти трехтысячная толпа слушала товарища «съ напряженнымъ вниманіемъ». Затѣмъ единодушное провозглашеніе забастовки и громогласное «ура!» рабочему движенію. „Слышались отдѣльныя восклицанія, произносились краткія рѣчи революціоннаго содержанія, отовсюду неслось радостное «ура"".

Появляется начальникъ управленія юго-западныхъ дорогъ Немѣшаевъ со свитою чиновъ администраціи. Происходитъ краткій діалогъ между Немѣшаевымъ и толпою. Немѣшаевъ чувствуетъ себя еще «начальникомъ», но рабочіе въ этотъ моментъ высокаго духовнаго подъема не могутъ чувствовать себя «подчиненными». Діалогъ рѣзко прерывается, и «начальнику» приходится удалиться».

Стачечники хотятъ выйти толпою на площадь, но мастерскія уже оцѣплены войсками. Рабочихъ выпускаютъ отдѣльными группами, но тотчасъ разгоняютъ, не давая собраться.

Войсками оцѣпленъ и находящійся недалеко отъ

желѣзнодорожныхъ мастерскихъ «Южно-русскій заводъ», откуда приказано никого не выпускать въ теченіе цѣлаго дня. «Начальство» боялось, что заводъ немедленно примкнетъ къ стачкѣ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, соціалдемократы боялись обратнаго, что онъ не забастуетъ. Принятыя «начальствомъ» мѣры разрѣшили этотъ вопросъ въ пользу соціалдемократовъ.

Видя съ одной стороны «непріятельскіе штыки», съ другой замѣтивъ, что желѣзнодорожные рабочіе, взобравшись на крыши, пріятельски машутъ имъ фуражками, заводскіе рабочіе не стали долго раздумывать. Провозгласивъ стачку и возвѣстивъ объ этомъ тревожными гудками и революціонными пѣснями, они «повыбили окна, пробились черезъ ряды солдатъ, разошлись по домамъ» и до окончанія всеобщей стачки не возвращались на заводъ.

Матерьялъ былъ горючій, огонь принялся хорошо, стачечное пламя сразу разлилось широко.

Въ тотъ же день стачка захватила и типографскихъ рабочихъ. Сначала забастовала лишь сознательная часть этихъ рабочихъ, но къ пяти часамъ вечера ей удалось «закрыть» всѣ типографіи. «Отъ одной типографіи къ другой шумными группами перебѣгали синія блузы и «закрывали» типографіи».

Въ 7 часовъ вечера на берегу Днѣпра собралась тысячная сходка типографскихъ забастовщиковъ. Комитетскихъ «ораторовъ» здѣсь не было, но два типографскихъ рабочихъ произнесли соотвѣтствующія рѣчи о рабочей солидарности.

«Настроеніе у всѣхъ было праздничное, приподнятое; казалось, — говоритъ Правдинъ — что какая то волна подхватила всѣхъ. Все мелкое, будничное отлетѣло прочь». На сходку былъ сдѣланъ набѣгъ казаками и городовыми. Большинству рабочихъ удалось избѣжать захвата, но 64 человѣка все же были арестованы. Ночью были на квартирахъ арестованы еще 10 человѣкъ, главнымъ образомъ, желѣзнодорожные рабочіе. Но этими арестами движенія нельзя было остановить. Къ 23-му столковались о своихъ требованіяхъ» вагоновожатые (служащіе на трамваяхъ), булочники *), рабочіе различныхъ заводовъ, арсеналь-

*) У булочниковъ былъ уже хорошій стачечный опытъ. Въ 1901 г. они побѣдоносно провели очень серьезную стачку.

ные рабочіе, рабочіе пароходныхъ мастерскихъ, казеннаго водочнаго склада, папиросницы разныхъ фабрикъ, жестяники, портные и модистки, слесарно-рѣшетчики и водопроводчики, столяры и т. д.

Каждая изъ этихъ многочисленныхъ категорій выставляла свои спеціальныя требованія, вытекающія изъ особыхъ условій данной отрасли труда, но всѣ эти «требованія» возлагались на единый алтарь пролетарской солидарности... Всеобщая стачка, являясь единымъ дѣйствіемъ всѣхъ, должна была дать каждому то, что ему было особенно важно, то, что облегчало его наиболѣе острыя страданія... Само собой разумѣется, что всѣ эти требованія были чисто экономическими. Но кіевскіе пролетаріи начинали свою великую стачку не только, чтобы добиться удовлетворенія своихъ требованій»: на трудный путь борьбы и неизбѣжныхъ жертвъ они вступали, воодушевленные чувствами солидарности со своими кавказскими, одесскими товарищами, захваченные вихремъ революціоннаго протеста, увлеченные освѣжительной бурей, грянувшей надъ Чернымъ и Каспійскимъ морями. Впрочемъ, до четверга 24-го во многихъ мѣстахъ работы еще продолжались, и нѣкоторыя категоріи рабочихъ, хотя и выработали требованія, колебались, примкнуть ли имъ къ стачкѣ или нѣтъ? Власти поспѣшили положить конецъ этимъ колебаніямъ, устроивъ 23-го страшную «бойню на вокзалѣ», гдѣ толпа стачечниковъ не пропускала паровозовъ, ложась на рельсы. Для расчистки пути направлены были войска и казаки подъ командой вице-губернатора барона Штакельберга и пом. командующаго войсками Прескотта. Путь былъ очищенъ безъ выстрѣловъ, но толпа не расходилась, и на крики Штакельберга нѣкоторые рабочіе отвѣчали правдивыми словами о сытыхъ, не думающихъ о нуждѣ труженниковъ, кормящихъ ихъ.

— Я васъ усмирю пулями! — кричалъ баронъ.

— Стрѣляйте! — кричали нѣкоторые рабочіе, разрывая на груди рубахи.

Протрубилъ зловѣщій рожокъ. Раздался сухой трескъ залпа. Толпа инстинктивно упала на землю, затѣмъ ее охватила паника, она побѣжала. Но стрѣльба не прекращалась. По бѣгущимъ было дано еще два залпа. Всѣ раны были нанесены съ тылу. На мѣстѣ

осталось нѣсколько труповъ, много раненыхъ. Рабочіе подобрали трупы и отнесли ихъ на вокзалъ.

«Съ обнаженными головами, съ лицами, дышащими злобой и отчаяньемъ, положили они трупы на террасѣ къ ногамъ начальства. Одинъ изъ рабочихъ сказалъ:

— Вотъ на-те, мы принесли вамъ свѣжее мясо Жрите!

И ушли...»

«Правительство — говоритъ Правдинъ — разорвало завѣсу. Закрывъ глаза десяткамъ, оно открыло глаза тысячамъ».

Негодованіе охватило весь кіевскій пролетаріатъ, и въ четвергъ 24-го стачка становится, дѣйствительно, всеобщей. Бастуетъ все рабочее населеніе Кіева. Многіе бастуютъ исключительно изъ чувства негодованія противъ убійства на вокзалѣ.

«По всему городу ходятъ группы рабочихъ и останавливаютъ производящіяся гдѣ бы то ни было работы. У забастовщиковъ явилось также желаніе лишить городъ воды, освѣщенія и съѣстныхъ припасовъ. Это страшно возмутило всѣ слои буржуазіи и, по словамъ Правдина, даже отъ заправской интеллигенціи приходилось слышать такія, напримѣръ, разсужденія:

— Ну, имѣй себѣ дѣло съ фабрикантами; причемъ же тутъ мы? Зачѣмъ же насъ лишать хлѣба и воды? *Остается только стрѣлять!*

«Либеральная интеллигенція обнаружила страшную узость и полное отсутствіе политическаго смысла», восклицаетъ разочарованный Правдинъ, который какъ сослуживецъ Плеханова и К°, обязанъ вѣрить въ революціонные порывы не только либеральной интеллигенціи, но и «торгово-промышленнаго класса».

Въ разныхъ частяхъ города начинаютъ происходить «самостоятельныя» демонстраціи, сопровождающіяся схватками съ казаками, которымъ иногда приходится обращаться въ бѣгство.

Въ пятницу 25-го на Подолѣ при «защитѣ» войсками мельницы Бродскаго, въ которой стачечники разбивали окна, дѣло снова доходитъ до стрѣльбы. На этотъ разъ толпа показала гораздо больше самообладанія, чѣмъ на вокзалѣ. Послѣ первыхъ выстрѣловъ толпа стала «разбирать мостовую» и положительно засыпала непріятеля камнями. «Помогали въ этомъ жен-

щины и дѣти». Но въ концѣ концовъ скорострѣльныя ружья, конечно, побѣдили. Впрочемъ, большинство солдатъ, несомнѣнно, старалось не попадать въ стачечниковъ. Послѣ нѣсколькихъ залповъ убито было лишь двое и нѣсколько человѣкъ ранено.

У стачечниковъ во всякомъ случаѣ сложилось твердое убѣжденіе, что солдаты Херсонскаго полка, дѣйствовавшіе на Подолѣ, стрѣляли въ воздухъ, тогда какъ Луцкій полкъ, дѣйствовавшій на вокзалѣ, стрѣлялъ въ людей.

«Поэтому, встрѣчаясь на улицѣ съ солдатами Луцкаго полка, рабочіе ругаютъ ихъ мерзавцами, убійцами, царевыми собаками ; къ херсонцамъ же они относятся дружественно и многіе говорятъ имъ при встрѣчѣ: молодцы-херсонцы !»

Въ общемъ со стороны «народа» въ Кіевѣ убито или умерло отъ ранъ во время іюльскихъ дней не менѣе 13 человѣкъ (11 человѣкъ «на вокзалѣ» и два человѣка на Подолѣ).

Со стороны «усмирителей» ранено или контужено большей частью легко около 40 человѣкъ. Въ послѣдніе дни стачки происходило не мало стычекъ между стачечниками и казаками, но «власти» не рѣшались приказывать стрѣлять. Начиная съ четверга интеллигентные революціонеры много толковали объ устройствѣ внушительной демонстраціи, но столковались лишь тогда, когда «стачечная волна уже отхлынула». Подготовленная на воскресенье 27-го демонстрація совершенно не удалась и была жалкой по сравненію съ демонстраціями «самопроизвольными».

Начиная съ понедѣльника 28 іюля рабочіе стали приниматься за работу, къ 1-му августа стачка прекратилась.

Она стоила рабочимъ не мало крови и слезъ, но эти слезы и кровь на много лѣтъ приблизили освобожденіе не только русскаго, но и всемірнаго пролетаріата. Для просвѣтленія классового сознанія эти нѣсколько бурныхъ дней были важнѣе многихъ мѣсяцевъ мирной пропаганды. Но и непосредственные результаты этой всеобщей стачки очень велики. Никогда отдѣльными частичными стачками кіевскіе рабочіе не вырвали бы у хозяевъ тѣхъ уступокъ, которыя принудила ихъ сдѣлать стачка всеобщая.

1400 типографскихъ рабочихъ добились 9-тичасового рабочаго дня, увеличенія заработной платы и половиннаго жалованья за первый мѣсяцъ болѣзни.

Рабочимъ арсенала обѣщанъ 8-мичасовой рабочій день и увеличеніе платы. На дрожжевомъ заводѣ Чокалова введенъ 8-мичасовой рабочій день. Булочникамъ исполнили всѣ требованія. Трамвайщикамъ увеличили плату. Телеграфистамъ прибавили по 5 рублей въ мѣсяцъ.

Существенныхъ уступокъ добились и желѣзнодорожные рабочіе. «Наибольшая предѣльная» плата повышена для нѣкоторыхъ категорій рабочихъ болѣе, чѣмъ на 100%, такъ, напримѣръ, до стачки наивысшая плата кузнецу была 1 руб. 20 коп., послѣ стачки — 2 руб. 50 коп.. Кромѣ того приняты мѣры для устраненія «грубаго обращенія мастеровъ, улучшенія освѣщенія и другихъ условій труда», ограничены вечернія работы и т. д.

Въ Россіи не существуетъ формально ни права стачекъ, ни права союзовъ, но русскій пролетаріатъ сумѣлъ въ 1903 году устроить такія обширныя побѣдоносныя стачки, о которыхъ нѣмецкому пролетаріату не позволяютъ и мечтать его политическіе руководители. Русскій пролетаріатъ не въ силахъ выдерживать длительныхъ забастовокъ въ родѣ послѣдней стачки въ Криммитчау, но онъ беретъ обширностью, всеобщностью стачечнаго возстанія. А для успѣха стачки всеобщность едва ли не важнѣе ея длительности.

Поразительной солидарности рабочаго пролетаріата въ Россіи соотвѣтствуетъ столь же поразительное отсутствіе солидарности среди интеллигентовъ, считающихъ себя призванными руководить русскимъ рабочимъ движеніемъ.

Раздоры между соціалдемократами и соціалистами-революціонерами давали себя чувствовать уже въ Кіевѣ, гдѣ ими *отчасти* объясняется полная неудача подготовленной демонстраціи*); но особенно значи-

*) «Надо было пережить эти дни — пишетъ въ «Револ. Россіи» одинъ изъ кіевскихъ соціалистовъ-революціонеровъ по поводу кіевской стачки—чтобы почувствовать силу борющагося рабочаго класса. Будь у насъ дѣйствительно сильная революціонная организація, трудно сказать, чѣмъ бы кончились такое движеніе, такъ какъ, если и были

тельный вредъ принесли они въ Екатеринославѣ, гдѣ и среди самихъ соціалдемократовъ не было единства, при чемъ два кружка оспаривали другъ у друга право называться «комитетомъ Р. С. Д. Р. П.». Кромѣ двухъ соціалдемократическихъ комитетовъ въ Екатеринославѣ существуетъ еще комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Со старымъ соц.-дем. коммитетомъ «доискровской формаціи» или такъ называемой «рабочей организаціей» у соц.-рев., по словамъ ихъ отчета о стачкѣ, отношенія были сравнительно недурныя, но съ комитетомъ искристовъ шла вражда, которая особенно усилилась «послѣ перехода къ комитету П. С.-Р. организованной группы рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, ранѣе примыкавшей къ соціалдемократамъ».

Таковы были отношенія между екатеринославскими революціонными «фракціями», когда извѣстія о всеобщихъ стачкахъ въ Баку, Одессѣ и, наконецъ, Кіевѣ, всколыхнули екатеринославскихъ рабочихъ, у которыхъ тоже проявилось непреодолимое стремленіе проявить силу своей пролетарской солидарности. Революціонерамъ приходилось считаться съ этимъ настроеніемъ. Соціалисты-революціонеры, повидимому, сразу увлеклись идеей всеобщей стачки и стали къ ней усиленно готовиться.

«Боевая компанія — пишетъ «Рев. Россія» — была открыта П. С.-Р. Онъ рѣшилъ тотчасъ пойти навстрѣчу настроенію рабочихъ. Работа закипѣла. Печатались и гектографировались прокламаціи; во всѣхъ кружкахъ, на всѣхъ собраніяхъ—вездѣ говорилось о необходимости начать общую стачку и поддержать южныхъ товарищей. Нѣсколько разъ созывались районныя представительскія сходки; на субботу 31-го іюля было назначено большое массовое собраніе подъ открытымъ небомъ, за Днѣпромъ.»

Что касается искристовъ, то они, судя по отчету ихъ комитета, были въ началѣ очень далеки отъ увле-

---

выставлены требованія лишь экономическаго характера, то само движеніе было рѣзко политическимъ, революціоннымъ. Нужны были вожаки, нужна сильная организація, нужно болѣе *сознательное* движеніе.

Какъ больно и стыдно становится въ такіе моменты за ту вражду, которая разъединяетъ революціонеровъ!!!»

ченія идеей всеобщей стачки, которую считали несвоевременной. Они рѣшились все же «примкнуть къ ней», такъ какъ убѣдились, что она все равно начнется и безъ ихъ призыва.

«Говорили»—сообщаетъ отчетъ искровскаго комитета—что настроеніе у всѣхъ очень напряженное: всѣ ждутъ не дождутся стачки; что будемъ ли мы призывать или нѣтъ, она начнется, такъ какъ къ плохому экономическому положенію прибавилось чувство солидарности, очень быстро ростущее подъ вліяніемъ извѣстій о стачкахъ въ другихъ городахъ. Относительно жел. дор. мастерскихъ не было сомнѣній, что они забастуютъ, а на другихъ заводахъ говорили, что, если жел. дор. мастерскія забастуютъ, то и они присоединятся къ стачкѣ; въ городѣ тоже увѣряли, что, какъ только заводы бросятъ работу, — «весь городъ броситъ, особенно, если заводскіе придутъ въ городъ и пригласятъ присоединиться.» Однимъ словомъ, ничего не подѣлаешь: печальная необходимость!

«Выяснивши положеніе, комитетъ рѣшилъ начать забастовку, несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя обстоятельства, и началъ готовиться къ ней.» «Началъ готовиться» онъ въ высшей степени оригинально.

«Числа 30-го или 31-го комитетомъ было получено приглашеніе отъ комитета соц.-рев. прислать представителя на совѣщаніе, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ, на какихъ условіяхъ можно было бы работать во время стачки сообща. Комитетъ послалъ сообщить соц.-рев., что отказывается отъ этого, но человѣкъ, которому это было поручено, ихъ не нашелъ. Свое рѣшеніе Комитетъ принялъ потому, что считалъ, благодаря (!) крупнымъ принципіальнымъ*)

*) «Искра», какъ мы указывали въ первой главѣ, заявляла въ 1901 году, что различіе между соц.-рев. и соц.-дем. лишь въ названіи, «потому что *думаютъ* соціалисты-революціонеры по нынѣшнему, т. е. какъ *соціалдемократы*». Затѣмъ оказываются уже «крупныя принципіальныя разногласія» и, наконецъ, какъ показываетъ прокламація Александровскаго комитета искровцевъ, изданная по поводу невиданнаго съѣзда, соц.-рев. «никакой (!) революціонной тактики не придерживаются и обнаруживаютъ полное шатаніе и *безпринципность* програмныхъ *вопросовъ*».

Соц.-рев. съ 1901 года измѣнились мало, но искристы, несомнѣнно, *прогрессировали* и дошли до «шатанья и безпринципности про-

разногласіямъ съ соц.-рев., невозможной совмѣстную съ ними плодотворную работу.» Это заявленіе слѣдуетъ въ искровскимъ отчетѣ непосредственно за сообщеніемъ о томъ, что комитетъ началъ готовиться къ стачкѣ.

Къ соц.-дем. «рабочей организаціи» искровскій комитетъ отнесся снисходительнѣе и, принявъ во вниманіе, что «ея сторонники довольно многочисленны», вошелъ съ ней въ соглашеніе на время стачки, но въ отчетѣ не преминулъ кольнуть ее, указавъ, что она называетъ себя Ком. Р. С.-Д. Р. П., «на что не имѣетъ никакого права».

Делегаты законнаго и незаконнаго комитета образовали «комиссію», которая, по примѣру комиссій бюрократическихъ, стала «затягивать дѣло» о стачкѣ.

Чтобы поддержать стачечное пламя, охватившее въ іюлѣ югъ Россіи и къ концу мѣсяца начавшее быстро тухнуть, необходимо было спѣшить: былъ дорогъ не только каждый день, но положительно каждый часъ. Спѣшить необходимо было и для самого Екатеринослава, такъ какъ несомнѣнно съ извѣстіями о прекращеніи стачекъ въ другихъ городахъ «остывало» настроеніе екатеринославскихъ рабочихъ. Но «комиссія» боялась, что всеобщая стачка выйдетъ «стихійной» и спѣшила принять всѣ мѣры, чтобы не дать ей вспыхнуть раньше 7-го августа, когда должны быть готовы комитетскія прокламаціи.

«Провести это рѣшеніе (задержать начало стачки) въ исполненіе — говоритъ органъ искровскаго комитета—было довольно трудно: послѣдняя недѣля передъ стачкой проходила для всѣхъ очень томительно; всѣ ждали и всѣ спрашивали, когда же начнется стачка. Когда болѣе близкимъ рабочимъ говорили, что она отложена на четвергъ, седьмого, то они были очень недовольны этимъ, такъ какъ боялись, что масса не станетъ дожидаться призыва организаціи и начнетъ стачку сама. Третьяго числа комиссіей было получено извѣстіе, что соц.-рев. выпущена прокламація къ призывомъ къ стачкѣ и что они хотятъ начать стачку 4-го; положеніе комиссіи стало еще болѣе критическимъ».

грамныхъ вопросовъ». «Прогрессъ», впрочемъ, бываетъ разный. Очень распространенъ, напр., *прогрессивный* параличъ, который начинается обыкновенно маніей величія и потерей чувства приличія.

Отвергнувъ сначала всякіе предварительные переговоры съ соціалистами-революціонерами, «соціалдемократы» снаряжаютъ теперь къ нимъ «делегата съ порученіемъ поставить имъ на видъ (!), что они не имѣли права (!) начинать стачку, не спросивши у организацій, за которыми стоитъ большая часть массы, когда эти организаціи рѣшили начать ее». Это «порученіе» создало и для соціалистовъ-революціонеровъ положеніе тоже критическое, такъ какъ невозможно было вернуть прокламацій, въ которыхъ заявлялось о началѣ стачки въ понедѣльникъ.

«Нужно было знать — говоритъ органъ соціалистовъ-революціонеровъ — какъ будутъ поступать соціалдемократы, если на слѣдующій день будетъ провозглашена стачка? Уступятъ ли они, присоединятся ли, какъ будутъ поступать въ случаѣ попытокъ удалять силою штрейкбрехеровъ? Отвѣтъ былъ очень опредѣленъ: *конечно, не уступятъ, не присоединятся и, очевидно, будутъ противиться силою.* Вопросъ тѣмъ самымъ рѣшался; можно было сколько угодно возмущаться, негодовать, но оставалось или уступить, или идти на встрѣчу такимъ сценамъ междоусобій, гибельность которыхъ нельзя переоцѣнить». Соц.-рев. уступили и сдѣлали все возможное, чтобы удержать возникновеніе стачки, но первоначально назначенный день не прошелъ безъ замѣшательства.

Въ нѣкоторыхъ мастерскихъ и на заводахъ Эрау начали было бастовать, потомъ снова принялись за работу. Вечеромъ забастовали всѣ булочники—«и осались передъ лицомъ всѣхъ мобилизованныхъ силъ царскаго правительства.» Къ четвергу, когда началась забастовка въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ и на заводахъ, забастовка булочниковъ была уже почти сломлена.

Вообще долгія «приготовленія» къ всеобщей стачкѣ, несомнѣнно, сильно повредили движенію, и екатеринославская забастовка, вышла гораздо менѣе внушительной, удачной, чѣмъ, «стихійныя» стачки въ Одессѣ и Баку, вспыхнувшія, къ счастью, безъ вѣдома искристовъ, а крови въ Екатеринославѣ пролилось все же очень много.

«Администрація—по словамъ искровскаго отчета—стала готовиться къ стачкѣ чуть ли не раньше, чѣмъ

организація...» И готовилась она нѣсколько иначе чѣмъ искровская организація, начавшая съ борьбы противъ соціалистовъ-революціонеровъ! «Всюду появилось удвоенное количество городовыхъ и жандармовъ; много поднадзорныхъ арестовано; войска все прибывали и прибывали — пока на двухъ рабочихъ не стало по одному солдату». Понятно поэтому, что массовая забастовка не привела административную машину въ замѣшательство и не помѣшала «властямъ» дѣйствовать съ начала до конца рѣшительно и безпощадно.

Въ первый же день въ толпу стачечниковъ, переходившихъ, по обыкновенію отъ завода къ заводу, для прекращенія работъ, войска стрѣляли даже безъ предупрежденія, и на мѣстѣ, даже по оффиціальнымъ даннымъ, осталось 12 убитыхъ и 20 раненыхъ*). На другой день толпу заманили въ ловушку и страшно избили нагайками. Вообще быстро нагнали панику, что было тѣмъ легче, что стачка началась далеко не дружно, и не было момента, когда бы бастовали, дѣйствительно, всѣ рабочіе Екатеринослава и его предмѣстій.

«Трамвайщики — говоритъ искровскій отчетъ — къ большому удивленію и разочарованію всѣхъ (!) работали.» На Амурѣ и Нижнеднѣпровскѣ удалось остановить заводы лишь въ субботу, когда вообще забастовка достигла наиболѣе широкихъ размѣровъ, но уже въ воскресенье «волна отхлынула», а въ понедѣльникъ рабочіе стали становиться на работу «безъ предъявленія какихъ-либо требованій».

«Извѣстіе о началѣ работъ»—говоритъ искровскій отчетъ—было такъ неожиданно и такъ ошеломляюще, что долго не вѣрили ему.»

Конечно, екатеринославская стачка не была лишена величавыхъ моментовъ, свойственныхъ массовому движенію пролетаріата. Таковы были моменты, когда многотысячная толпа со знаменами приближалась къ еще не примкнувшему къ стачкѣ заводу, и оттуда съ радостными криками выбѣгали «освободившіеся» работники и работницы. Но съ другой стороны искристы своимъ вмѣшательствомъ такъ задержали,

*) Изъ нихъ 3 вскорѣ умерли отъ ранъ.

разъединили и ослабили движеніе, что въ концѣ концовъ екатеринославская стачка оставила у большинства рабочихъ, принимающихъ въ ней участіе, очень горькій осадокъ.

Въ понедѣльникъ 11-го августа искровскіе ораторы, посланные на заводы, чтобы «выяснить рабочимъ ту громадную ошибку, которую они дѣлаютъ, идя на работу», не могли попасть туда, «такъ какъ войска и полиціи было болѣе, чѣмъ всегда.» «Кромѣ того — прибавляетъ искровскій отчетъ — «стало извѣстно, что нѣкоторымъ изъ нихъ стало опасно пойди туда, гдѣ они говорили раньше. Такъ, про одну женщину, говорившую на Кайдакахъ, иные говорили, что она «вѣдьма» и что она больше ихъ не обманетъ и не заставитъ кричать «долой самодержавіе» и что, если она придетъ, то найдутся, пожалуй, люди, которые выдадутъ ее полиціи. Это тамъ, гдѣ за день передъ этимъ хотѣли нести ее на рукахъ!»

«Изъ рабочей среды раздавались раздражительные(?) голоса противъ Комитета «соціалистовъ», «образованныхъ». Не нападай они на правительство, не требуй они въ своихъ листкахъ и рѣчахъ низверженія самодержавія, и рабочіе, безъ сомнѣнія, выиграли бы стачку. Такъ разсуждало подавляющее большинство. *Въ воздухѣ чувствовалось уныніе и озлобленіе.* Атмосфера была до того тяжелая, что *Комитетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не рѣшался выпускать никакихъ прокламацій. Ихъ бы все равно не читали, — увѣряли организованные рабочіе,— а между тѣмъ, онъ дали бы только лишній поводъ къ нападкамъ на Комитетъ.*

«Наиболѣе невѣжественная масса рабочихъ твердила, что политическая свобода нужна только для «образованныхъ»; рабочимъ же слѣдуетъ думать только объ удовлетвореніи своихъ профессіональныхъ нуждъ. Болѣе культурная и очень значительная часть рабочихъ говорила, что слѣдовало бы раньше добиться сначала сокращенія рабочаго дня и увеличенія заработной платы, а затѣмъ уже бороться за политическую свободу.»

Все это подлинныя свидѣтельства Екатеринославскаго Комитета искристовъ!

Видно, что екатеринославскіе рабочіе почуяли,

какая революціонная путаница царитъ въ головахъ многихъ «образованныхъ». Они увидѣли, что «образованные заставляютъ» ихъ кричать «долой самодержавіе» иногда совсѣмъ не кстати, при томъ не разобравшись хорошенько сами, что такое «самодержавіе» и какимъ образомъ его отправить «долой».

Они увидѣли, что «образованные», не участвуя въ фабрично-заводскомъ трудѣ, пренебрежительно относятся къ прибавкамъ «пятачка на рубль» и съ одной стороны совѣтуютъ бастовать, пока не будутъ удовлетворены экономическія требованія, съ другой произносятъ «политическія рѣчи» о невозможности улучшить матерьяльное положеніе, о невозможности удачныхъ стачекъ, пока существуетъ самодержавіе... Наконецъ, рабочихъ, видѣвшихъ, какъ подъ солдатскими пулями падали ихъ братья по труду, не могли не раздражать всевозможные «долой», за которыми слѣдовали призывы держаться «мирно», главное «мирно».

Не удивительно, что въ концѣ концовъ рабочимъ пришла въ голову мысль да не «обманъ»-ли это все?

Но, если рабочіе были возмущены поведеніемъ искровскаго Комитета и озлоблены на него, то «обыватели» были отъ него въ восторгѣ.

«Честь и слава Комитету — говорили обыватели — въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ лѣтъ такъ перевоспитать эту орду... Да это — великое дѣло!».

«Вообще, отъ забастовки всѣ были въ восторгѣ, и пожертвованія въ пользу Комитета предлагались даже тѣми, со стороны которыхъ годъ-два тому назадъ можно было ожидать поступковъ совсѣмъ противоположнаго характера».

Восхищались даже «базарныя торговки!».

Да, искровскій комитетъ совершилъ по истинѣ «великое дѣло». Подъ его вліяніемъ вчерашніе доносчики поддерживаютъ пролетарское дѣло и базарныя торговки восхищаются воспитанностью стачечниковъ! Да здраствуетъ россійская революціонная соціалдемократія! Да здравствуетъ «Искра», изъ которой возгорится пламя! Да здравствуютъ буржуазные обыватели и базарныя торговки!

Баку, Тифлисъ, Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ — таковы *главные* центры всеобщестачечнаго движенія лѣтомъ 1903 г. Но массовыя стачки, демонстраціи и

вообще рабочія волненія въ теченіе лѣтнихъ и осенних мѣсяцевъ происходили и во многихъ другихъ городахъ. Про Кавказъ мы уже говорили; въ самой Россіи серьезныя массовыя стачки, сопровождавшіяся, большею частью, демонстраціями, происходили въ Николаевѣ, Елисаветградѣ, Борисоглѣбскѣ, Керчи, Конотопѣ и т. д. Возникновеніе и развитіе стачекъ повсюду напоминаетъ то, что происходило въ главныхъ центрахъ движенія: Одессѣ, Баку и т. д. Застрѣльщиками чаще всего являются желѣзнодорожные рабочіе; стачечники обобщаютъ стачку, переходя отъ завода къ заводу, отъ мастерской къ мастерской... Противъ стачечниковъ часто направлялись войска, но приказы стрѣлять отдавались съ большей осторожностью, и рабочей крови, если принять во вниманіе обширность и революціонность движенія, пролилось, по сравненію съ западно-европейскими «усмиреніями рабочихъ», не много.

Къ сентябрю стачечная волна докатилась до Москвы, гдѣ вспыхнула всеобщая стачка типографскихъ рабочихъ. Стачка была проведена дружно и умѣло. Нѣсколько дней газеты не выходили. Устроенная стачечниками уличная демонстрація была довольно внушительной и произвела впечалѣніе на всѣхъ московскихъ рабочихъ. Стачка окончилась побѣдой забастовщиковъ, добившихся значительнаго повышенія заработной платы, и повела къ образованію въ Москвѣ нелегальнаго «Союза типографскихъ рабочихъ». «Союзъ» стоитъ на чисто классовой точкѣ зрѣнія и дѣятельно работаетъ надъ развитіемъ классового сознанія типографскихъ рабочихъ.

Западный край откликнулся политическими «всеобщими забастовками» въ Двинскѣ и Бѣлостокѣ. Первая происходила въ концѣ 1903 г. по поводу отправки двухъ бундистовъ въ Сибирь до приговора и продолжалась одинъ день. Вторая возникла въ началѣ 1904 г., какъ слѣдствіе крупной стачки ткачей: цѣлью ея было освобожденіе арестованныхъ.

Въ Лодзи мелкія стачки учащаются, но онѣ даютъ слишкомъ мало. Идея всеобщей стачки пріобрѣтаетъ тамъ все больше сторонниковъ.

«Намъ прямо необходима всеобщая стачка вродѣ тѣхъ, которыя были на югѣ Россіи» — писалъ въ но-

ябрѣ лодзинскій корреспондентъ «Послѣдн. Изв.» — Только такое могучее движеніе дастъ массѣ возможность вздохнуть свободнѣе».

Петербургъ, на который были обращены взоры всѣхъ русскихъ пролетаріевъ, не откликнулся на южныя всеобщія стачки, хотя «возбужденіе» среди его рабочихъ было очень велико. Правительство заблаговременно сдѣлало все, что было въ его силахъ, чтобы не дать прорваться этому возбужденію «всеобщей стачкой», которая въ связи и одновременно со стачками южными, могла бы быть для него роковой. Самой дѣйствительной мѣрой было предупредительное отношеніе ко многимъ требованіямъ петербургскихъ рабочихъ со стороны казны и частныхъ предпринимателей.

Настроеніе рабочихъ петербургскихъ казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, точно также, какъ и настроеніе ихъ начальства, хорошо рисуетъ статья нѣкоего Бабецкаго, помѣщенная 4 ноября 1903 г, въ «Гражданинѣ», органѣ, какъ извѣстно, князя Мещерскаго и Николая II. Авторъ, прочитавъ въ томъ же «Гражданинѣ», что «мастерскія желѣзныхъ дорогъ являются разсадникомъ уличныхъ безпорядковъ» и представляютъ изъ себя «республики», пожелалъ поближе познакомиться съ этимъ вопросомъ и обратился за разъясненіями къ начальнику казенныхъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, «прекрасному знатоку рабочаго быта и въ то же время человѣку гуманному и пользующемуся симпатіями рабочихъ».

Между сотрудникомъ «Гражданина» и знатокомъ рабочаго быта происходитъ слѣдующій характерный діалогъ:

— Скажите — говорю, Романъ Васильевичъ, вѣрно ли мое предположеніе, что ваши мастерскія избѣжали безпорядковъ, благодаря хорошей организаціи и нѣкоторымъ улучшеніямъ въ бытѣ рабочихъ, т. е. хорошей заработной платѣ, ссудо-сберегательной кассѣ, выдачѣ пособій въ несчастныхъ случаяхъ и вообще въ гуманномъ и добромъ отношеніи къ ихъ участи?

— Ошибаетесь. Организація у насъ та же, какъ и въ другихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, которыя дѣйствуютъ по уставу временнаго управленія казенныхъ дорогъ, изданному 26 марта 1891 г. Един-

ственный нашъ произволъ заключается въ томъ, что мы даемъ рабочимъ максимумъ того, что можемъ дать по уставу, требуемъ же съ нихъ и взыскиваемъ минимумъ. Къ этому побуждаютъ насъ не одни гуманныя чувства. Наше время — время всякихъ послабленій, Богъ вѣсть, къ лучшему или худшему.

— Скажите, Романъ Васильевичъ, вы вотъ пользуетесь большой популярностью среди рабочихъ, васъ любятъ и уважаютъ, можетъ ли вашъ личный авторитетъ повліять на успокоеніе умовъ, въ случаѣ безпорядковъ?

— Нисколько. Поймите, что отношенія мои къ рабочимъ чисто формальныя, въ тѣхъ же случаяхъ, когда я беру на себя трудъ и рискъ перейти съ почвы формальной на почву добрыхъ человѣческихъ отношеній и изъ начальника превращаюсь въ товарища и друга рабочихъ, я сплошь и рядомъ терплю фіаско.

— Скажите, Романъ Висильевичъ, можете ли вы поручиться, что въ вашихъ мастерскихъ обойдется спокойно?

— Не могу. Я не могу даже сказать, что черезъ часъ у меня не выкинутъ краснаго флага. Положеніе наше похоже на обитателей зданія, выстроеннаго изъ горючаго, легко-воспламеняющагося матерьяла: одна искра и пожаръ готовъ.

— Кто же является зачинщикомъ и руководителемъ безпорядковъ?

— Молодежь, распущенная, безпутная молодежь. Старики — это спокойный, консервативный элементъ, безъ нихъ хоть закрывай мастерскія. Затѣмъ самымъ безпокойнымъ и вреднымъ элементомъ является крестьянскій элементъ. Городскіе рабочіе тише: семья сдерживаетъ. Вы представить себѣ не можете, какъ быстро развращается крестьянинъ въ непривычной для него средѣ.

Долго мы бесѣдовали съ Романомъ Васильевичемъ на тему рабочаго вопроса, и все сводилось къ тому, что дѣло плохо, и куда не кинь — вездѣ клинъ. Единственное средство спасти отъ разложенія семью, поднять нравственность, воспитать и перевоспитать рабочій классъ. Но мы чувствовали, что все это кра-

сивыя слова и широкіе планы, и оттого разговоръ нашъ носилъ тоскливую, безнадежную нотку.

А изъ мастерскихъ доносился шумъ, стукъ и лязгъ желѣза. Глухо стучали паровые молоты, имъ вторили молотобойцы-котельщики, визжали сверла, гудѣла варганка. И надъ этой дружной работой напрягались тысячи мускуловъ: тысячи закоптѣлыхъ и покрытыхъ потомъ рабочихъ людей поливали своимъ потомъ и кровью взошедшія сѣмена русской культуры. И казалось, что эта большая нива покрылась туманомъ и копотью, и на душѣ становилось еще тоскливѣй...»

Да, господа, надъ великою трудовою нивою стоитъ еще копоть и смрадъ отъ тлѣющей и разлагающейся буржуазіи... Но уже вѣетъ свѣжій вѣтеръ и разгоняетъ смрадъ и копоть... Еще нѣсколько хорошихъ порывовъ, и на зеленѣющую ниву, вспоенную потомъ и кровью рабочаго люда, съ голубого неба польются золотистые лучи яркаго солнца свободы.

Очерку развитія стачекъ въ Россіи мы предпослали нѣсколько данныхъ о рабочемъ движеніи въ столь «близкой» къ ней Японіи; заканчивая его мы остановимся на рабочемъ движеніи еще болѣе близкой Россіи странѣ — **Финляндіи.**

Финляндія, подобно Японіи, воюетъ въ настоящее время съ русскимъ «самодержавіемъ», но, война ея, въ противоположность чрезвычайно активной войнѣ японской, чисто «пассивная». Объ этой пассивной войнѣ очень много писалось въ русской революціонной печати, и мы уже давно читали въ «Искрѣ» торжественное заявленіе, что Рос. Соц. дем. Раб. П. поддержитъ Финляндскій народъ грозными манифестаціями въ различныхъ городахъ Россіи. Объ этихъ манифестаціяхъ и даже попыткахъ къ нимъ что-то ничего не слышно, а между тѣмъ финляндскій сенатъ успѣлъ уже послать русскому царю вѣрноподданическую телеграмму по поводу коварно-активныхъ дѣйствій Японіи.

Видимо, поднять русскій пролетаріатъ на защиту финляндской конституціи съ ея законнымъ политическимъ безправіемъ для всего финляндскаго рабочаго класса, не легко даже Ленину-Чемберлену, лишенному,

по свидѣтельству Плеханова, «чувства смѣшного», не легко даже Мартову, награжденному, по свидѣтельству его «сослуживцевъ», изрядною долею «истеричности»... Гораздо легче воспламеняться по поводу «политической свободы», «вѣковыхъ правъ», «вольности», «культурности» и прочихъ благъ, которыми якобы пользовался финляндскій «народъ» подъ сѣнью конституціи и воспитывать русскихъ либераловъ, указывая имъ на геройскіе подвиги либераловъ финляндскихъ; и надо отдать справедливость руководителямъ «Искры» они воспламенялись финляндскими «вѣковыми правами» съ «истеричностью» и воспитывали русскихъ либераловъ на финскихъ примѣрахъ безъ «чувства смѣшного».

Но сознательные русскіе пролетаріи не способны восторгаться конституціей, по которой неимущіе совсѣмъ лишены избирательнаго права, а имущіе имѣютъ тѣмъ больше голосовъ, чѣмъ выше ихъ доходы; они не могутъ восторгаться и «культурой», при которой «рабочій день» достигаетъ 15 и даже 16 часовъ, при чемъ въ мастерскихъ «не хватаетъ мѣста, свѣта, воздуха, чистоты*); они не считаютъ, наконецъ, нужнымъ заботиться о воспитаніи русскихъ либераловъ; поэтому имъ «финляндскія событія» важны не столько для того, «чтобы понять, какъ безпочвенны всякія надежды на мирное сожительство самодержавія съ какими бы то ни было началами европейскаго правового порядка», сколько для того, чтобы понять, какъ призрачна свобода рабочаго народа при какихъ бы ни было началахъ европейскаго буржуазнаго «правопорядка».

Болѣе $^1/_3$ населенія Финляндіи состоитъ изъ самыхъ «чистыхъ пролетаріевъ» не имѣющихъ буквально ни двора, ни кола, ни постояннаго угла. Они переходятъ съ мѣста на мѣсто, продавая за кусокъ хлѣба свою «дешевую» рабочую силу. Счастливы тѣ, которымъ удается продать себя, но часть этого «подвижнаго населенія» постоянно остается въ избыткѣ, безъ работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безъ куска хлѣба. И число этихъ бездомныхъ постоянно увеличивается.

---

*) См. Elna Malin. «Die Arbeiterbewegung in Finnland» «Die Neue Zeit» 22 Jahrg. № 24. Кромѣ этой статьи мы пользовались очерками рабочаго движенія въ сборникѣ «Финляндія» изд. подъ ред. Д. Д. Протопопова и статьей «О соціализмѣ въ Финляндіи» въ № 4 «Зари».

Особенно сильно растетъ число безземельныхъ сельскихъ батраковъ, такъ называемыхъ «тропарей», такъ какъ подъ вліяніемъ капиталистическаго производства крупное и среднее землевладѣніе очень быстро въ Финляндіи обезземеливаетъ мелкихъ крестьянъ.

Положеніе «тропарей» очень печально, нѣсколько лучше положеніе промышленныхъ рабочихъ, благодаря упорной экономической борьбѣ, которую они ведутъ съ хозяевами. Разумѣется и здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ *стачки*, которыя учащаются и разростаются. Въ началѣ 90-хъ годовъ въ годъ происходило отъ двухъ до трехъ болѣе или менѣе крупныхъ стачекъ, къ началу же новаго столѣтія ежегодное число крупныхъ стачекъ достигло 15. Стачки, какъ повсюду, создаютъ профессіональные союзы, и въ настоящее время болѣе 10% промышленныхъ рабочихъ соорганизованы въ союзы. Стачки съ самаго начала пришлись не по вкусу финляндской буржуазіи, «патріотическая печать» которой ведетъ противъ нихъ усиленную компанію. Такъ, напримѣръ, въ 1896 г. во время большой стачки строительныхъ рабочихъ, очень распространенная и очень патріотическая газета «U. Suometes» громила стачечниковъ, какъ подвергающихъ страну ужасамъ войны. «Стачка, по словамъ газеты та же война, и стачечники осуществляютъ свое право сильнаго». Разумѣется, и буржуазія должна осуществлять свое «право слабаго», и она его осуществляетъ, прибѣгая къ помощи русскаго самодержавія. Въ 1901 г. въ самый разгаръ «геройской борьбы» финской буржуазіи съ русскимъ самодержавіемъ, одно изъ предпринимательскихъ обществъ обратилось къ русскому правительству съ требованіемъ «прислать солдатъ для прекращенія вспыхнувшей стачки». Въ томъ же году финляндскіе капиталисты обратились къ тому же русскому правительству съ просьбой запретить рабочую газету, вредящую ихъ классовымъ интересамъ. Объ этихъ фактахъ, хорошо рисующихъ геройство финляндской буржуазіи, вы ничего не найдете въ «Искрѣ»; за то тамъ можно встрѣтить достаточно жалкихъ словъ по поводу обращенія за помощью, за кускомъ хлѣба умиравшихъ съ голоду гельсингфорскихъ безработныхъ *).

*) «Искра» вообще старается умалчивать о темныхъ явленіяхъ въ странахъ съ «законнымъ правопорядкомъ». Она утаила даже ма-

Пробовала финляндская буржуазія бороться съ ненавистными стачками и при помощи русскихъ рабочихъ, которыхъ она выписывала въ качествѣ штрейкбрехеровъ (нарушителей забастовки), но это имъ не не удалось, такъ какъ русскіе рабочіе нашли условія труда въ Финляндіи болѣе тяжелыми чѣмъ въ Россіи, и поспѣшили уйти изъ страны «вольности», «вѣковыхъ правъ», «культурности» и т. д.

Борьба со стачками и союзами ведется и своими финляндскими средствами.

Такъ, напримѣръ, во время стачки на заводѣ Каркули, вспыхнувшей вслѣдствіе непомѣрныхъ штрафовъ, полиція немедленно выселила забастовщиковъ изъ помѣщеній, принадлежавшихъ заводу, а судъ наложилъ затѣмъ на нихъ высокіе штрафы.

Нѣкоторые предприниматели принуждаютъ своихъ рабочихъ давать подписку, что они не принадлежатъ и не будутъ принадлежать ни къ какому рабочему союзу. Вообще и домашнихъ средствъ у финляндскихъ хозяевъ не мало.

Русскія власти относились къ финляндскому рабочему движенію сначала очень терпимо и допускали даже конгрессы рабочей партіи, на которыхъ пренія велись даже свободнѣе, чѣмъ на нѣмецкихъ партейтагахъ. Но теперь видя, какъ растетъ рабочее движеніе, принимая гораздо болѣе опасный характеръ, чѣмъ пассивная оппозиція буржуазіи, самодержавные русскіе чиновники начинаютъ принимать и по отношенію къ рабочей партіи «мѣры пресѣченія».

Въ концѣ концовъ рабочее движеніе объединитъ въ «мѣрахъ пресѣченія» финляндскую буржуазію съ русскимъ буржуазнымъ самодержавіемъ, но зато и финляндскій пролетаріатъ соединится съ русскимъ въ великомъ средствѣ противъ всякихъ правительственно-буржуазныхъ «мѣръ пресѣченія»—*«въ всеобщей стачкѣ.*

На своемъ пятомъ съѣздѣ, состоявшемся въ августѣ 1903 года въ Улеаборгѣ *финляндская рабочая организація внесла въ свою программу всеобщую стачку,*

нифестъ междунар. соц. бюро противъ массовыхъ убійствъ и истязаній негровъ въ Сѣвер.-Амер. Соед. Штатахъ. Эти истязанія и убійства (линчеванія) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ужаснѣе кишиневской рѣзни.

какъ крайнее средство для завоеванія всеобщей подачи голосовъ.

Русскій пролетаріатъ въ то же время внесъ всеобщую стачку въ русскую революціонную жизнь. Близко время, когда волна новаго великаго стачечнаго движенія прокатится по Россіи, и въ этотъ моментъ финляндская рабочая партія должна проявить свою программу, прибѣгнувъ къ «крайнему средству»; тогда, быть можетъ, русскіе, финляндскіе, польскіе, еврейскіе, латышскіе, литовскіе, грузинскіе, армянскіе и всѣ остальные «россійскіе» пролетаріи получатъ, наконецъ, право голоса, чтобы въ свободномъ соглашеніи создать свободныя условія труда и жизни.

Передъ нами развернулась теперь величавая картина борьбы пролетаріата во всемъ «цивилизованномъ» мірѣ. Мы видѣли, какъ боролся и борется рабочій классъ въ *двадцати* различныхъ государствахъ и не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ, Австраліи и даже Азіи. Повсюду борьба эта проявлялась и проявляется, главнымъ образомъ, въ стачкахъ, которыя становятся все болѣе обширными, массовыми, всеобщими... Развитіе стачечнаго движенія почти тождественно съ развитіемъ движенія рабочаго. Революціонная энергія, проявляемая пролетаріатомъ разныхъ странъ въ ихъ стачкахъ такъ велика, что, если бы она сконцентрировалась, если бы отдѣльныя стачечныя вспышки слились въ единый взрывъ стачки международной, то темныя силы международной буржуазіи не могли бы устоять; но чтобы буржуазный «порядокъ» насилія человѣка надъ человѣкомъ смѣнился пролетарскимъ порядкомъ свободной взаимопомощи, необходима не только энергія разрушающая, дезорганизующая, но и энергія организующая, энергія созидающая. Пролетаріатъ уже теперь въ состояніи пріостановить всю промышленную жизнь, но онъ еще не уяснилъ себѣ, не созналъ, какъ воспользоваться этой пріостановкой, чтобы положить начало жизни новой. У его представителей и вожаковъ нѣтъ плана, нѣтъ программы положительной дѣятельности для момента дезорганизаціи буржуазнаго порядка; они не идутъ дальше ожиданій *уступокъ* со стороны буржуазіи, они какъ бы надѣются,

что побѣжденная буржуазія сама создастъ для нихъ новую жизнь.

Пока пролетаріатъ можетъ лишь дезорганизовать буржуазную власть и предъявлять къ ней требованія, а не рѣшается взять въ свои руки и по своему организовать все производство, до тѣхъ поръ его революціонное сознаніе не достигло побѣдоносной высоты. Исторія рабочаго движенія въ большинствѣ странъ показываетъ намъ, что во время всеобщихъ стачекъ пролетаріатъ развиваетъ огромную революціонную энергію, которая разбивалась и падала не столько подъ ударами буржуазнаго государства, сколько отъ отсутствія положительной, творческой задачи, на разрѣшеніе которой она могла бы быть направлена. Для направленія развившейся во время всеобщей стачки революціонной энергіи на созданіе условій для новой жизни необходима *предварительная организація* наиболѣе сознательныхъ пролетаріевъ, необходима продуманная соціалистическая программа практическихъ мѣръ, необходимъ ясный планъ дѣйствій.

Далеко не такъ важна предварительная организація для возникновенія и развитія самой всеобщей стачки. Мы видѣли, что самыя могучія, самыя грандіозныя всеобщія стачки возникали и протекали стихійно и совершенно «неожиданно» для организованныхъ революціонеровъ, считавшихъ себя представителями пролетаріата. Даже профессіональные союзы рабочихъ при всеобщихъ стачкахъ-возстаніяхъ играютъ сравнительно второстепенную роль, что доказываетъ, хотя-бы, примѣръ Россіи, гдѣ профессіональныхъ союзовъ почти нѣтъ, а между тѣмъ она пережила рядъ по-истинѣ великихъ стачекъ. Это не противорѣчитъ несомнѣнному факту, что стачки создаютъ профессіональные союзы.

«Подготовительныя» и назначенныя на опредѣленный день всеобщія забастовки, рѣдко удаются; это объясняется тѣмъ, что время наивысшаго напряженія революціоннаго настроенія не можетъ быть разсчитано заранѣе и обыкновенно оно наступаетъ раньше, чѣмъ думаютъ руководители: считая *себя не готовыми*, они задерживаютъ и ослабляютъ стачку; между тѣмъ правительство и вся буржуазія, отъ которыхъ не удается скрыть назначенное время забастовки, дѣйстви-

тельно приготовляются, и силы ихъ тогда гораздо труднѣе дезорганизовать.

Для всеобщности стачки, какъ мы видѣли, нѣтъ необходимости въ предварительномъ уговорѣ. Разъ въ рабочей средѣ накопилось вслѣдствіе явленій, сопровождающихъ промышленный кризисъ, достаточно массового негодованія и вообще революціонной энергіи, то стоитъ забастовать небольшой группѣ, естественно состоящей изъ наиболѣе развитыхъ и революціонно настроенныхъ рабочихъ, чтобы стачка стала захватывать сосѣдніе фабрики и заводы съ быстротою пламени.

Отряды забастовщиковъ переходятъ отъ фабрики къ фабрикѣ, отъ завода къ заводу и «закрываютъ» ихъ. Характерную картину этихъ «походовъ» и «закрытій» мы видѣли въ Англіи, въ Америкѣ, во Франціи, въ Россіи и т. д. Повсюду стачечники дѣйствуютъ совершенно одинаково, хотя о какой-нибудь традиціи или примѣрѣ не можетъ быть и рѣчи. Бакинскіе рабочіе, разумѣется, не знали, какъ во время всеобщихъ стачекъ дѣйствовали рабочіе англійскіе, французскіе и т. п. Очевидно, эта тактика вытекаетъ изъ одинаковыхъ условій и одинаковой психологіи борющагося пролетаріата въ различныхъ странахъ.

Причины всеобщихъ стачекъ глубоки и значительны, но *поводы*, какъ мы видѣли, *обыкновенно* очень незначительны; вмѣстѣ съ развитіемъ стачки, съ ея подъемомъ поводы выступаютъ на задній планъ и выдвигаются причины; стачка пріобрѣтаетъ *соціальный* характеръ въ революціонномъ значеніи этого слова, она становится одновременно *и политической, и экономической*, она направляется противъ всей неправды современнаго соціальнаго строя. Неизбѣжное вмѣшательство государства въ лицѣ всѣхъ его «властей» придаетъ всякой *всеобщей стачкѣ*, возникшей на экономической почвѣ, политическій характеръ; съ другой стороны стачка, возникающая для политической цѣли, не можетъ потерять своего экономическаго характера, такъ какъ, чтобы быть дѣйствительной, она должна нанести экономическій ударъ интересамъ буржуазіи. Вообще всеобщая стачка, какъ проявленіе классовой борьбы, не можетъ быть только экономической или только политической. Въ своемъ развитіи она, повторяемъ, не-

избѣжно ведетъ къ *соціальной революціи*. Это прекрасно понимаетъ буржуазія, даже самая радикальная. Бельгійскіе либералы шли рука объ руку къ соціалистами въ борьбѣ за всеобщее избирательное право, пока дѣло ограничивалось парламентской борьбой, митингами и демонстраціями, но какъ только пролетаріатъ прибѣгъ къ всеобщей стачкѣ, союзъ сразу распался и либералы приготовились защищать «порядокъ». Они сразу поняли, что всеобщая стачка переростаетъ поставленную вожаками политическую цѣль, что она грозитъ соціальной революціей. Испугались не только либералы, но и нѣкоторые «соціалисты», которые будучи сторонниками *незамѣтной* соціальной *эволюціи*, всѣ свои силы напрягаютъ на «спасеніе» пролетаріата отъ соціальной революціи.

Всеобщая стачка дезорганизуетъ весь соціальный строй; она бьетъ всѣ силы буржуазіи отъ рантье, мирно рѣжущихъ кулоны, до дѣятельныхъ предпринимателей, она бьетъ, наконецъ, и политическаго представителя буржуазіи — правительство.

Нарушеніе обычныхъ способовъ передвиженія и сообщенія останавливаетъ правильный ходъ государственной жизни, а между тѣмъ исторія всеобщихъ стачекъ показываетъ, что забастовки чаще всего начинаютъ рабочіе и служащіе по транспорту: желѣзнодорожные, портовые и т. д. Кромѣ того во многихъ стачкахъ правительство является самымъ крупнымъ предпринимателемъ, и остановка производства вредитъ его финансамъ.

Революціонное настроеніе во время всеобщихъ забастовокъ такъ заразительно, что оно иногда захватываетъ войско, ослабляя его дисциплину и заставляя правительство быть крайне осторожнымъ въ «военныхъ дѣйствіяхъ» противъ стачечниковъ. При всякой крупной всеобщей стачкѣ являются «зловѣщіе» для буржуазіи признаки ослабленія, нерѣшительности, замѣшательства правительственной власти. Чѣмъ абсолютнѣе правительственная власть, чѣмъ меньше у ней связи съ народомъ, чѣмъ меньше она укрѣплена правовыми нормами, конституціей, парламентомъ, «народной волей» и т. д., чѣмъ исключительнѣе она опирается на штыки и нагайки, тѣмъ опаснѣе для нея всеобщія стачки, тѣмъ революціоннѣе онѣ протекаютъ,

тѣмъ сильнѣе онѣ расшатываютъ государственный организмъ; оттого то въ Россіи всеобщія забастовки и имѣютъ такое огромное революціонное значеніе.

Нанося удары буржуазіи, нанося удары ея правительству, расшатывая соціальный строй, всеобщія стачки тѣмъ самымъ разрушаютъ государство.

Въ борьбѣ съ государствомъ, которое мы понимаемъ, какъ организованное насиліе класса имущихъ надъ классомъ неимущихъ, нѣтъ болѣе сильнаго оружія, какъ всеобщая стачка; и она тѣмъ опаснѣе для него, чѣмъ болѣе оно вмѣшивается въ національное промышленное производство и обращеніе, чѣмъ большую долю ихъ оно захватываетъ въ свои руки. Въ этомъ отношеніи русское государство занимаетъ первое мѣсто. Русское правительство думало укрѣпить себя, превращаясь въ колоссальное промышленное предпріятіе съ казенными желѣзными дорогами, съ винной монополіей и пр., но этимъ оно лишь подставило себя подъ удары всеобщихъ стачекъ.

Рабочіе массы въ началѣ всеобщихъ забастовокъ переживаютъ обыкновенно высокій нравственный подъемъ. Ихъ охватываетъ чувство товарищеской солидарности («всѣ за каждаго, каждый за всѣхъ»), чувство свободы, самостоятельности... Настроеніе у нихъ радостное, торжественное.

Но это пролетарское настроеніе быстро разрушается злобой и жестокостью буржуазіи и ея наемниковъ... Раздаются ружейныя залпы, льется пролетарская кровь. Настроеніе стачечниковъ измѣняется. Ихъ охватываетъ порывъ негодующаго возмущенія, жажда разрушенія. И въ этотъ порывъ уходитъ масса энергіи, которая при существованіи крѣпкой организаціи сознательныхъ пролетаріевъ, готовыхъ не только къ пораженію, но и къ побѣдѣ, могла бы быть направлена на закладку первыхъ устьевъ новаго строя.

Но и въ моменты возмущенія стачечники разрушаютъ лишь «собственность» и щадятъ людей; въ ихъ крови закипаетъ жажда разрушенія, но не подлая жажда человѣческой крови. И собственность они не присваиваютъ, а разрушаютъ.

Впрочемъ, не только въ моменты погромовъ, но и во время мирныхъ періодовъ всеобщей стачки, стачечники обыкновенно считаютъ себя въ правѣ требо-

вать, чтобы лавочники безвозмездно дѣлились съ ними жизненными припасами. Это «нарушеніе права частной собственности», этотъ «дневной грабежъ» можетъ, конечно, сильно возмущать екатеринославскихъ или даже женевскихъ базарныхъ торговокъ, но пролетаріи понимаютъ, что онъ — одно изъ существенныхъ условій успѣшности «всеобщихъ стачекъ», которыя ведутся *во имя подчиненія права собственности праву на жизнь*.

Вообще къ *дѣйствительнымъ*, а не воображаемымъ *всеобщимъ стачкамъ*, къ всеобщимъ стачкамъ, которыми борется и которыми побѣдитъ пролетаріатъ, совсѣмъ не подходятъ извѣстныя слова Вандервельда:

«Рабочіе скрестили руки, чтобы добиться справедливости», слова, взятыя, между прочемъ, *совсѣмъ не кстати* Правдинымъ, какъ «motto» къ его брошюрѣ: «Революціонные дни въ Кіевѣ».

Просто «скрестивъ руки», никакой «справедливости» не добьешься, и рабочіе, устраивая всеобщія забастовки, никогда не скрещиваютъ руки, а дѣйствуютъ очень энергично и активно: «закрываютъ» фабрики и заводы, которые не забастовали сами, отвинчиваютъ въ машинахъ винты и пр., останавливаютъ поѣзда, загораживая путь, перерѣзываютъ телеграфныя проволоки, устраиваютъ демонстраціи, народныя собранія и т. д. И больше всего именно отъ активности, проявляемой забастовщиками, зависитъ успѣхъ всеобщей стачки.

Понятно, что буржуазные идеологи, какъ тѣ, которые остаются въ рядахъ буржуазіи, такъ и тѣ, которые вступаютъ въ ряды пролетаріата, чтобы спасать его отъ революціонныхъ увлеченій, яростно нападаютъ на всеобщія стачки, стараясь доказать ихъ «невозможность». И эту невозможность они «доказываютъ» съ тѣмъ большимъ азартомъ, чѣмъ чаще въ дѣйствительности происходятъ всеобщія забастовки. Имъ ненавистны дѣйствительныя забастовки, по свою критику они направляютъ противъ воображаемыхъ.

Среди критиковъ «всеобщей стачки» есть, конечно, не мало людей, искренно преданныхъ рабочему дѣлу. Это или политики, слишкомъ увлеченные избирательной борьбой и парламентскою дѣятельностью, слишкомъ затянутые въ атмосферу партійныхъ интересовъ, которые далеко не всегда совпадаютъ съ интересами

рабочаго класса, или руководители профессіональныхъ союзовъ, слишкомъ ушедшіе въ мелкую работу профессіональной организаціи. И тѣ и другіе такъ свыклись со своей дѣятельностью, такъ полюбили ее, что *она для нихъ превратилась изъ средства въ цѣль;* они инстинктивно боятся всего, что можетъ нарушить мирный ходъ этой дѣятельности, съ ея маленькими успѣхами, съ ея «отрадными фактами»; любовь къ этой мелкой дѣятельности невольно переносится и на тотъ общественный строй, въ которомъ она совершается; они хотятъ его улучшать, но имъ жалко его разрушать; умственный ихъ кругозоръ суживается, они видятъ, что дѣлается въ партіи или профессіональномъ союзѣ, но они закрываютъ глаза на рабочее движеніе во всемъ его цѣломъ, стараясь считаться только съ «дѣйствительностью», они игнорируютъ ее больше, чѣмъ самые крайніе «утописты».

Только пренебреженіе къ дѣйствительности могло породить безсмысленную фразу дипломата нѣмецкой соціалдемократической партіи Ауэра: «Всеобщая стачка — всеобщая безсмыслица», фразу съ безсмысленнымъ восторгомъ подхваченную всѣми минимальными нѣмецкими соціалдемократами, какъ политиками, такъ и экономистами или, вѣрнѣе, профессіоналистами.

Въ подтвержденіе этого положенія противники всеобщихъ стачекъ не могутъ привести ничего, кромѣ пресловутаго «доказательства» Либкнехта, которое онъ выдвинулъ на парижскомъ конгрессѣ 1889 г. противъ французскаго соціалиста Трессо, считавшаго международную всеобщую стачку началомъ соціальной революціи.

По нѣмецкому отчету *) о парижскомъ конгрессѣ Либкнехтъ «доказалъ» невозможность всеобщихъ стачекъ слѣдующимъ образомъ:

«Всеобщая стачка — вещь невозможная, такъ какъ она предполагаетъ (?) такую сильную и единую организацію рабочихъ, какой въ данное время не существуетъ и которая въ буржуазномъ обществѣ вообще не можетъ (?) существовать. Англійскіе рабочіе въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ были превосходно (!) организованы, гораздо лучше, чѣмъ французы теперь,

*) Отчетъ редактированъ самимъ Либкнехтомъ.

и все же ихъ крупныя стачки не удались, точно также какъ и другія попытки всеобщей забастовки. Но, если у рабочихъ когда-нибудь будетъ такая сильная организація, что они могли бы провести всеобщую стачку, то надо надѣяться, что они бы таковой не удовольствовались, но сдѣлали бы *лучшее (?)* употребленіе изъ своей организаціи. Тогда они — господа міра. И *останавливать тогда работу* было бы безграничной глупостью».

Очень рѣшительно! Но доказательства невозможности и глупости всеобщихъ стачекъ здѣсь все же нѣтъ, а есть лишь рядъ произвольныхъ утвержденій, уже отчасти опровергнутыхъ дѣйствительностью. Всеобщая стачка, по словамъ Либкнехта, предполагаетъ такую организацію, которая вообще невозможна въ буржуазномъ обществѣ, между тѣмъ русскія всеобщія стачки, едва-ли не самыя могучія изъ всѣхъ когда-либо потрясавшихъ буржуазный міръ, захватили цѣлые города и области, гдѣ пролетаріи совершенно не были организованы.

Какъ англійскія, такъ и другія всеобщія забастовки, по словамъ Либкнехта, не удались. Но какъ понимать «удачу»? Если ее понимать въ смыслѣ рѣшительной побѣды пролетаріата, то онъ вообще такой еще не одерживалъ; правда, нѣмецкіе соціалдемократы на каждыхъ выборахъ одерживаютъ «блестящія побѣды», но у нихъ послѣ 40 лѣтъ избирательной борьбы всего 78 депутатовъ изъ 397 въ рейхстагѣ и нѣтъ ни одного ни въ прусскомъ, ни въ саксонскомъ ландтагѣ. Они не могутъ ни провести, ни отмѣнить ни одного закона.

Если же понимать удачу въ смыслѣ увеличенія и укрѣпленія боевыхъ силъ пролетаріата, то всеобщія стачки, какъ показываетъ ихъ исторія, были болѣе удачными, чѣмъ самыя блестящія избирательныя «побѣды».

Если у рабочихъ, говоритъ Либкнехтъ, будетъ когда-нибудь такая организація и т. д., то они сдѣлаются господами міра и было бы безграничной глупостью останавливать тогда работу... Но, вѣдь, такая организація въ буржуазномъ обществѣ «невозможна», и не глупо ли говорить о господствѣ рабочихъ, вытекающемъ изъ невозможнаго предположенія?

При «невозможной» организаціи рабочіе, — дума-

етъ Либкнехтъ — не удовольствуются всеобщей стачкой. Мы думаемъ, что они не удовольствуются ею и при возможной организаціи, но это отнюдь не говоритъ противъ возможности и цѣлесообразности всеобщей стачки.

Произвольныя утвержденія Либкнехта могли показаться неопровержимымъ доказательствомъ лишь вслѣдствіе преклоненія передъ его авторитетомъ. Но преклоняться передъ авторитетомъ Либкнехта нужно съ осторожностью. Это былъ честный, самоотверженный борецъ за освобожденіе рабочаго класса, но сужденія его часто были произвольны и ему часто приходилось отъ нихъ отказываться.

Извѣстенъ его пародоксъ: «Если условія измѣнятся 24 раза въ сутки, то и я измѣню тактику 24 раза».

Въ устахъ научнаго соціалиста этотъ пародоксъ звучитъ очень странно. Для научнаго соціалиста условія не могутъ мѣняться каждый часъ, и его тактика опредѣляется не «случайностями», а законами, по которымъ развивается общество. Общественныя условія не флюгера, которыя сегодня вертятся въ одну сторону, завтра въ другую; они мѣняются, потому что развиваются, но это развитіе совершается закономѣрно. Не только теорія, но и тактика научнаго соціалиста должна быть *принципіальна*. Взгляды Либкнехта на тактику мѣнялись не потому, какъ онъ утверждалъ, что общественныя условія мѣнялись, а потому, что мѣнялся онъ самъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго проникновенія въ общественное развитіе, а также отъ возраста, настроенія и пр.

Ошибаться свойственно человѣку. Жаль только, что Либкнехтъ свои пародоксы высказывалъ всегда тономъ непогрѣшимости и вводилъ въ соблазнъ многихъ «изъ малыхъ сихъ».

Въ 1869 г. Либкнехтъ не находилъ достаточно сильныхъ словъ противъ участія въ положительной парламентской дѣятельности: «близорукость», «предательство», и т. д. «Соціализмъ» — говорилъ онъ — «болѣе не вопросъ теоріи, но вопросъ силы, который можно разрѣшить подобно всякому другому вопросу силы на улицѣ, на полѣ битвы, а не въ парламентѣ».

Въ 1891 г. тотъ же Либкнехтъ не видѣлъ для побѣды соціализма никакого другого средства, кромѣ

парламентской дѣятельности, и жестоко нападалъ на борьбу со зломъ насиліемъ.

«Если бы за нами—говоритъ онъ на Эрфуртскомъ партейтагѣ—стояло столько силы, какъ за буржуазными партіями, тогда рейхстагъ былъ бы для насъ также мало безплоденъ, какъ теперь для *другихъ*, — «защелка законодательства» работала бы для насъ также хорошо, какъ она работаетъ для нашихъ противниковъ. Этимъ не сказано, что на пути законодательства могутъ быть разрѣшены *всѣ* вопроса; *но укажите мнѣ еще другой путь, который велъ бы къ цѣли!* Правда, по мнѣнію того или другого, есть еще другой путь, путь *насилій*. Мы подготовляемся втайнѣ или какъ нибудь иначе къ тому моменту, когда, вторгнувшись съ насиліемъ, мы можемъ однимъ ударомъ измѣнить условія. Ну, тогда мы приходимъ къ *анархизму*...»

«Если мы центръ тяжести переносимъ на моментъ механическаго насилія, то мы становимся на точку зрѣнія нашихъ враговъ. Бисмаркъ былъ человѣкомъ грубого насилія, человѣкомъ политики крови и желѣза. Никто никогда не располагалъ большими средствами насилія и не пользовался ими съ меньшими стѣсненіями. И успѣхъ? Гдѣ онъ? Въ теченіе четверти вѣка онъ безгранично располагалъ полиціей, арміей, капиталомъ, государственной силой, словомъ всѣми механическими средствами силы; — мы не могли ему противопоставить ничего, кромѣ нашего добраго права, нашего искренняго убѣжденія, открытой груди, и *мы побѣдили*. Наше оружіе было лучшимъ! Въ концѣ концовъ грубая сила должна отступить передъ моральными факторами, передъ логикой фактовъ. Бисмаркъ лежитъ раздавленнымъ на землѣ — а соціалдемократія — сильнѣйшая*) партія Германіи! »

И вслѣдъ за этими почти толстовскими тирадами противъ борьбы насиліемъ слѣдуетъ заявленіе, что соціалдемократы обязаны участвовать въ «*справедливой войнѣ*»!

---

*) *Необходимое примѣчаніе:* Соціалдемократія — «сильнѣйшая партія Германіи» уже болѣе 13 лѣтъ, но до сихъ поръ у нея не хватаетъ еще силы провести черезъ парламентъ даже *десятичасовой* рабочій день. Бисмаркъ «раздавленъ», но Бюловы здравствуютъ!

Мы привели эту тираду противъ борьбы насиліемъ съ одновременнымъ признаніемъ «справедливыхъ войнъ», такъ какъ это тактическое настроеніе Либкнехта чрезвычайно характерно для всѣхъ современныхъ противниковъ всеобщей стачки, принадлежащихъ къ лагерю соціалдемократовъ.

Опредѣленіе всѣхъ соціалдемократическую тактику, исключающую возможность всеобщихъ стачекъ, выяснилъ недавно одинъ изъ главныхъ ревизіонистовъ, извѣстный докторъ Давидъ.

Доказавъ всѣ выгоды мирной законной дѣятельности при данныхъ нѣмецкихъ условіяхъ, Давидъ ставитъ вопросъ: «Но если на этомъ пути къ мирной силѣ противъ насъ выступятъ «люди дѣла», если постараются пригнуть насъ *репрессивными мѣрами*, если намъ будутъ навязывать *рѣшительный бой*, что должны мы тогда дѣлать?

«Ну, тогда мы *противопоставимъ законность незаконности, насиліе встрѣтимъ миролюбіемъ*. Это — единственный путь, сломитъ въ концѣ концовъ насиліе, это единственное боевое средство противъ штыка. Намъ придется позаботиться, чтобы вся тяжесть моральнаго осужденія пала на тѣхъ, которые попытаются, примѣненіемъ насилія воспрепятствовать развитію соціалдемократическаго культурнаго движенія».

Этотъ законно-миролюбивый выводъ у Давида логически вытекаетъ изъ аксіомы «всеобщая стачка — всеобщая безсмыслица», какъ изъ нея же у всѣхъ буржуазныхъ «вожаковъ» пролетаріата вытекаетъ положеніе: «пролетарская революція — безсмыслица».

Либкнехтъ призывалъ товарищей эмансипироваться отъ революціонной фразы. Они, вѣрные его теоріи, отвергающей всеобщую стачку и насиліе, эмансипировались не только отъ революціонной фразы, но и отъ самой революціи. Благо имъ! Ихъ законность, правда, не убьетъ «людей дѣла», но зато незаконность послѣднихъ, принявъ во вниманіе ихъ миролюбіе, тоже не будетъ жестокой и въ худшемъ случаѣ лишь высѣчетъ ихъ, но не убьетъ.

Къ соціалдемократамъ, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они не эмансипировались отъ революціи, принадлежитъ Каутскій, и онъ недавно доказалъ спра-

ведливость этого обвиненія, очень рѣшительно выступивъ на защиту политической всеобщей стачки.

Въ послѣдней главѣ своихъ очерковъ «Allerhand Revolutionäres»*) («Die Neue Zeit» 22 Febr. и 5 März 1904) Каутскій дѣлаетъ много вѣрныхъ замѣчаній о силѣ, значеніи и методѣ всеобщей стачки, но онъ жестоко ошибается, полагая, что условія успѣшности «политической стачки» «нельзя изучать на обыкновенныхъ стачкахъ, предпринимаемыхъ съ экономическими цѣлями».

«Ибо политическая и экономическая стачка» — говоритъ онъ — означаютъ двѣ вещи *совершенно* различныя»!

«Всѣ экономическіе факторы, которые благопріятствуютъ успѣху рабочихъ, имѣются при массовой стачкѣ тѣмъ менѣе, чѣмъ больше она становится всеобщей, генеральной стачкой». Массовыя стачки по симпатіи и «анархическія» «часто сбрасываются въ одну кучу съ политической массовой стачкой, но у нихъ — говоритъ Каутскій — ничего общаго, кромѣ внѣшности, что въ обоихъ случаяхъ большія рабочія массы самыхъ различныхъ профессій прекращаютъ работу. Но ихъ задачи очень различны. При стачкѣ по симпатіи самыхъ широкихъ размѣровъ дѣло идетъ о томъ, чтобы усилить экономическое давленіе бастующихъ рабочихъ на особый слой предпринимателей давленіемъ буржуазнаго общества и буржуазнаго государства, давленіемъ, вытекающемъ изъ того, что все буржуазное общество, при уступкѣ отдѣльныхъ предпринимателей, можетъ лишь выиграть, но не потерять. При политической массовой забастовкѣ, наоборотъ, производится экономическое давленіе на предпринимателей, чтобы не ихъ, но буржуазное общество и государство принудить къ капитуляціи передъ рабочими».

Каутскій здѣсь проявляетъ довольно странное по-

*) Эти очерки появились въ «Die Neue Zeit» уже послѣ того, какъ наши очерки о развитіи стачечнаго движенія въ различныхъ странахъ были уже сданы въ печать; мы не могли потому упомянуть о взглядѣ Каутскаго, когда говорили о полемикѣ по вопросу о всеобщей стачкѣ, возникшей въ «Die Neue Zeit» послѣ дрезденскаго партейтага.

ниманіе *внѣшняго* сходства. Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о проявленіи классовой рабочей солидарности путемъ массового прекращенія работы, въ обоихъ случаяхъ рабочіе оказываютъ пріостановкой обычной промышленной жизни давленіе на государство и буржуазное общество, можно ли говорить въ такомъ случаѣ лишь о *внѣшнемъ* сходствѣ, не правильнѣе ли видѣть между этими двумя явленіями глубокую *внутреннюю связь*, коренящуюся въ общихъ источникахъ классовой солидарности, классовой борьбы и силы экономической необходимости пролетарскаго труда.

Съ другой стороны Каутскій находитъ тѣсную связь между политической стачкой и борьбой на баррикадахъ, между тѣмъ, какъ здѣсь можетъ быть рѣчь лишь объ *аналогіи*.

И какое странное для ортодоксальнаго марксиста противопоставленіе политической борьбы борьбѣ экономической? Жизнь этой противоположности не знаетъ. Исторія рабочаго движенія даетъ, какъ мы видѣли, много примѣровъ превращенія экономическихъ стачекъ въ политическія. Ростовская стачка 1902 г. возникла на экономической почвѣ, но развѣ она не носила политическаго характера? Ланкаширская стачка 1842 г. возникла тоже на чисто экономической почвѣ, но развѣ она не явилась политическимъ протестомъ и демонстраціей въ пользу «хартіи»? Почему всеобщая стачка, возникающая для достиженія законодательнаго ограниченія рабочаго дня, не имѣетъ *ничего общаго* съ всеобщей стачкой изъ за расширенія избирательныхъ правъ, нужныхъ рабочимъ прежде всего для ограниченія рабочаго дня, почему эти двѣ стачки противоположны — понять совершенно невозможно.

Исторія рабочаго движенія самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ и теоретическое утвержденіе Каутскаго, что при экономической стачкѣ рабочіе тѣмъ менѣе могутъ разсчитывать на успѣхъ, чѣмъ болѣе всеобщій характеръ принимаетъ стачка. При кіевской, напримѣръ, стачкѣ различныя категоріи рабочихъ добились экономическихъ уступокъ, несомнѣнно, благодаря общему натиску на казенныхъ и частныхъ предпринимателей. Каутскій свое утвержденіе, основываетъ, главнымъ образомъ, на томъ, что распространеніе стачки на предпріятія различныхъ хозяевъ и различ-

ныхъ отраслей труда, уничтожаетъ конкурренцію между предпринимателями, подъ давленіемъ которой часть предпринимателей могла бы уступить. Но въ дѣйствительности эта благопріятная рабочимъ конкурренція съ развитіемъ рабочаго движенія играетъ все меньшую и меньшую роль. У хозяевъ тоже несомнѣнно развивается классовая солидарность, и они теперь уже умѣютъ поступаться небольшими выгодами передъ опасностью, грозящею господству всего ихъ класса. Соглашенія между хозяевами для общей борьбы съ рабочими явленіе теперь обычное, и нерѣдко именно общность дѣйствій предпринимателей съ естественной необходимостью вызываетъ общность дѣйствій рабочихъ, т. е. всеобщую стачку.

Плохо, если въ своей борьбѣ рабочіе будутъ разсчитывать на конкурренцію между хозяевами, имъ надо прежде всего расчитывать на свою собственную солидарность, на силу массового натиска, передъ которымъ предпринимателямъ приходится отступать и независимо отъ ихъ конкурренціи или солидарности. Во время стачки въ Криммитчау соціалдемократическія газеты были полны этими надеждами на конкурренцію хозяевъ, и, можетъ быть, отчасти поэтому криммитчаускіе ткачи потерпѣли такое рѣшительное пораженіе. Впрочемъ самъ Каутскій, выясняя условія и методы политической стачки, невольно доказываетъ глубокую связь между забастовками политическими и забастовками экономическими и опровергаетъ свое утвержденіе, что условія, при которыхъ должны происходить первыя, нельзя изучать на основаніи послѣднихъ.

Условія и методы политической стачки, которыя онъ выводитъ, такъ сказать, дедуктивно изъ современныхъ общественныхъ, въ частности производственныхъ отношеній, во многомъ совпадаютъ съ положеніями, къ которымъ мы пришли индуктивно, твердо держась фактовъ изъ исторіи экономическихъ стачекъ. Здѣсь талантъ и революціонная прозорливость Каутскаго проявляются во всей своей силѣ. «То, что болѣе не удается борьбѣ на баррикадахъ — говоритъ онъ — то должна теперь произвести политическая стачка, — *дезорганизовать правительство*, ставя одновременно наивысшія требованія къ его силѣ, разсудительности и послѣдовательности, и такимъ обра-

зомъ или заставить его отступить, или принудить отказаться отъ власти. Она становится пробою силы между государственной и пролетарской организаціей. Однимъ ударомъ останавливается все производство, массы рабочихъ выносятся на улицу, на массу мелкой и крупной буржуазіи нападаетъ безумный страхъ, страхъ за жизнь, страхъ за собственность, вся вооруженная сила принуждается къ постоянной изнурительной дѣятельности, такъ какъ каждый собственникъ въ странѣ требуетъ ея охраны, и масса забастовщиковъ, находясь повсюду и нигдѣ, избѣгаетъ всякаго столкновенія съ вооруженной силой и повсюду собирается, гдѣ ея нѣтъ»...

«*Что вѣрно для каждой стачки, то въ особенности вѣрно для стачки политической: большая часть ея воздѣйствія пропадаетъ, если ее назначаютъ на опредѣленный срокъ*».

«*Политическая стачка имѣетъ наибольшіе шансы на успѣхъ тогда, когда она внезапно выростаетъ изъ даннаго положенія, которое всю народную массу приводитъ въ глубочайшее возбужденіе*».

«*Нѣтъ ничего ошибочнѣе взгляда, что весь рабочій классъ долженъ быть профессіонально организованъ, прежде чѣмъ можно начать политическую массовую стачку*».

Съ политической стачкой «нельзя играть, нельзя обязываться произвести ее къ опредѣленному сроку; если пришло для нея время, если рабочіе энергично требуютъ ея и борьба противъ правительства загорается, тогда побѣда тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ скорѣе за рѣшеніемъ забастовать слѣдуетъ выполненіе безъ колебаній, безъ переговоровъ, безъ успокоеній, прежде чѣмъ противники собрали свои силы и средства и составили свой планъ похода; она тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ меньше даютъ имъ времени опомниться и свободно вздохнуть».

Каутскій прекрасно понимаетъ, что соотношеніе между производствомъ, передвиженіемъ и правительственнымъ механизмомъ въ современномъ обществѣ крайне благопріятно для успѣха всеобщей стачки.

«Правительственный механизмъ въ настоящее время становится все въ большую и большую зависимость отъ классовъ, трудящихся изъ за заработной платы.

Все экономическое и политическое развитіе ведетъ къ тому, что предпріятія переходятъ въ руки государства и вся государственная жизнь все болѣе и болѣе обусловливается правильнымъ функціонированіемъ этихъ предпріятій. *Прежде всего сюда относится транспортъ»*...

«Будутъ ли желѣзнодорожныя предпріятія частными или государственными, ненарушимость ихъ дѣятельности все болѣе становится вопросомъ жизни для современныхъ государствъ; желѣзнодорожные служащіе подвергаются поэтому все болѣе строгой дисциплинѣ, и въ то же время военныя силы обучаются для выполненія желѣзнодорожной службы. Но какъ разъ желѣзнодорожные служащіе на ряду съ рабочими въ казенныхъ рудникахъ изъ всѣхъ крупныхъ слоевъ наемныхъ рабочихъ всего непосредственнѣе заинтересованы въ томъ, чтобы добиться правительства, зависящаго отъ пролетаріата, они всего непосредственнѣе чувствуютъ, если правительство враждебно пролетаріату. Съ другой стороны правительство при другихъ равныхъ условіяхъ чувствуетъ тѣмъ капиталистичнѣе, чѣмъ больше государственныхъ предпріятій, чѣмъ многочисленнѣе эксплуатируемые ими рабочіе, чѣмъ непосредственнѣе его интересъ въ капиталистической прибыли.

Усиливающійся переходъ предпріятій въ государственную собственность является такимъ образомъ прежде всего не средствомъ мирнаго вростанія въ соціализмъ, а *средствомъ внести современныя классовыя противоположности и классовую борьбу въ самый государственный механизмъ и сдѣлать его черезъ это чувствительнѣе»*.

Всѣ эти теоретическіе выводы, какъ мы видимъ, находятъ себѣ подтвержденіе въ практикѣ всеобщихъ стачекъ, возникающихъ на экономической почвѣ; и Каутскій могъ бы еще увѣреннѣе говорить о побѣдоносной силѣ массовыхъ забастовокъ, если бы онъ не старался выдѣлить «политическую стачку», какъ нѣчто совершенно независимое отъ всего остального стачечнаго движенія. Внимательное отношеніе къ стачечной *практикѣ* показало бы также Каутскому, что успѣхъ всеобщей стачки нельзя ставить, какъ дѣлаетъ

онъ, въ зависимость отъ соблюденія рабочими «цѣлесообразной пассивности».

«Если забастовщикамъ — говоритъ онъ — удастся сохранить свою сплоченность и свою цѣлесообразную пассивность до тѣхъ поръ, пока правительственная власть дезорганизуется въ какомъ нибудь пунктѣ... то пролетаріатъ на пути къ побѣдѣ».

Нѣтъ! Пролетаріатъ только тогда на пути къ побѣдѣ, когда ему удастся сохранить свою сплоченность и проявить цѣлесообразную активность.

Всеобщія стачки, нережитыя и переживаемыя міровымъ пролетаріатомъ, и являются средствомъ укрѣпленія его сплоченности и воспитаніемъ къ цѣлесообразной активности въ моментъ дезорганизаціи современнаго государства.

Современныя массовыя или всеобщія стачки, какъ профессіональныя, такъ и порайонныя, подготовлены частичными стачками на отдѣльныхъ фабрикахъ и въ свою очередь подготовляютъ еще высшую форму стачечнаго движенія — стачки международныя. Вмѣстѣ съ развитіемъ и расширеніемъ стачечнаго движенія, развиваются и расширяются его задачи. Международной формѣ стачекъ должна соотвѣтствовать и международная, задача ихъ — соціальное освобожденіе пролетаріата. При международномъ характерѣ капиталистическаго производства и хозяина его — буржуазіи — немыслима соціальная революція, ограниченная предѣлами одного государства, но, конечно, международную стачку, которой будетъ положено начало соціальной революціи, еще меньше можно «назначить», чѣмъ всеобщую стачку какого нибудь города или района. Она, вѣроятно, какъ и современныя всеобщія стачки, *разгорится* изъ стачки мѣстной, которая вспыхнетъ, быть можетъ, по ничтожному поводу. Пламя распространится по линіямъ наименьшаго сопротивленія, по мѣстностямъ, гдѣ собрано болѣе всего горючаго матеріала, гдѣ пролетаріатъ наиболѣе сплоченъ и возмущенъ. Стачка можетъ сдѣлаться международной, не будучи еще національной: она захватитъ раньше области въ различныхъ государствахъ, чѣмъ всѣ области одного государства. Сначала требованія пролетаріата не только въ различ-

ныхъ государствахъ, но и въ различныхъ мѣстностяхъ, будутъ различны, но съ развитіемъ движенія они достигнутъ единства и будутъ направлены къ уничтоженію частной собственности на землю и средства производства; вмѣстѣ съ тѣмъ требованія замѣнятся положительными дѣйствіями; рабочіе перестанутъ требовать, а начнутъ брать и созидать.

Окончательная побѣда, вѣроятно, достанется не сразу; возможно, что потребуется не одна, а рядъ слѣдующихъ одна за другой международныхъ стачекъ, пока, наконецъ, пролетаріатъ не осилитъ буржуазію съ ея государственной властью.

Во всякомъ случаѣ побѣда достанется тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ крѣпче будетъ связь между пролетаріями различныхъ странъ и національностей, чѣмъ больше они будутъ приготовлены къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ, къ совмѣстной, одновременной мобилизаціи своихъ силъ, къ одновременному прекращенію работъ.

Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣетъ рабочее **первое Мая**, идея котораго стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ идеей международной всеобщей стачки.

«Первое Мая» зародилось въ средѣ сѣверо-американскаго пролетаріата въ разгаръ массового движенія въ пользу ограниченія рабочаго дня 8 часами. Въ 1886-мъ году движеніе это достигло въ Сѣверной Америкѣ чрезвычайно сильнаго революціоннаго напряженія, и наиболѣе активные и пылкіе представители американскаго пролетаріата рѣшили перваго мая, которое уже многіе столѣтія у большинства народовъ считается праздникомъ весны и возрожденія, устроить *всеобщую забастовку* съ демонстраціями и митингами, чтобы вырвать у буржуазіи право на 8 часовъ сна и 8 часовъ отдыха.

Всеобщая стачка приняла грандіозные размѣры, и первое мая 1886 года останется въ исторіи рабочаго движенія, какъ одинъ изъ предвѣстниковъ грядущаго весенняго обновленія трудящагося человѣчества. Многія категоріи американскихъ рабочихъ добились восьмичасоваго рабочаго дня *).

*) Въ настоящее время законъ ограничиваетъ рабочій день 8-ю часами почти для всѣхъ отраслей труда въ 6 штатахъ: Каннекти-

Къ сожалѣнію, къ массовому протесту присоединился протестъ *слишкомъ индивидуальный*: во время митинга въ Чикаго въ полицейскихъ была брошена бомба, многихъ изъ нихъ убившая и ранившая. Это, несомнѣнно, ослабило дѣйствіе всеобщей забастовки и повредило всему движенію—не потому, что дало поводъ къ репрессаліямъ со стороны буржуазіи, а потому, что понизило боевое настроеніе самихъ рабочихъ, *пролетарской психикѣ которыхъ не соотвѣтствуетъ подобная «пропаганда»*.

Въ 1888 году «Первое мая», какъ день рабочей демонстраціи въ пользу ограниченія работы 8-ью часами, былъ принятъ конгрессомъ «Американской федераціи труда» засѣдавшемъ въ Санъ-Луи, и, наконецъ, въ 1889 году парижскій международный соціалистическій конгрессъ постановилъ, что рабочіе всѣхъ странъ должны 1 мая 1890 года «организовать большую международную демонстрацію», чтобы оказать на соотвѣтствующія правительства давленіе въ пользу введенія 8-ми часоваго рабочаго дня и выполненія другихъ постановленій парижскаго конгресса.

Постановленіе было принято въ послѣдній день конгресса, что называется «на спѣхъ», безъ предварительнаго обсужденія вопроса. Вообще «бюро» парижскаго конгресса ввело чрезвычайно оригинальную систему: всѣ важнѣйшія резолюціи *сначала голосовались*, а *затѣмъ* уже желающимъ предоставлялось *обсуждать* ихъ.

«Различные анархисты — говоритъ нѣмецкій отчетъ о конгрессѣ, составленный подъ редакціей Либкнехта—находили, что этотъ способъ не демократиченъ, что онъ является насиліемъ надъ конгрессомъ и т. п. Они производили такимъ образомъ систематическій шумъ, какъ только хотѣли приступить къ прочтенію резолюцій и къ «голосованію.» Въ концѣ концовъ «конгрессъ долженъ былъ воспользоваться своимъ пра-

---

кутѣ, Иллинойсѣ, Индіанѣ, Миссури, Нью-Іоркѣ и Пенсильваніи. Кромѣ того въ 21 штатахъ законодательное ограниченіе рабочаго дня существуетъ для казенныхъ и общественныхъ предпріятій, а также для работъ, исполняемыхъ по заказу государства или общины. Эти «завоеванія» въ значительной степени результатъ первомайскихъ протестовъ, какъ въ 1886 году, такъ и въ послѣдующіе годы.

вомъ хозяина дома (seinem Hausrecht). Главные нарушители порядка: Мерлино и два его друга были удалены изъ залы, и делегатамъ, поставленнымъ у дверей, предложено было допускать въ залу засѣданій лишь лицъ, имѣющихъ билеты для входа.» «Гражданка Гильомъ Шакъ протестовала противъ исключенія нарушителей порядка и покинула конгрессъ вмѣстѣ съ 7-ю англичанами и итальянцами.»

Резолюція о первомъ маѣ была принята всѣми націями за исключеніемъ русскихъ и бельгійцевъ. Русскіе мотивировали свое воздержаніе отъ голосованія невозможностью «подобной демонстраціи въ Россіи.» Бельгійцы, какъ заявилъ Фольдерсъ, не хотѣли участвовать въ голосованіи, предшествующемъ обсужденію.

Обсужденія, впрочемъ, вообще никакого не было: видимо, большинство делегатовъ не придавало резолюціи о первомъ маѣ большого значенія.

Составлена она была крайне неопредѣленно.

«Будетъ организована большая *международная манифестація въ установленное число*, такимъ образомъ, что сразу во *всѣхъ странахъ и во всѣхъ городахъ въ одинъ и тотъ же условленный день* работники предъявятъ общественнымъ властямъ требованіе уменьшить путемъ закона *рабочій день до восьми часовъ* и привести въ исполненіе другія резолюціи парижскаго международнаго конгресса.

Такъ какъ подобная манифестація уже назначена на 1 мая 1890 г. *Американской федераціей труда* на ея конгрессѣ въ Санъ-Луи въ декабрѣ 1888 г., то это число принято и для международной манифестаціи.

Работникамъ различныхъ націй предоставляется выполнить эту манифестацію такъ, какъ это будетъ имъ подсказано особыми условіями ихъ странъ.»

Изъ этой резолюціи отнюдь не слѣдуетъ, что первое мая должно «праздноваться» ежегодно, изъ нея не видно, должны ли работники прекращать въ этотъ день работы или достаточно, если ихъ представители явятся къ властямъ съ соотвѣтствующими петиціями. Но трудящійся пролетаріатъ въ большинствѣ странъ понялъ постановленіе конгресса по своему, такъ, какъ ему подсказывало его классовое, его революціонное чувство. Къ подачѣ петиціи властямъ онъ отнесся

совершенно равнодушно, но онъ готовъ былъ на большія жертвы, чтобы хоть одинъ день въ году праздновать не съ дозволенія буржуазіи, а по собственной волѣ, чтобы хоть одинъ день въ году самовольно отказаться отъ рабскаго труда для обогащенія своихъ враговъ... Пролетаріатъ инстинктивно понялъ, что сущность и сила международныхъ манифестаціи не въ предъявленіи требованій властямъ, а въ одновременномъ самовольномъ прекращеніи работъ, во *всеобщей забастовкѣ*. Это поняла и буржуазія, не безъ трепета ждавшая перваго мая. Она грозила всевозможными репрессіями «своимъ» рабочимъ, если они рѣшатся прекратить работы перваго мая и приказала «своимъ» войскамъ быть на-готовѣ... Она не разсчитывала, что ее поддержутъ не только «войска», но и нѣкоторые руководители изъ числа политическихъ и профессіональныхъ культурниковъ.

Въ Англіи профессіональные культурники рѣшили «праздновать» не первое мая, а слѣдующее за нимъ воскресенье. Въ Германіи политическіе культурники въ послѣдній моментъ употребили все свое вліяніе, воспользовались всѣмъ своимъ авторитетомъ, чтобы остановить нѣмецкихъ рабочихъ отъ прекращенія работъ перваго мая. Въ Германіи настроеніе рабочихъ въ это время было очень приподнятое: палъ исключительный законъ противъ соціалистовъ, выборы дали $1^1/_2$ милліона соціалдемократическихъ голосовъ, вспыхивали массовыя стачки и т. д. На германскій пролетаріатъ были обращены взоры всего трудящагося міра, отъ германскаго пролетаріата всѣ ожидали теперь великихъ дѣлъ, великаго революціоннаго подъема.

Вѣсть о постановленіи международнаго конгресса — устроить 1 мая интернаціональную рабочую демонстрацію была встрѣчена въ кругахъ нѣмецкихъ сознательныхъ рабочихъ съ энтузіазмомъ. Повсюду устраивались по этому поводу народныя собранія и повсюду понимали демонстрацію перваго мая, какъ однодневную праздничную забастовку пролетаріевъ всѣхъ странъ. Особенно энергично готовились къ ней Берлинъ, Гамбургъ, Мюнхенъ... Но правленіе соціалдемократической партіи, состоявшее изъ депутатовъ рейхстага, хранило загадочное молчаніе... Оно заговорило лишь въ апрѣлѣ, когда «молодые» въ Берлинѣ

выпустили воззваніе, приглашавшее всѣхъ пролетаріевъ не работать перваго мая. Депутаты сочли себя обязанными охладить рабочій энтузіазмъ, призвать забывшійся пролетаріатъ къ порядку, благоразумію, законности, умѣренности... Въ своемъ обращеніи къ рабочимъ они объясняли, что резолюція парижскаго конгресса совсѣмъ не требуетъ пріостановки работъ 1-го мая, что «при неблагопріятномъ экономическомъ положеніи нечего и думать о возможности вынудить отдыхъ отъ работъ». Подобнымъ шагомъ воспользуются лишь противники, чтобы вызвать великую классовую битву, въ которой пораженіе пролетаріата несомнѣнно, «такъ что — говоритъ воззваніе фракціи-правленія — наша могучая избирательная побѣда превратилась бы въ тріумфъ буржуазіи.» «Нѣмецкая соціалдемократія не нуждается — гордо заявлялось дальше — въ томъ, чтобы производить смотръ послѣ великаго похода и побѣды 20 февраля.» Впрочемъ, фракція позволяла рабочимъ не работать 1-го мая «*тамъ, гдѣ это не можетъ вызвать конфликтовъ*».

Однимъ словомъ «осторожность, осторожность, господа!» «Мы одержали такую блестящую побѣду, мы разбили на голову Бисмарка и буржуазію со всѣми ихъ исключительными законами, и съ нашей стороны было бы безуміемъ желать еще безъ разрѣшенія буржуазіи отпраздновать первое мая.»

«Избѣгайте конфликтовъ, держитесь законной почвы, не давайте буржуазіи *повода* нападать на васъ, и все остальное приложится» — таковъ основной принципъ тактики соціалдемократическихъ вожаковъ.

Но неужели, разъ буржуазія хочетъ и можетъ напасть на своего врага-пролетаріатъ, то ее остановитъ отсутствіе «повода». Поводъ для наступленія всегда и всюду очень легко сочинить.

Но какъ бы то ни было, призывъ къ осторожности со стороны депутатовъ былъ хорошей струей холодной воды въ разгорѣвшееся пламя пролетарскаго движенія. Въ рабочихъ рядахъ произошло замѣшательство; одни продолжали идти впередъ, другіе бросились назадъ; энтузіазмъ смѣнился недоумѣніемъ. Перваго мая большая часть нѣмецкихъ рабочихъ послѣдовало приказу фракціи и продолжала работать, но довольно значительное меньшинство рѣшило празд

новать, во что бы ни стало. Въ Гамбургѣ большая часть работъ была пріостановлена. Буржуазія, видя пролетаріатъ разрозненнымъ, видя, что большинство съ его вожаками во главѣ боится «конфликтовъ», тѣмъ сильнѣе набросилась на меньшинство, осмѣлившееся праздновать первое мая безъ ея разрѣшенія. Въ Гамбургѣ многимъ рабочимъ пришлось временно вступить въ ряды безработныхъ и вынести не мало лишеній за свой смѣлый шагъ. Впослѣдствіи Либкнехтъ и другіе депутаты любили указывать на репрессіи, которымъ подверглись гамбургскіе рабочіе, какъ на доказательство вреда праздничной забастовки, и называли смѣлость гамбургскихъ пролетаріевъ «глупостью».

Но представители гамбургскихъ рабочихъ смотрѣли на дѣло нѣсколько иначе.

«Я не могу» — говорилъ на партейтагѣ въ Галлэ гамбургскій делегатъ Хильтеръ, — «не отнести всѣ тѣ репрессіи, которыя намъ пришлось вынести въ Гамбургѣ отъ фабрикантовъ на счетъ запоздалаго рѣшенія фракціи. Я знаю очень хорошо, что въ Парижѣ не было постановлено ввести общій порядокъ, но что родъ демонстраціи было предостановлено опредѣлить каждой странѣ. И вотъ гамбурцы рѣшили, такъ какъ фракція не взяла на себя иниціативу для нѣмецкихъ рабочихъ, провести первое мая, какъ праздникъ, по собственному почину. Наша демонстрація имѣла бы успѣхъ, если бы постановленіе фракціи не нанесло удара сзади. Этимъ воспользовались гамбургскіе работодатели, такъ какъ небольшая часть рабочихъ стала намъ оппонировать, и въ нашихъ рядахъ начался расколъ».

Каково было вліяніе постановленія фракціи на берлинское движеніе, показываютъ слова извѣстнаго берлинскаго соціалдемократа Цубейля на томъ же партейтагѣ въ Галлэ.

«Рабочіе большинства берлинскихъ фабрикъ стояли за майскій праздникъ, и онъ вышелъ бы такъ грандіозенъ, онъ былъ бы такой демонстраціей, какой еще не переживалъ Берлинъ. Тутъ вдругъ появляется указъ фракціи. Тогда на фабрикахъ стали выступать противъ насъ, обвиняя, что мы обманули рабочихъ. Такимъ образомъ всему синдикальному движенію въ Берлинѣ этимъ постановленіемъ фракціи былъ нанс-

сенъ такой ударъ, который мы будемъ чувствовать еще многіе годы.»

Во всякомъ случаѣ фракціи удалось затормозить движеніе въ пользу празднованія 1-го мая пріостановкою работы. На слѣдующій годъ партійное правленіе во избѣжаніе соблазна постановило, что первое мая слѣдуетъ праздновать въ первое майское воскресенье.

Правленіе германской соціалдемократіи охладило первомайское увлеченіе рабочихъ ни въ одной только Германіи. Указъ объ осторожности внесъ замѣшательство въ ряды пролетаріата и другихъ странъ, особенно Австріи, гдѣ соціалдемократическіе вожаки съ Адлеромъ во главѣ съ самаго начала были и остались горячими сторонниками празднованія перваго мая пріостановкою работъ. Къ счастью, вліяніе германскихъ депутатовъ на иностранныя соціалистическія партіи было не настолько велико, чтобы окончательно убить идею перваго мая. Во Франціи, Австріи, Сѣв. Америкѣ, Бельгіи, Испаніи многіе десятки тысячъ пролетаріевъ отпраздновали въ 1890 г. первое мая прекращеніемъ работъ и грандіозными демонстраціями; дѣло нигдѣ не обошлось, конечно, безъ конфликтовъ и жертвъ, но пролетаріи не отступили, и съ каждымъ годомъ число празднующихъ 1-ое мая прекращеніемъ работъ растетъ во всѣхъ концахъ свѣта. Праздникъ давно былъ бы отвоеванъ, если бы нѣмецкіе и англійскіе культурники не продолжали противодѣйствовать ему, не смотря на то, что послѣдующіе международные конгрессы, повинуясь требованію международнаго пролетаріата, принуждены были объявить первое мая ежегоднымъ праздникомъ международнаго пролетаріата и при томъ праздникомъ въ смыслѣ прекращенія работы.

«Международное празднованіе 1-го мая» — говоритъ резолюція Брюссельскаго конгресса 1891 г. — одновременно посвященно принципу восьми часовъ, регламентаціи труда и всемірному укрѣпленію пролетаріата въ его стремленіи утвердить миръ между народами.

Конгрессъ, чтобы сохранить за 1-мъ мая его истинный экономическій характеръ требованія восьмичасового рабочаго дня и укрѣпленія классовой борьбы:

Устанавляетъ единую демонстрацію для рабочихъ всѣхъ странъ.

Эта демонстрація назначается на 1-ое мая.

Рекомендуется прекращеніе работъ тамъ, гдѣ это исполнимо.»

«Соціалдемократія каждой страны — говоритъ постановленіе Цюрихскаго конгресса 1893 г. — обязана дѣлать все возможное для осуществленія прекращенія работъ и поощренія всякой попытки, сдѣланной въ этомъ направленіи различными мѣстными организаціями.

«Манифестація 1-го мая за восьмичасовой рабочій день должна въ то же время усилить въ каждой странѣ могучую волю рабочаго класса, укрѣпить надежду на приближеніе соціальнаго переворота и достиженіе интересы національнаго мира».

«Международный конгрессъ — говоритъ, наконецъ, резолюція парижскаго конгресса 1900 г. — по вопросу о манифестаціи 1-го мая, присоединяется къ постановленіямъ предыдущихъ международныхъ конгрессовъ; онъ полагаетъ, что манифестація 1-го мая есть наиболѣе цѣлесообразное демонстративное требованіе восьмичасоваго рабочаго дня; по его мнѣнію прекращеніе работъ — наиболѣе дѣйствительная форма *демонстраціи*.»

Противъ цюрихской резолюціи, составленной въ наиболѣе рѣшительныхъ выраженіяхъ, голосовали соціалдемократы Германіи, *Россіи**), Даніи и Болгаріи.

Самымъ горячимъ сторонникомъ полнаго прекращенія работъ 1-го мая на всѣхъ конгрессахъ выступилъ вождь австрійской соціалдемократіи Адлеръ.

«Агитаціонный характеръ Перваго мая, какъ истинно пролетарской и революціонной демонстраціи — говорилъ онъ на цюрихскомъ конгрессѣ—можетъ быть сохраненъ *только* прекращеніемъ работъ.»

«Мы австрійцы—совсѣмъ не мечтатели; для нѣкоторыхъ въ этой залѣ мы, быть можетъ, слишкомъ трезвенны. Если мы признали майскій праздникъ, такъ великолѣпное агитаціонное средство, то это вытекаетъ не изъ фантазіи, а изъ реальности. Голова, конечно, важная вещь, но чувство интернаціональной

---

*) Во главѣ русской делегаціи стоялъ Плехановъ.

солидарности, которое майскій праздникъ пробуждаетъ въ послѣднемъ пролетаріи, не понимающемъ еще нашихъ разсужденій, это чувство — тоже реальность.»

Значеніе майскаго праздника для этой самой важной и самой реальной изъ существующихъ реальностей, для чувства пролетарской солидарности, ярче всего видно на примѣрѣ Франціи.

Здѣсь тоже находились культурники (по сравненіи съ англійскими и нѣмецкими совершенно ничтожные), которые старались воспрепятствовать празднованію 1-го мая. Но, къ счастью, эти, такъ называемые, поссибилисты имѣли значеніе лишь въ Парижѣ, гдѣ промышленный пролетаріатъ оттѣсняется менѣе революціоннымъ пролетаріатомъ торговымъ. Въ Парижѣ и въ первый и въ послѣдующіе годы майскій праздникъ проходилъ очень вяло, но за то во многихъ провинціальныхъ промышленныхъ центрахъ почти вся работа пріостанавливается, и майскій праздникъ является истиннымъ прообразомъ освобожденія пролетаріевъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ.

Характерно, что въ 1890 году даже тѣ вожаки французскихъ соціалистовъ, которые приняли близко къ сердцу идею «Перваго мая», не надѣялись, чтобы празднество приняло сколько-нибудь широкіе размѣры и не думали, чтобы рабочіе гдѣ-нибудь рѣшились самовольно прекратить работу. Но «пролетаріатъ не поддается разсчету», какъ выразился Гортеръ по поводу первой всеобщей стачки въ Голландіи.

«Не проходило дня, чтобы не получались ободряющія вѣсти: идея манифестаціи все сильнѣе захватывала чувства рабочихъ, все глубже проникала въ массы пролетаріата и сдѣлалась центральнымъ пунктомъ, вокругъ котораго вертѣлись всѣ разговоры на фабрикахъ и мастерскихъ. Первое мая далеко превзошло всѣ надежды, которыя питали организаторы манифестаціи. *Города, въ которыхъ совершенно не разсчитывали на движеніе, какъ разъ поражали огромнымъ числомъ празднующихъ рабочихъ.* Товарищи въ Цеттѣ, напр., пользуются такимъ вліяніемъ, что могли добиться большинства въ городскомъ совѣтѣ, но они не осмѣлились рекомендовать всеобщей забастовки и удовольствовались подготовленіемъ вечернихъ собраній. Каково же было ихъ удивленіе и ихъ радость, когда перваго

мая не работали всѣ портовые рабочіе, и ихъ примѣръ, побудилъ бросить работу бондарей; къ полудню праздничная забастовка сдѣлалась въ Цеттѣ всеобщей.»

На сѣверѣ Франціи въ Рубэ рабочіе нашли, что одинъ день праздновать мало и не работали цѣлыхъ три дня. Во многихъ мѣстахъ праздникъ перваго мая слился съ обыкновенной стачкой: рабочіе забастовывая ради праздника, выставляли въ то-же время своимъ хозяевамъ различныя экономическія требованія.

Вообще «Первое Мая» въ 1890 г. прошло во Франціи такъ блестяще, что Лафаргъ считаетъ его одной изъ важнѣйшихъ датъ XIX столѣтія.

«Перваго Мая 1890 г. зардѣлась заря новаго времени». «Первое мая 1890 г. пробудило широкія массы пролетаріата».

Массы, казалось, заразили своимъ воодушевленіемъ и своею товарищескою солидарностью даже политическихъ представителей соціалистическихъ партій. Въ Парижѣ образовался для организаціи Перваго Мая «генеральный комитетъ» изъ представителей всѣхъ соціалистическихъ фракцій, но единодушіе продолжалось не долго. Вскорѣ «генеральный комитетъ» сдѣлался, по словамъ Лафарга, «очагомъ интригъ», который могъ только повредить пролетарскому празднику, и, если въ 1891 году первое мая прошло въ Парижѣ болѣе оживленно, чѣмъ въ 1890 г., то въ этомъ «генеральный комитетъ» во всякомъ случаѣ не виноватъ.

Но настоящимъ образомъ отпраздновала первое мая 1891 опять-таки провинція. Работы пріостановились во многихъ промышленныхъ городахъ и мѣстечкахъ, до тѣхъ поръ очень мало затронутыхъ соціалистической пропагандой.

Буржуазія скрежетала зубами, а республиканское правительство распорядилось, чтобы полиція, жандармы и войска дѣйствовали безъ стѣсненій, не допуская ни сборищъ, ни манифестацій. Дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ городовъ: Марселѣ, Клиши, Ліонѣ, Сенъ-Кентенѣ, Шарвиллѣ, Бордо, Нантѣ и т. д. жандармы и войска атаковали и разгоняли манифестантовъ съ буржуазною жестокостью; но пережить страшную

*) Paul Lafargue. Der erste Mai in Frankreich. «Die Neue Zeit», 1890-91, № 36.

кровавую драму выпало на долю рабочихъ маленькаго промышленнаго города на сѣверѣ Франціи Фурми.

Въ Фурми рабочіе-соціалисты рѣшили не работать перваго мая и заранѣе заявили объ этомъ хозяевамъ. Хозяева организовали синдикатъ, отъ имени котораго объявили, что каждый рабочій, не явившійся въ мастерскую, будетъ совершенно уволенъ. Эта угроза повела къ тому, что къ соціалистамъ присоединились изъ чувства возмущенія и солидарности и всѣ рабочіе еще не не затронутые пропагандой: — въ результатѣ перваго мая всеобщая забастовка.

Мастерскія были пусты, за то улицы и площади были полны рабочими въ самомъ праздничномъ настроеніи. «Никогда — говоритъ Лафаргъ — не бывало болѣе мирной толпы». Тѣмъ не менѣе жандармы, отражая злобное настроеніе хозяевъ, нашли поводъ наброситься на толпу и произвести многочисленные аресты. Это было утромъ. Послѣ обѣда на площадь пришла съ пѣснями группа молодыхъ людей, женщинъ и дѣтей и стала требовать освобожденія арестованныхъ. Войска, занимавшія площадь, не предупреждая манифестантовъ, открыли по нимъ огонь. «Это было первое примѣненіе лебелевскихъ ружей и бездымнаго пороха». На мѣстѣ было убито 9 человѣкъ: 30-тилѣтній мужчина, два молодыхъ человѣка, два 12-тилѣтнихъ мальчика и четыре молодыхъ дѣвушки въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ. Одна изъ нихъ держала въ рукахъ зеленую вѣтвь только что распустившейся березы и упала, сраженная пулей, рядомъ съ своимъ женихомъ, тоже убитымъ на мѣстѣ».

Эта молодая невинная кровь пролилась не даромъ. Вѣсть о злодѣяніи облетѣла весь міръ, — и скоро не будетъ пролетарія, сердце котораго при упоминаніи о Фурми не затрепетало бы святой ненавистью къ этому проклятому строю наживы и убійства по приказу.

Похороны убитыхъ превратились въ траурную, но величавую манифестацію пролетаріевъ; тысячи работниковъ и работницъ, шедшія на кладбище, чувствовали, что хоронятъ своихъ братьевъ и сестеръ. Никогда цари и царицы самыхъ многочисленныхъ «домовъ» не оставляли послѣ себя столько близкихъ, столько родныхъ, какъ эта безвѣстная работнипа, упавшая на землю съ зеленою вѣткою мира въ рукахъ...

Убійства въ Фурми усилили возмущеніе французскихъ пролетаріевъ, которое, по обыкновенію, вылилось, главнымъ образомъ, въ массовыя стачки. Въ самомъ Фурми всеобщая стачка продолжалась цѣлую недѣлю. Но и независимо отъ Фурми 1-ое мая 1891 г. еще болѣе, чѣмъ 1-ое мая предыдущаго года, повело къ многочисленнымъ экономическимъ забастовкамъ. Это замѣчается и въ другихъ странахъ. Со времени установленія праздненства 1-го мая стачечное движеніе усиливается въ концѣ апрѣля и началѣ мая. Первое мая не только вызываетъ стачки, но какъ бы стягиваетъ, концентрируетъ ихъ около себя.

«Интернаціонализмъ — говоритъ Лафаргъ — придаетъ майской демонстраціи своеобразный, почти мистическій характеръ. Трогательно, когда рабочіе, никогда не выходившіе за предѣлы своихъ промышленныхъ мѣстечекъ и живущіе вдали отъ всякой агитаціи, оживленно распрашиваютъ, какъ обстоитъ дѣло съ майскимъ праздникомъ въ другихъ странахъ, названіе которыхъ они еле знаютъ и географическое положеніе которыхъ имъ навѣрное совершенно неизвѣстно. Они надѣются на 1-ое мая, какъ на день освобожденія, ибо они говорятъ себѣ, что борьба товарищей въ другихъ мѣстахъ должна содѣйствовать улучшенію ихъ собственной судьбы — какимъ образомъ — они этого хорошенько не знаютъ. Самые покорные становятся въ этотъ день смѣлыми и пользуются случаемъ, чтобы потребовать у хозяевъ улучшенія условій труда и начинаютъ стачку, не зная, какъ они ее проведутъ и выдержатъ. Въ ихъ глазахъ 1-ое мая обладаетъ какой то таинственной силой, которая должна помочь имъ одержать побѣду».

Эти замѣчательныя слова примѣнимы и къ пролетаріату въ Россіи, гдѣ первое мая имѣетъ не менѣе важное революціонное значеніе, чѣмъ за границей. «Маевка» пришлась по сердцу рабочимъ всѣхъ національностей, населяющихъ Россію. Она ознаменовалась цѣлымъ рядомъ величавыхъ демонстрацій: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Тифлисѣ, Варшавѣ, Ростовѣ на Дону и т. д. 1-ое мая у насъ точно также вызываетъ и стягиваетъ къ себѣ стачки; особенно сильно вліяніе 1-ое мая сказывается на стачечное движеніе въ Западномъ Краѣ. Такъ еще въ 1891 г. «*почти вездѣ*»

(въ царствѣ Польскомъ) «*празднованіе 1-го мая*» — по словамъ Плохоцкаго — «*изъ манифестаціи превращается въ стачку*».

И въ прибалтійскомъ краѣ уже описанная выше Либавская стачка-манифестація 1899 года произошла отчасти подъ вліяніемъ первомайской агитаціи.

Въ Петербургѣ въ связи съ «первымъ маемъ» стояли стачки въ 1901 г.; въ Харьковѣ въ 1899 г. и т. д. Рабочіе въ Россіи доказали уже, какъ мало понимали силу пролетаріата тѣ «соціалдемократы», которые заявляли въ 1898 г., что «разумѣется, у насъ нельзя устраивать демонстрацій», «нельзя устраивать у насъ и открытыхъ собраній».

Самодержавная реакція у насъ теперь сильнѣе чѣмъ когда нибудь, а рабочій пролетаріатъ устраиваетъ «демонстраціи», «открытыя собранія» и «всеобщія стачки».

И чѣмъ дальше, тѣмъ внушительнѣе будутъ становиться майскія демонстраціи и майскія стачки. Правда, майскому празднику у насъ, несомнѣнно, мѣшаетъ разница стилей. Чтобы праздновать въ одинъ день съ западно-европейскимъ и американскимъ пролетаріатомъ, намъ приходится придерживаться новаго стиля, но народная масса живетъ по старому стилю, и майскій праздникъ, организуемый 18-го апрѣля, не совпадаетъ въ народномъ сознаніи съ днемъ весенняго возрожденія. Съѣзду «россійской соціалдемократіи», если бы на немъ были, дѣйствительно, представители россійскаго пролетаріата, надо бы было серьезно выяснить стараго или новаго стиля слѣдуетъ придерживаться русскимъ рабочимъ при празднованіи 1-го мая и, выяснивъ это, принять соотвѣтствующую резолюцію. Но невиданный съѣздъ, въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяцевъ засѣдавшій гдѣ-то за-границей, очень внимательно отнесся къ либераламъ и фабричнымъ дворникамъ, а о «первомъ маѣ» и «всеобщихъ стачкахъ», которыя какъ разъ въ то время бушевали на югѣ Россіи, попросту забылъ. И, дѣйствительно, что толку для господъ дипломатовъ въ такихъ чисто пролетарскихъ движеніяхъ, какъ «Первое Мая» и «всеобщія стачки»? Здѣсь нельзя устроить никакой выгодной комбинаціи съ двумя «тройками», нельзя сохранить равновѣсіе и почетное положеніе, балансируя

между «Чемберленомъ» и «скандальной женой», здѣсь не можетъ торжествовать своеобразная моральная діалектика, превращающая ложь въ истину и наоборотъ, здѣсь въ этихъ массовыхъ движеніяхъ слишкомъ много простора, много свѣта, котораго не выносятъ свѣтобоязливые искристы. И чѣмъ дальше будутъ отъ пролетаріата ихъ «очаги интригъ», тѣмъ лучше. Но мы увѣрены, что между «искристами» есть много самоотверженныхъ, революціонныхъ натуръ, которымъ станетъ, наконецъ, невыносима эта атмосфера дипломатіи, интригъ, взаимнаго выслѣживанья и подсиживанья; они оттолкнутъ отъ себя и «твердыхъ» и «мягкихъ», отряхнутъ прахъ съ ногъ своихъ и пойдутъ «въ народъ», пойдутъ на фабрики, заводы, въ деревни, чтобы по-простому разсказать русскимъ пролетаріямъ, какъ страдаетъ и борется рабочій народъ въ другихъ странахъ. Пусть эти искренніе соціалдемократы изучатъ міровое рабочее движеніе, пусть вникнутъ въ его сущность, такую простую и ясную, и пусть ихъ умъ и чувство послужатъ проводникомъ революціонной пролетарской энергіи между пролетаріатомъ русскимъ и заграничнымъ: этой энергіи повсюду много, но, чтобы она разрядилась побѣдоноснымъ взрывомъ, для этого необходимы знающіе и чувствующіе революціонные проводники.

II.

Стачка солдатъ.

Въ одномъ изъ номеровъ «Револ. Россіи» помѣщена очень характерная сценка «съ натуры».

Разскащица ѣдетъ въ вагонѣ жел. дор. гдѣ-то на югѣ Россіи вскорѣ послѣ южныхъ всеобщихъ стачекъ и присутствуетъ при бесѣдѣ на эту животрепещущую тему между нѣсколькими пассажирами: мелкопомѣстной помѣщицей, учительницей, жандармомъ, рабочимъ-кочегаромъ и военнымъ писаремъ. Учительница пережила одесскія событія и была, видимо, однимъ изъ мыслящихъ и чувствующихъ проводниковъ революціонной энергіи.

— Скажите откровенно — обратилась она къ жандарму — что вы чувствуете, когда вамъ велятъ стрѣлять въ беззащитную толпу? Вѣдь у васъ одинъ богъ, одни обычаи, вѣдь, можетъ быть, на той сторонѣ есть ваши родные; вѣдь вы знаете, что люди требуютъ только справедливости, что, если вы бросите службу, вы будете въ такомъ же положеніи, какъ и они. Вѣдь вы видите, что рабочіе никого не грабятъ, а вы поднимаете на нихъ руки. Вѣдь васъ должны потомъ вѣчно преслѣдовать эти блѣдныя, измученныя лица...

Взоры всѣхъ обратились на жандарма, и даже его маленькій сынишка выпучилъ на него глазенки. Моментъ на лицѣ жандарма было смущеніе, но онъ скоро оправился.

— Нѣтъ, барышня, *солдатъ не имѣетъ права разсуждать*, отвѣтилъ онъ, стараясь говорить твердо: *солдатъ ничего не чувствуетъ, ему внушаютъ*, что внутренній врагъ опаснѣе непріятеля и т. д.

Вскорѣ жандармъ вышелъ изъ вагона, и разговоръ сдѣлался еще оживленнѣе.

— Проклятая эта военная служба — заговорила мелкопомѣстная помѣщица — вотъ у меня сынъ офицеръ, а что хорошаго? Ничего, одно глупство; сегодня какой то чортъ умеръ, собираютъ на вѣнокъ, завтра какой то дуракъ переводится — собираютъ на обѣдъ, и такъ безъ конца, а жалованья 80 рублей. Если бы не получалъ изъ дому, то и дать было бы не изъ чего...

Лучше быть простымъ сторожемъ, да быть самому по себѣ...

Тутъ въ разговоръ вмѣшался военный писарь.

— Какъ же быть? Вѣдь если стукнуло 21 лѣтъ, то долженъ идти на службу, а служба то солдата въ сто разъ хуже: Вотъ рабочіе устраиваютъ стачки, добиваясь улучшенія своего положенія, а развѣ солдаты въ лучшемъ положеніи? Служба тяжелая, получаетъ гроши и одѣвается большею частью на свой счетъ, потому что казенныя вещи выдаютъ такія, что и одѣть-то нельзя. Кормятъ, скажемъ, хорошо, но разъ въ день. А всякій знаетъ, что значитъ солдатскій чай. Значитъ, надо утромъ и вечеромъ что-нибудь купить, а на какія деньги? Если дома въ деревнѣ есть родные, то, слова нѣтъ, помогаютъ; но вѣдь извѣстно, что стоитъ деревнѣ-

то послать... А кончитъ службу, что дѣлать солдату? Хорошо если дома земля есть, а если вотъ я мѣщанинъ, что такимъ дѣлать? Иди опять на ту же фабрику, заводъ и въ чернорабочіе. Вотъ давече я былъ свидѣтелемъ всеобщей забастовки въ Одессѣ. *По истинѣ это была трогательная картина,* какъ эти рабочіе ходили, другъ дружку забирали и говорили: «не будемъ работать, пока не увеличатъ платы, не уменьшатъ рабочихъ часовъ...» «Вотъ вы, барышня,— обратился онъ къ учительницѣ—спрашивали, что чувствуетъ солдатъ, когда ему командуютъ стрѣлять? А я вотъ подлинно знаю, что когда былъ Харьковскій и Полтавскій крестьянскій бунтъ, то солдаты не послушались команды и ихъ даже не судили, а раскассировали по другимъ полкамъ, боясь, что, если это обнаружится, то могутъ только заразить другія войска... *Да и солдатъ чувствуетъ* и ему не весело живется... Сидѣли мы какъ-то въ канцеляріи—продолжалъ солдатикъ, *улыбаясь* — офицеръ мой и я. Я и говорю ему: *а что, ваше благородіе. было бы, если бы вдругъ все войско забастовало? — Что ты, что ты говоришь, да ты соціалистъ, что-ли?—Да я, ваше благородіе, вѣдь, правду говорю!* Вѣдь подумайте сами, чѣмъ же солдату лучше рабочаго?...»

Эта случайная бесѣда въ вагонѣ третьяго класса, записанная, повидимому, стенографически вѣрно, является однимъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ великаго броженія, которое подъ вліяніемъ рабочаго движенія происходитъ въ рядахъ арміи.

Жандармъ классически опредѣляетъ, въ чемъ заключается сила и надежность современной арміи для буржуазнаго порядка: солдатъ самъ ничего не чувствуетъ и не думаетъ, ему по командѣ внушаютъ мысли и чувства.

Военный же писарь на основаніи не внушеннаго, а пережитого показываетъ, что основы надежности арміи для самодержавной буржуазіи шатаются: солдатъ начинаетъ самъ чувствовать, а затѣмъ и думать; его *трогаютъ* проявленія рабочей солидарности во время всеобщихъ стачекъ, онъ начинаетъ понимать, что ему живется еще хуже рабочаго, въ немъ зарождается мысль о собственномъ освобожденіи путемъ, сходнымъ съ тѣмъ, которымъ борются рабочіе, путемъ всеобщей

военной стачки. Противъ *внушенія* со стороны начальства подымается *пробужденіе* чувствъ и мыслей подъ вліяніемъ массовыхъ рабочихъ стачекъ, тѣмъ болѣе, что войска все болѣе и болѣе пополняются пролетаріями, пережившими стачечную борьбу до поступленія на службу.

Пробужденіе сознанія солдатъ проявляется уже и въ фактахъ. Въ Голландіи осенью 1903 года вскорѣ послѣ двухъ рабочихъ всеобщихъ стачекъ забастовалъ цѣлый полкъ, недовольный обращеніемъ командира, пищею и т. д.: всѣ солдаты одновременно отказались исполнять приказанія начальства и, выйдя изъ казармъ, разошлись по домамъ. Солдатскія «забастовки» происходили въ томъ же году и въ Венгріи, когда солдатъ задержали на службѣ послѣ отбытія установленнаго срока, такъ какъ новый наборъ невозможно было произвести вслѣдствіе парламентской обструкціи противъ новаго военнаго закона. Во Франціи, въ Версалѣ отрядъ саперовъ въ февралѣ 1901 года отказался работать, протестуя противъ недостаточной и плохой пищи. Въ Россіи во время кавказской всеобщей стачки 1903 г. одинъ батальонъ самовольно легъ на землю, отказавшись идти форсированнымъ маршемъ. Въ Митавѣ солдаты, работающіе въ полковой сапожной мастерской, забастовали, требуя увеличенія вознагражденія.

Все это лишь примѣры, случайно попавшіе въ печать и отмѣченные нами за послѣдніе мѣсяцы; они, конечно, далеко не исчерпываютъ случаевъ небольшихъ «стачекъ солдатъ», происходящихъ постоянно во всѣхъ странахъ свѣта.

Наряду съ этими массовыми протестами противъ худого обращенія, худой пищи и т. д. все учащаются отказы стрѣлять въ стачечниковъ, а самовольная стрѣльба въ воздухъ, а не въ людей становится *обычнымъ явленіемъ*.

За послѣдніе годы во Франціи солдаты отказывались стрѣлять въ стачечниковъ или нападать на нихъ во время стачекъ въ Шалонѣ-на-Марнѣ, Дюнкирхенѣ, Монсо, Крезо и т. д.

При каждой сколько-нибудь значительной стачкѣ французское правительство заполняетъ мѣстность войсками, но разсчитывать на нихъ въ случаѣ серьезнаго столкновенія съ рабочими становится все рискованнѣе.

Нѣкоторые полки, навѣрное, очень легко позволили бы себя обезоружить. Въ этомъ отношеніи очень характерный случай произошелъ въ 1903 г. въ Реймсѣ во время обученія солдатъ 132 линейнаго полка, какъ надо сражаться съ *безоружнымъ* врагомъ, другими словами усмирять стачечниковъ. Шла генеральная репетиція. Вооруженный отрядъ долженъ былъ отбить атаку безоруженной толпы, которую изображали солдаты того же полка. Толпа медленно съ пѣснями приближалась къ вооруженному отряду. Отрядъ отвѣчаетъ на пѣсни ружейнымъ залпомъ (холостымъ, разумѣется); но толпа не только не отступаетъ, но окружаетъ солдатъ и безъ затрудненій обезоруживаетъ ихъ. Солдаты отдаютъ ружья такъ дружески, что офицеръ, руководящій этимъ характернымъ для демократической республики упражненіемъ, недовольно воскликнулъ по адресу побѣжденнаго отряда:

«Хороши вы солдаты, нечего сказать! Что же, если бы васъ послали противъ стачечниковъ, вы точно также позволили бы себя обезоружить?!»

По свидѣтельству корреспондентовъ свободной печати именно такъ позволяли себя обезоруживать нѣкоторые солдаты во время южныхъ всеобщихъ стачекъ въ Россіи. Это, конечно, были исключительные случаи, но съ другой стороны тоже несомнѣнно исключительными были случаи, когда солдаты при залпахъ старались попасть въ стачечниковъ. Долго армія была опорою буржуазнаго порядка насилія и эксплоатаціи, но теперь она постепенно становится для него огромной опасностью. Замѣчательно, что эту опасность еще въ 1792 году предвидѣлъ одинъ французскій писатель, графъ Баррюель-Боверъ, который, кстати сказать, едва ли не первый употребилъ названіе пролетарій для неимущихъ новаго времени въ противоположность собственникамъ. Въ своей брошюрѣ «Cri de l'honneur et de la vérité» (Крикъ чести и истины), посвященной «собственникамъ» (aux propriétaires), Баррюель-Боверъ, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Очень плохо, что даютъ названіе гражданъ этимъ людямъ, которымъ нечего терять, и которые предрасположены ко всѣмъ преступленіямъ. Истинные граждане—тѣ, у которыхъ есть собственность; другіе лишь *пролетаріи* или производители дѣтей *и ихъ не*

слѣдовало бы, какъ въ Англіи, *никогда вооружать* или допускать къ голосованію... *Собственники*, кто бы вы ни были въ другихъ отношеніяхъ, остерегайтесь поддерживать ложное ученіе: люди, которые ничего не имѣютъ, вамъ не подобны» *).

Собственники не могли послѣдовать этому совѣту. Во взаимной борьбѣ, въ погонѣ за прибылью, въ которой крупные предприниматели давили мелкихъ, болѣе «культурная» буржуазія отбивала у менѣе культурной народныя массы для эксплоатаціи и международные рынки для сбыта, собственники разныхъ государствъ должны были вооружить пролетаріатъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и допустить его къ голосованію.

Въ 50-хъ годахъ другой французскій писатель экономистъ Шевалье уже съ ужасомъ писалъ, что «буржуазія сохраняетъ свое господство, только противоставляя массамъ силу самихъ массъ: положеніе критическое, бросающее въ дрожь, и его невозможно продлить, такъ какъ штыки начинаютъ пріобрѣтать разумъ».

Конечно, противъ этого разума были приняты съ самаго начала соотвѣтствующія мѣры, изъ которыхъ самой дѣйствительной до сихъ поръ остается отупляющая военная дисциплина; она, между прочимъ, успѣшно противодѣйствуетъ развитію между солдатами чувства солидарности, и всеобщая стачка солдатъ, ихъ массовое возстаніе противъ воинской повинности, въ которую входитъ и повинность убивать даже своихъ близкихъ родныхъ, была бы несбыточной мечтой, *если бы въ казарму не вторгалось вліяніе фабрики*, если бы съ развитіемъ стачечнаго движенія не усиливалось сближеніе между солдатами и бастующими рабочими. Всеобщая стачка рабочихъ развивается самостоятельно изъ стачекъ мелкихъ, частичныхъ, всеобщая стачка солдатъ можетъ вспыхнуть лишь, какъ слѣдствіе воспитанія солдатъ въ чувствѣ пролетарской солидарности и ненависти къ существующему строю стачками рабочими. Мелкія стачки солдатъ, примѣры которыхъ мы приводили имѣютъ значеніе, какъ показатели происходящаго въ арміи броженія, но онѣ не могутъ сдѣлаться явленіемъ обычнымъ, не могутъ стать столь

*) Jean Jaurès. «Histoire Socialiste», vol. II.

частыми, продолжительными, упорными, чтобы самостоятельно воспитать въ солдатахъ чувство солидарности и массового протеста, необходимаго для всеобщей стачки.

Надо имѣть въ виду, что между стачкой солдатъ и стачкой рабочихъ имѣется существенное различіе; это — явленія не столько однородныя, сколько аналогичныя.

Рабочій связанъ съ отдѣльнымъ предпринимателемъ *«свободнымъ договоромъ»*; солдатъ связанъ со своимъ государствомъ *повинностью*.

Дѣлая пролетарія производителемъ, буржуазія оставила ему формальную свободу, чтобы развить между рабочими свободную конкурренцію въ предложеніи своей рабочей силы, чтобы самой имѣть формальную и фактическую свободу выбрасывать на улицу, выбрасывать на голодную смерть производителей, дѣлающихся излишними при введеніи нашихъ машинъ, при усиленіи примѣненія дѣтскаго труда и т. д.

Дѣлая пролетарія орудіемъ охраны и усиленія существующаго порядка, необходимаго для всей буржуазіи, она связала его повинностью съ государствомъ, съ правительственной властью, представляющей общіе интересы собственниковъ-эксплуататоровъ. Повинность исключаетъ всякую не только фактическую, но и формальную свободу. Пролетарій-солдатъ, чтобы выполнять свое назначеніе, охранять своихъ враговъ противъ своихъ товарищей и братьевъ, необходимо долженъ былъ быть лишенъ самой минимальной доли свободно распоряжаться собой, его необходимо было отучить не только свободно дѣйствовать, но и свободно чувствовать и мыслить.

Свобода труда, какъ ни какъ, а включала въ себѣ свободу при извѣстныхъ условіяхъ отказываться отъ продолженія работы; а на свободѣ труда покоится ростъ прибавной цѣнности, ростъ капитала, поэтому буржуазія должна была, скрѣпя сердце, мириться съ неизбѣжностью стачекъ и даже «легализировать» ихъ.

Другое дѣло — воинская повинность. Она направлена не на производство цѣнностей, а на охрану присвоенія ихъ классомъ капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Эта охрана требуетъ безпрекословнаго повиновенія и несовмѣстима ни съ какой

свободой. Для производства цѣнностей буржуазія создала *фабрику*, работа на которой организуетъ пролетаріатъ для борьбы противъ капиталистическаго порядка; для охраны этого порядка буржуазія создала *казарму*, насыщенную обманомъ, развратомъ, устрашеніемъ, глупостью, жестокостью; въ этой атмосферѣ долженъ въ самомъ зародышѣ погибнуть всякій вольный порывъ. Но въ борьбѣ съ рабочими стачками буржуазіи все чаще приходится выводить солдата изъ казармы и вводить его въ революціонную атмосферу фабрики. Такимъ образомъ фабрика революціонизируетъ казарму и, революціонизируя, уничтожаетъ ее.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что требованіе солдатъ въ мѣстностяхъ, захваченныхъ стачечнымъ движеніемъ, ослабляетъ дисциплину и способствуетъ пробужденію въ солдатахъ способности мыслить и чувствовать. Но этого мало. Буржуазіи все чаще и чаще приходится соединять въ солдатѣ охранителя порядка съ производителемъ цѣнностей; все чаще и чаще буржуазія пользуется солдатами для производства работъ, пріостановленныхъ стачками, она начинаетъ даже образовывать военные батальоны для наиболѣе важныхъ отраслей труда, въ особенности для желѣзнодорожнаго транспорта, пріостановка котораго такъ опасна существующему строю. Скоро буржуазіи придется убѣдиться, что она въ данномъ случаѣ изъ огня попадаетъ въ «полымя». Зараза всеобщей стачки неминуемо захватитъ и солдатъ-производителей, и ихъ стачка, возникающая на почвѣ повинности государству, будетъ по необходимости исключительно революціонной.

Наконецъ, проникновенію революціонно-фабричной атмосферы въ казарму способствуетъ постоянное уменьшеніе «дѣйствительной» службы, неизбѣжное при безостановочномъ развитіи военной техники, и усиленіи значенія «резерва» и «ополченія». На «дѣйствительной службѣ», не говоря уже объ ополченіи и резервѣ, съ каждымъ годомъ увеличивается число пролетаріевъ, сознаніе которыхъ на столько разбужено, что его уже не въ силахъ заглушить казарменная дисциплина, тѣмъ болѣе, что впереди передъ нимъ снова стоитъ фабрика съ ея рабочей средой. Протестъ противъ воинской повинности начинается иногда уже на порогѣ казармы:

отказы отдѣльныхъ лицъ отбывать воинскую повинность въ настоящее время становятся довольно частыми во всѣхъ странахъ съ обязательной службой; встрѣчаются уже первые признаки и стачки рекрутовъ; такъ, напр., въ Сентъ-Этьенѣ (во Франціи) во время призыва 1901 г. болѣе 40 человѣкъ отказались тянуть жребій. По ихъ словамъ, они не хотѣли «безчестить себя, изучая ремесло убійцы»*).

Въ Финляндіи, какъ извѣстно, въ теченіе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ, фактически не было «призыва», вслѣдствіе почти всеобщей стачки юношей, подлежащихъ ему. Здѣсь, правда, стачка вызвана была протестомъ не противъ воинской повинности, а противъ спеціальнаго военнаго закона, но она показываетъ, какимъ сильнымъ оружіемъ въ рукахъ пролетаріата можетъ быть подобная забастовка.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что всеобщая стачка солдатъ отнюдь не является утопіей, что къ ней ведетъ само общественное развитіе съ его классовой борьбой, что есть всѣ основанія надѣяться, что въ моментъ пролетарской революціи всеобщую стачку рабочихъ дополнитъ всеобщая или массовая стачка солдатъ.

Обѣ эти стачки тѣсно связаны между собой, но онѣ, какъ мы уже указали, не однородны, и въ революціи онѣ будутъ играть разныя роли.

Всеобщая стачка рабочихъ, внося замѣшательство въ производство и обращеніе, дезорганизуетъ государство, но въ то же время увеличиваетъ и расширяетъ рабочую организацію, постепенно созданную совмѣстнымъ трудомъ и совмѣстной борьбой; всеобщая стачка солдатъ дезоганизуетъ государство, дезорганизуя солдатскую организацію; она является *массовымъ дезертирствомъ* не для того, чтобы создать новую военную организацію, а чтобы *уничтожить* и ту, и другую, какъ несовмѣстимую съ пролетарскою свободою и пролетарскимъ порядкомъ. Во всеобщей стачкѣ рабочіе дезорганизуютъ буржуазію, но себя организуютъ; солдаты же, уже уничтожая военную дисци-

*) См. Лагардель. «Пролетаріатъ и армія.» («Жизнь», 1902 г., № 1.) Въ этой статьѣ указаны между прочимъ способы антимилитаристической пропаганды во Франціи и Бельгіи.

плину, дезорганизуютъ, такъ сказать, самихъ себя, чтобы усилить организацію пролетаріата, противъ которой была создана ихъ собственная организація.

Во всеобщей стачкѣ солдатъ и всеобщей стачкѣ рабочихъ, какъ взятыхъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно, нѣкоторые представители интересовъ пролетаріата, видятъ могучее средство *противодѣйствія войнамъ*, которыя всегда являются зломъ для пролетаріата.

Мы уже помянули, что брюссельскій конгрессъ «Интернаціонала» въ 1868 г. принялъ резолюцію, рекомендовавшую рабочимъ «въ случаѣ войны пріостановить всякую работу» и такимъ образомъ, «объявить войну войнѣ». Черезъ 23 года тоже въ Брюсселѣ подобную же резолюцію международному соціалистическому конгрессу предложилъ голландскій делегатъ Домела Ньювенхуисъ.

«Принимая во вниманіе — гласила резолюція Домелы Ньювенхуиса — что національныя раздоры никогда не лежатъ въ интересѣ пролетаріата, но въ интересѣ его угнетателей; принимая во вниманіе, что всѣ современные войны, вызываются исключительно классомъ капиталистовъ въ своемъ интересѣ, что они въ его рукахъ средство отвлечь революціонное движеніе и утвердить господство буржуазіи, укрѣпивъ самую постыднѣйшую эксплуатацію; принимая во вниманіе, что ни одно правительство не можетъ оправдываться тѣмъ, что оно было провоцировано, такъ какъ война—результатъ международной воли капитала; международный конгрессъ въ Брюсселѣ постановляетъ, что соціалисты всѣхъ странъ на объявленіе войны отвѣтятъ народнымъ воззваніемъ къ всеобщей забастовкѣ».

Въ пояснительной рѣчи Домела дополнилъ свою резолюцію указаніемъ на обязанность сознательнаго пролетаріата отказываться идти на войну, т. е. присоединить къ всеобщей стачкѣ рабочихъ стачку солдатъ. Онъ понималъ, что всеобщая стачка рабочихъ и солдатъ является революціей, но, по его мнѣнію, объявленіе правительствами войны, — лучшій моментъ для пролетарской революціи. Въ предстоящей европейской войнѣ, по словамъ Домелы, правительства постараются поставить соціалистовъ въ первые ряды,

чтобы они другъ друга перестрѣляли, и соціалисты обязаны отказаться стрѣлять, что бы имъ не угрожало. «Войнѣ между націями мы должны предпочесть гражданскую войну пролетаріата съ буржуазіей».

Отвѣчая на заявленіе нѣмецкихъ соціалдемократовъ, въ которомъ они торжественно обѣщали идти, и младъ и старъ, на поле битвы для защиты отечества въ случаѣ справедливой *оборонительной* войны, Домела совершенно вѣрно замѣтилъ: «Къ различенію оборонительныхъ и наступательныхъ войнъ ведетъ шовинизмъ. Я не признаю этого различія. Извѣстно, что дипломаты умѣютъ всякую войну, смотря по надобности, выставлять то оборонительной, то наступательной».

Въ доказательство возможности успѣшнаго массового отказа отъ воинской повинности Домела сослался, между прочимъ на голландскую секту Пельцбекеровъ, которую даже Наполеонъ I не могъ заставить отбывать воинскую повинность.

Въ «комиссіи» резолюція Домелы Ньювенхуиса была отвергнута почти всѣми голосами и принята резолюція Либкнехта, гласящая, что войны исчезнутъ лишь съ торжествомъ соціализма и «что отвѣтственность за предстоящую міровую войну передъ исторіей и человѣчествомъ падаетъ исключительно на господствующіе классы».

Въ пользу резолюціи Либкнехта и противъ резолюціи Домелы Ньювенхуиса высказался, между прочимъ, извѣстный французскій соціалистъ Вальянъ. Послѣ словесной дуэли между Либкнехтомъ и Домелой Ньювенхуисомъ нѣмецкая резолюція была принята огромнымъ большинствомъ голосовъ. За голландскую голосовали, кромѣ голландцевъ, большинство французовъ и англичанъ.

Либкнехтъ въ своей заключительной рѣчи въ сильныхъ выраженіяхъ, но безъ серьезныхъ доводовъ, «отдѣлалъ», какъ всеобщую стачку рабочихъ, такъ и всеобщую стачку солдатъ; не пощадилъ онъ и личность Ньювенхуиса, осмѣлившагося заподозрить нѣмецкихъ соціалдемократовъ въ шовинизмѣ.

Домела Ньювенхуисъ былъ «осмѣянъ», но онъ зналъ, что «идеи меньшинства всегда сначала кажутся смѣшными».

На Цюрихскомъ международномъ конгрессѣ въ 1893 г. Домела снова выступилъ съ резолюціей болѣе краткой, но и болѣе опредѣленной, чѣмъ предложенная имъ въ Брюсселѣ.

«Конгрессъ постановляетъ пригласить международную рабочую партію быть готовой къ тому, чтобы на объявленіе войны правительствомъ отвѣтить всеобщей пріостановкой работы повсюду, гдѣ рабочіе могутъ оказать вліяніе на войну и въ соотвѣтствующихъ странахъ отвѣтить на объявленіе войны отказомъ исполнять воинскую повинность.»

Въ комиссіи голландская резолюція была отвергнута, и принята резолюція нѣмецкая, которая являлась простымъ подтвержденіемъ соотвѣтствующаго постановленія конгресса въ Брюсселѣ. Докладчикомъ комиссіи былъ Плехановъ, который на Цюрихскомъ конгрессѣ единолично представлялъ всю пролетарскую Россію. «Россія» такъ распиналась за Германію, что Домела Ньювенхуисъ по его словамъ одно время думалъ, что не послалъ ли русскій пролетаріатъ своимъ делегатомъ на конгрессъ не Плеханова изъ Женевы, а Бисмарка изъ Берлина. «Военная стачка, по словамъ Плеханова, достигала бы какъ разъ противоположнаго тому, что предполагалось ей достигнуть. Она прежде всего разоружила бы культурные народы и отдала бы западную Европу русскимъ казакамъ. Русскій деспотизмъ смылъ бы всю нашу культуру, и вмѣсто свободы пролетаріата, для которой военная стачка должна была бы быть блестящимъ знаменіемъ, воцарился бы русскій кнутъ. Такимъ образомъ якобы революціонное предложеніе Голландіи превращается въ реакціонную противоположность».

Въ своемъ заключительномъ словѣ Плехановъ пошелъ еще дальше.

«Если бы прошла голландская резолюція — говорилъ онъ—то этимъ оказана была бы поддержка лишь царю, человѣку, который угнетаетъ свободу, моритъ съ голоду народъ, человѣку, который долженъ пасть вмѣстѣ со всей своей системой, если русскій народъ, если свобода хочетъ побѣды. *Если бы нѣмецкая армія перешла нашу границу, она пришла бы какъ освободительница*, подобно тому, какъ французы національнаго конвента сто лѣтъ тому назадъ явились въ Германію,

чтобы, какъ побѣдители государей, принести народу свободу».

Спасибо за такихъ освободителей! Мы знаемъ «культурный» уровень нѣмецкаго офицера, мы знаемъ, что самая невѣроятная пытка, самое наглое издѣвательство надъ человѣческою личностью—явленіе *обычное* въ нѣмецкой казармѣ, мы знаемъ, какіе выродки, потерявшіе всякое моральное чувство, командуютъ въ рядахъ нѣмецкой арміи, которую Плехановъ призываетъ въ русскіе предѣлы для освобожденія русскаго народа. Мы не можемъ, конечно, восхищаться и русскою арміей, но все же мы думаемъ, что русское офицерство человѣчнѣе прусскаго. Изъ русскаго офицерства вышли декабристы, Бакунинъ, Лавровъ, Кропоткинъ, Толстой, Сухановъ и много другихъ выдающихся и самоотверженныхъ гражданъ. Врядъ-ли можно указать столько же выдающихся лицъ, вышедшихъ изъ нѣмецкаго офицерства!

Тамъ больше знамениты Аренберги и Брюзевицы, прославившіеся безсмысленными и жестокими преступленіями.

Что касается «культуры», то Россіи трудно, конечно, смыть позорно-ужасное пятно Кишинева, но для нѣмецкой культурности характерна хотя бы слѣдующая сценка, помѣщенная на одной изъ послѣднихъ страницъ «Vorwärts'a».

Во время послѣднихъ полицейскихъ преслѣдованій и высылокъ русскихъ студентовъ и студентокъ изъ Пруссіи, антисемиты собрали въ Берлинѣ народное собраніе, на которомъ *депутатъ рейхстага* Бёклеръ произнесъ рѣчь противъ евреевъ на тему «Зильберфарбъ Мандельштамъ». Послѣ этой рѣчи предсѣдатель собранія и одинъ нѣмецкій «рабочій» выразили надежду, что Германія скоро переживетъ свой Кишиневъ. Подъ вліяніемъ этихъ рѣчей нѣмецкіе граждане рѣшили немедленно начать репетицію «Кишинева».

На собраніи присутствовало нѣсколько русскихъ студентовъ и студентокъ еврейскаго происхожденія. Нѣмцы кинулись на нихъ, избили, выбросили въ садъ и тамъ снова били. «*Даже женщинъ, бѣжавшихъ отъ озвѣрѣвшихъ антисемитовъ, ихъ бросали на землю и съ самыми ужасными ругательствами били ногами.* Особенно выдѣлялся своими подвигами нѣкій госпо-

динъ Брунсъ, такъ сильно повредившій одному русскому студенту глазъ, что тотъ долженъ былъ обратиться въ амбулаторій скорой помощи.»

Это событіе «Vorwärts» сопровождаетъ буквально слѣдующимъ коментаріемъ:

«Что поведеніе антисемитовъ у всѣхъ благовоспитанныхъ людей должно возбудить отвращеніе, объ этомъ нечего распространяться. Но съ другой стороны русскіе студенты могли бы знать, что ихъ ожидаетъ среди этихъ людей. Былъ бы выигришъ для нихъ, если бы они въ будущемъ оставили господъ. Бёклера и К⁰ однихъ между собой.»

Затѣмъ происшествіе было забыто. Очень сравнительно мало надѣлалъ шуму и «случай» съ однимъ русскимъ евреемъ, котораго въ трактирѣ Конитца *избили до смерти*. Двое изъ убійцъ были привлечены къ суду; одинъ изъ нихъ оправданъ, другой отплатился какимъ то легкимъ наказаніемъ, болѣе легкимъ, чѣмъ полагается въ Германіи за оскорбленіе величества.

Ну какъ же Плеханову не распинаться за прусскую армію, которая охраняетъ подобную культуру отъ русскаго варварства?!

Но краснорѣчію Плеханова не удалось все же увлечь за собою всѣхъ делегатовъ конгресса, и Ньювенхуисъ отнюдь не чувствовалъ себя «разбитымъ» указаніемъ опасности русскаго варварства для нѣмецкой культуры.

«Не смѣшно ли — говорилъ онъ — называть Россію оплотомъ жестокости и варварства, какъ будто Германія оплотъ кротости и образованія? У Германіи достаточно своихъ деспотовъ, точно также какъ въ Россіи, и еще толкуютъ о какой-то свободѣ въ Германіи! Гейне уже сказалъ въ своихъ «Путевыхъ картинкахъ»: «Намъ нѣмцамъ нечѣмъ рисковать; немножко больше немножко меньше холопскаго блаженства—это не такъ важно. Намъ грозятъ господствомъ кнута, но я бы охотно выдержалъ немного кнута, еслибы зналъ навѣрное, что и наши враги его получатъ. Но я бьюсь о закладъ, что они, по обыкновенію, пойдутъ на встрѣчу новой силѣ и, граціозно улыбаясь, предложатъ себя для постыднѣйшей службы и за это, такъ какъ разъ все же необходимо быть отсеганнымъ, выпросятъ себѣ привиллегію почетнаго кнута.»

— Это было уже давно! — прервалъ Ньювенхуиса Бебель.

— Но, можетъ быть, Гейне и теперь написалъ бы также, спокойно замѣтилъ Ньювенхуисъ.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе десяти лѣтъ, и теперь, когда всѣ прусскіе министры съ канцлеромъ во главѣ, при одобреніи нѣмецкой либеральной буржуазіи, выпрашиваютъ у Плеве привилегію печетнаго кнута, теперь, надо думать, и Бебель согласится, что слова Гейне необычайно своевременны.

Рѣчь Ньювенхуиса на Цюрихскомъ конгрессѣ вообще была очень удачной: и дѣльной, и остроумной. Особенно много интересныхъ замѣчаній сдѣлалъ онъ относительно «военной стачки».

«Настоящая сила милитаризма теперь не въ постоянномъ войскѣ, а въ резервѣ. Резервистъ — солдатъ-гражданинъ — и воспрепятствовать мобилизаціи этихъ резервовъ является нашей спеціальной задачей. Говорятъ, что отказъ отъ военной службы невозможенъ: будутъ предавать суду, разстрѣливать. Но представьте себѣ дѣло практически: въ каждой деревнѣ отъ 5 — 10 резервистовъ; если они отказываются явиться, кто будетъ ихъ преслѣдовать? Полиція? Граждане?

Слѣдствіемъ отказа отъ военной службы будетъ, правда, гражданская война, но ее слѣдуетъ предпочесть войнѣ націй; гражданская война будетъ вестись, по крайней мѣрѣ, противъ настоящаго врага, противъ капитализма.

Одновременно съ нами засѣдаетъ конгрессъ желѣзнодорожныхъ служащихъ; въ ихъ рукахъ простою забастовкою сдѣлать невозможною никакую войну, и если мы еще завоюемъ вниманіе женщинъ, то уже время покончить съ фразою и приступить къ практической работѣ. И многія знаменія времени говорятъ за нашу резолюцію. Возмущеніе войскъ въ Англіи, Бельгіи, Италіи...»

За голландскую резолюцію на этотъ разъ голосовали Австрія, Голландія, Франція и Норвегія, но остальныя 14 «націй» (въ томъ числѣ, конечно, «плехановская» Россія)—противъ.

Результатъ голосованія былъ бы, вѣроятно, обратный, если бы большинство делегатовъ состояло не изъ «профессіональныхъ политиковъ», а изъ рабочихъ

Это откровенно высказалъ извѣстный французскій соціалистъ Дежантъ. Теперь идея всеобщихъ стачекъ, какъ солдатской или военной, такъ и рабочей, сдѣлалось достояніемъ широкихъ рабочихъ массъ, особенно во Франціи.

«Теперь — писалъ въ № 1 «Жизни» Лагардель — мысль о томъ, что всеобщая стачка можетъ парализовать армію, такъ распространена въ рабочей средѣ, что иногда бываетъ неудобно оспаривать ее».

Знаменательно, что Вальянъ, нападавшій въ 1891 г. вмѣстѣ съ Либкнехтомъ на идею противодѣйствія войнѣ всеобщею стачкой, теперь (въ февралѣ 1904 г.) видитъ во всеобщей стачкѣ средство спасенія отъ европейской войны, въ которую можетъ превратиться война русско-японская.

«И теперь мы не должны колебаться—пишетъ онъ въ «Le Socialiste»—теперь же намъ нужно сообразить, что мы можемъ сдѣлать. *И, если бы національный и интернаціональный пролетаріатъ не отвѣтилъ бы на нашъ призывъ съ достаточной энергіей, и не сумѣлъ бы обобщенной стачкой защитить свою жизнь, свои требованія, свое освобожденіе*, наша обязанность дѣйствовать и ни передъ чѣмъ не отступать, чтобы его спасти, чтобы предотвратить опасность, чтобы избѣжать войны. Лучше возстаніе, чѣмъ война.»

Въ одномъ Вальянъ сильно ошибается, а именно, что «мы» можемъ спасти пролетаріатъ, если онъ не въ состояніи спасти себя самъ. Какъ бы «мы» скорѣе не повредили пролетаріату, высмѣивая съ своей профессіонально-политической точки зрѣнія средства борьбы, вырабатываемыя имъ самимъ путемъ трудной и долгой экономической борьбы? Погубить пролетаріатъ профессіональные политики («мы»), къ счастію, не могутъ, но задержать ростъ его классового сознанія они въ силахъ. Въ Германіи, напримѣръ, профессіональные политики несомнѣнно сильно поддаются вліянію буржуазной среды и отчасти «угашаютъ» революціонный «духъ», порождаемый въ пролетаріатѣ условіями его жизни и труда.

Они внушаютъ ему, что внѣ «законности» нѣтъ спасенія, что армія должна быть «неприкосновенна», что за отечество каждый долженъ бороться, не жалѣя

жизни, какъ своей собственной, такъ, разумѣется, и жизни варваровъ-русскихъ и т. д.

Изъ нѣмецкихъ соціалдемократическихъ теоретиковъ наиболѣе революціоннымъ считается Каутскій, но и онъ пишетъ:

«Такъ какъ у насъ нѣтъ намѣренія вести въ арміи пропаганду и возбуждать ее къ неповиновенію—и объ этомъ во всей нѣмецкой соціалдемократіи не думаетъ въ настоящее время никто—то вопросъ, какія формы могло бы и должно принять это неповиновеніе, не подлежитъ для насъ обсужденію».

Изъ политическихъ вождей нѣмецкой соціалдемократіи самымъ революціоннымъ считается Бебель, но и онъ, вызывая одобреніе реакціонеровъ всѣхъ странъ, произноситъ въ рейхстагѣ рѣчи на тему «о любви къ отечеству и народной гордости».

Въ засѣданіи рейхстага 7-го марта 1904 года онъ заявилъ, между прочимъ, слѣдующее *):

«Вы (т. е. буржуазныя партіи) не можете болѣе провести ни одной побѣдоносной войны безъ насъ и *вы побѣдите съ нами, но не противъ насъ.* (Многократное «совершенно вѣрно» у соціалдемократовъ.) Если дѣло будетъ идти о существованіи Германіи, *то мы удемъ сражаться на войнѣ до послѣдняго человѣка,* чтобы защитить наше отечество, нашу землю. *Всегда и повсюду будемъ мы до послѣдняго издыханія бороться противъ попытки оторвать отъ Германіи хотя бы лишь клочекъ территоріи.* (Возгласъ справа: это очень хорошо!) Я говорю не въ угоду вамъ. Но въ виду постоянно повторяющихся нападокъ, я хотѣлъ, наконецъ, ясно установить, что вы не можете такъ просто раздѣлаться съ нами, что мы не желаемъ, чтобы насъ третировали.»

Вотъ какъ «мы» умѣемъ говорить, вотъ какъ «мы» протестуемъ противъ знаменитыхъ словъ «Коммунистическаго Манифеста»: «У рабочихъ нѣтъ отечества».

Но какъ бы «мы» не протестовали эти слова останутся истиной, а слова о «борьбѣ до послѣдняго издыханія изъ за клочка нѣмецкой земли» и уже теперь, къ счастію, звонкая, но пустая фраза.

Но, тѣмъ не менѣе, рѣчь Бебеля очень знамена-

*) Пользуемся отчетомъ «Vorwärts'a».

тельна. Она показываетъ, что революціонному интернаціонализму придется выдержать серьезную борьбу съ патріотизмомъ нѣмецкой соціалдемократіи.

Пламя стачки-революціи вспыхнетъ во всякомъ случаѣ не въ Германіи. Гораздо вѣроятнѣе, что оно вспыхнетъ въ Америкѣ, Франціи и Россіи, и будемъ надѣяться, что передъ нимъ не устоитъ «патріотизмъ» нѣмецкой соціалдемократіи и что нѣмецкіе солдаты откажутся идти въ Россію для охраны культурнаго порядка отъ зловредной всеобщей стачки даже въ томъ случаѣ, если во главѣ прусской арміи будетъ поставленъ генералъ Плехановъ.

III.

Стачка плательщиковъ налоговъ.

Массовой отказъ отъ уплаты налоговъ считается классическимъ оружіемъ либеральной буржуазіи въ борьбѣ съ реакціоннымъ правительствомъ, но это классическое оружіе хранилось больше для виду: буржуазія остерегалась пользоваться имъ, опасаясь, какъ бы оно не убило вмѣстѣ съ феодальнымъ правительствомъ и ея либеральную «оппозицію».

Такъ, напр., въ 1848 г. прусское національное собраніе очень много говорило о необходимости массового отказа отъ уплаты налоговъ въ отвѣтъ на самое безцеремонное нарушеніе его правъ правительствомъ, но никакъ не могло рѣшиться проголосовать постановленія о признаніи за гражданами права не платить налоговъ противозаконно дѣйствующему министерству Брандербурга. Правда, въ послѣдній моментъ «государственнаго переворота», когда въ собраніи явились уже солдаты, была спѣшно принята резолюція объ отказѣ въ правѣ взиманія налоговъ, но въ самой неопредѣленной формѣ. Сдѣлавъ этотъ страшный шагъ, либералы испугались, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не произошла всеобщая стачка плательщиковъ налоговъ, и не наступила «анархія». Депутаты спѣшили разъяснять гражданамъ, что отказъ отъ уплаты податей «средство мирное», что властямъ можно оказывать лишь

«пассивное сопротивленіе»... Вскользь указывалось, что съ формальной стороны постановленіе объ отказѣ въ налогахъ не безупречно и т. д. Однимъ словомъ разогнанные правительствомъ либеральные народные представители всѣми силами старались, чтобы плательщики налоговъ не приняли ихъ постановленіе въ серьезъ и, начавъ съ сопротивленія пассивнаго, не перешли къ сопротивленію активному, т. е. къ революціи. Въ общемъ усилія либераловъ увѣнчались успѣхомъ, и всеобщая стачка плательщиковъ налоговъ не состоялась; лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рейнской провинціи и Силезіи постановленіе объ отказѣ въ налогахъ послужило искрой для активныхъ революціонныхъ вспышекъ.

Лассаль во второй своей рѣчи о сущности конституціи, указывая на теоретическую неясность, которая господствовала въ головахъ депутатовъ національнаго собранія по вопросу объ отказѣ отъ уплаты податей, говоритъ, что это средство можетъ быть превосходнымъ для народа, который уже обладаетъ реальною силой; *для народа же который только еще хочетъ завоевать реальную силу, отказъ въ уплатѣ податей имѣетъ смыслъ лишь тогда, когда цѣлью ставится вызвать всеобщее возстаніе.*

Мы думаемъ, что для народа, уже обладающаго реальною силою, массовой отказъ уплачивать налоги не имѣетъ смысла, но мы согласны, что для народа, желающаго завоевать реальную силу, всеобщая стачка плательщиковъ налоговъ можетъ послужить однимъ изъ исходныхъ пунктовъ для всеобщаго возстанія, для революціи. Она дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, какъ стачка рабочихъ и стачка солдатъ; она вноситъ замѣшательство въ государственный порядокъ, она дезорганизуетъ правительство, и ея дѣйствіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ абсолютнѣе, чѣмъ самодержавнѣе форма этого правительства, чѣмъ меньше оно ограничено и въ то же время укрѣплено законными нормами.

Подобно всеобщей стачкѣ рабочихъ она не только дезорганизуетъ правительственныя силы, но и организуетъ революціонныя силы. Въ Россіи, напримѣръ, массовой отказъ отъ уплаты податей навѣрное сопровождался бы оживленными крестьянскими сходами,

на которыхъ составлялись бы мірскіе приговоры, выработкой плана дѣйствій и т. д.

Какую огромную силу солидарности и какую удивительную организаторскую способность можетъ проявить въ данномъ случаѣ русское крестьянство, показываетъ борьба съ откупомъ въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Эта борьба представляетъ изъ себя явленіе очень сходное съ тѣмъ, что мы понимаемъ подъ всеобщей стачкой плательщиковъ налоговъ. Въ борьбѣ съ откупомъ крестьяне во многихъ губерніяхъ (Саратовской, Рязанской, Нижегородской, Владимірской. Пензенской, Екатеринославской, Тверской, Виленской, Ковенской и т. д.) цѣлыми волостями отказывались покупать водку, протестуя противъ ея дороговизны и плохого качества. Такъ какъ откупъ не только обогощалъ откупщиковъ, но и составлялъ одинъ изъ источниковъ государственныхъ средствъ, то крестьяне своей замѣчательной стачкой косвенно наносили ударъ самому государству, и правительство, конечно, посылало военныя команды, чтобы принуждать мужиковъ снова пить откупную водку. Въ настоящее время массовой отказъ отъ водки былъ бы уже прямо возстаніемъ противъ казны, противъ самого важнаго косвеннаго налога.

Поводомъ для стачки противъ откупа была дороговизна и недоброкачественность водки, но, разумѣется, причину нужно искать глубже, въ общемъ возмущеніи крестьянства противъ своего подневольнаго положенія. Эта борьба была однимъ изъ грозныхъ симптомовъ для господствующаго класса, и онъ отдалилъ революціонную развязку, уничтоживъ крѣпостное право.

Огромное значеніе народной борьбы съ откупомъ прекрасно понялъ и оцѣнилъ Н. А. Добролюбовъ.

«Въ народной массѣ нашей — писалъ онъ въ 1859 г. — есть *дѣльность*, *серьезность*, есть *способность къ жертвамъ*... Скажемъ по совѣсти: кто изъ насъ, годъ тому назадъ, могъ хотя бы въ предположеніи указать такое средство противодѣйствія откупу? *Мѣра, принятая крестьянами, такъ далека отъ нашихъ цивилизованныхъ и осторожныхъ нравовъ*, она *такъ радикальна для златой середины нашего пониманія*, что мы даже въ теоріи не могли ее придумать, даже другимъ не могли предложить ее... А ужъ, ка-

жется, чего легче предлагать другимъ самыя неудобоисполнимыя мѣры! И чего бы стоило, вмѣсто всякихъ воззваній къ постороннимъ силамъ о поправкѣ дѣла, сказать: «народу нужно отказаться отъ хлѣбнаго вина, чтобы принудить откупщиковъ къ уступкѣ»... Да вотъ никто не сказалъ же! *А народъ сдѣлалъ это самое безъ всякихъ спросовъ, справокъ и глубокомысленныхъ соображеній.* Теперь г. докторъ Вернадскій увѣряетъ, что эту рѣшимость онъ утвердилъ въ народѣ, другіе говорятъ, что вообще литература произвела такое движеніе. Но, не говоря о г. докторѣ и статскомъ совѣтникѣ Вернадскомъ, былъ ли хоть кто-нибудь изъ литераторовъ въ своихъ твореніяхъ столь дерзокъ, чтобы дойти хоть только до сознанія необходимости тѣхъ мѣръ, которыя народная сила осуществила на дѣлѣ?

Да, въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить; оттого они и не умѣютъ и не любятъ останавливаться и услаждать его звукомъ, исчезающемъ въ пространствѣ. *Слово ихъ никогда не праздно*; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа въ какихъ нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, *безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій*, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ. *Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армяшичка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой же способности приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу — и заключается величіе простой народной массы,* величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы со всей нашей отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ *претензіи* на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ

жалки, *мизерны* и даже почти *непристойны* въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ».

Дѣльность, серьезность, способность къ жертвамъ свойственны не только русскому народу, онѣ свойственны вообще трудящейся и неимущей массѣ, но русскій народъ менѣе, чѣмъ какой-нибудь другой, развращенъ буржуазной законностью и болѣе другихъ «народовъ» чувствуетъ враждебность современнаго государства народному дѣлу и народному благу. Въ его нѣдрахъ уже народился протестъ противъ всѣхъ государственныхъ повинностей, и, можетъ быть, близокъ моментъ, когда онъ прорвется въ массовой стачкѣ противъ *повинности податной*, точно также, какъ противъ *повинности личной*, т. е., главнымъ образомъ, повинности военной; эти стачки будутъ важнымъ дополненіемъ къ всеобщей стачкѣ производителей, къ всеобщей стачкѣ рабочихъ. Тактика податной стачки выработается самими стачечниками, какъ стачечниками же выработалась тактика забастовки рабочей или трудовой.

«Мы» же пока будемъ говорить, что все это «невозможно» и видѣть все «народное дѣло» въ крикахъ «долой самодержавіе», а затѣмъ «намъ» придется изумляться, какъ изумлялись «мы» «на другой день послѣ южныхъ всеобщихъ стачекъ», которыя наканунѣ ихъ считали совершенно невозможными.

Но неужели «изумленіе» не излечитъ «насъ» отъ жалкихъ, лицемѣрныхъ и непристойныхъ претензій освобождать народъ при помощи прусской арміи, буржуазнаго «правопорядка» и партійнаго іезуитизма?!

Глава VI.

Революція и народная воля.

Въ предыдущей главѣ мы познакомились со средствами и способами революціонной борьбы пролетаріата, мы познакомились съ основами его революціонной тактики. Мы видѣли, что эта тактика опредѣляется условіями изни пролетаріата и стоитъ въ зависимости отъ общественнаго развитія, поэтому она закономѣрна, поэтому она *принципіальна*. По отношенію къ революціонной борьбѣ пролетаріата ничего не можетъ быть ошибочнѣе извѣстнаго пародокса Либкнехта: «Если обстоятельства измѣнятся 24 раза въ сутки и я долженъ измѣнить 24 раза свою тактику».

«Обстоятельства», которыми опредѣляется тактика пролетарской борьбы не могутъ «измѣняться» ежечасно, такъ какъ — это основы современнаго буржуазнаго строя. Не правъ Либкнехтъ и въ своемъ противопоставленіи «принципіальной точки зрѣнія» и «тактики».

«Я заявляю здѣсь — сказалъ онъ на эрфуртскомъ партейтагѣ — что свою *принципіальную точку зрѣнія* я никогда не измѣнялъ и не могу измѣнить, но свою *тактику* я и въ будущемъ готовъ измѣнить, если этого требуютъ обстоятельства».

Мы же думаемъ, что надъ тактикой должна всегда господствовать принципіальная точка зрѣнія, которая ничто иное, какъ пониманіе условій общественнаго развитія, ведущихъ къ торжеству пролетаріата и уничтоженію всякаго насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Пролетарская масса въ своей тактикѣ руководится, конечно, главнымъ образомъ, своимъ классовымъ инстинктомъ; у передовой части этой массы къ классовому инстинкту присоединяется знаніе условій общественнаго развитія.

Для успѣшной борьбы, для принципіальной тактики очень важно это соединеніе пролетарскаго инстинкта со знаніемъ, пролетарскаго чувства съ мыслью.

Инстинктъ указываетъ путь вѣрно, но онъ можетъ быть побѣжденъ буржуазной мыслью, и тогда пролетаріатъ временно сходитъ съ вѣрнаго революціоннаго пути. Образованной буржуазіи удается иногда увлечь пролетаріатъ съ того пути, по которому онъ *хочетъ* идти, повинуясь своему инстинкту, и направить его туда, куда онъ по мнѣнію буржуазіи *долженъ* идти, т. е. вмѣсто того, чтобы разрушать современный общественный и государственный строй, укрѣплять его.

Для пролетарія, не потерявшаго своего классового инстинкта и овладѣвшаго объективнымъ знаніемъ общественныхъ условій, основами революціонной тактики является прежде всего дезорганизація буржуазіи съ ея государствомъ и организація пролетарскихъ массъ. Дезорганизовать буржуазію и ея государство пролетаріатъ можетъ лишь пріостановкой производства и массовымъ отказомъ отъ государственныхъ повинностей. Но эти массовыя дѣйствія въ то же время организуютъ пролетаріатъ и устанавливаютъ связь между нимъ и другими слоями народа, заинтересованными въ разрушеніи современнаго буржуазнаго строя.

Дезорганизація государственной власти, какъ выраженія буржуазнаго насилія, съ одновременной организаціей народныхъ массъ — первый актъ пролетарской или соціальной революціи. Въ *главныхъ чертахъ* онъ одинаковъ для всѣхъ народовъ и странъ.

Вторымъ актомъ должно быть свободное проявленіе *народной воли*. До сихъ поръ никогда и нигдѣ народъ не проявлялъ *свободно* своей воли. Народъ, правда, нерѣдко призывался и призывается къ всеобщему голосованію, къ всеобщей подачѣ голосовъ для выборовъ своихъ представителей, но всегда голосованія происходили подъ тѣмъ или другимъ, прямымъ или косвеннымъ давленіемъ господствующихъ классовъ и никогда не была вполнѣ обезпечена безграничная свобода избирательной агитаціи.

«Всѣ предыдущія движенія — говоритъ Коммунистическій манифестъ — были движеніями меньшинства или въ интересахъ меньшинства. Пролетарское движеніе является самостоятельнымъ движеніемъ огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства». Только такое движеніе можетъ повести къ свободному проявленію народной воли, только такое

движеніе можетъ создать условія для свободной агитаціи и свободныхъ выборовъ.

Въ Россіи народъ не могъ бы проявить свободно своей воли, если бы правительство, уступая рабочему движенію съ его всеобщими стачками, само созвало земскій соборъ даже на основѣ всеобщей подачи голосовъ. Сохраняя въ своихъ рукахъ государственную машину, оно сумѣло бы такъ «сдѣлать» выборы, что представители пролетаріата, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и представители истинныхъ интересовъ малоземельнаго крестьянства оказались бы въ меньшинствѣ. Въ моментъ своей революціи сознательный пролетаріатъ не долженъ предъявлять буржуазному самодержавію и самодержавной буржуазіи никакихъ «требованій»; онъ долженъ стремиться не къ уступкамъ со стороны самодержавно-буржуазной власти, а къ уничтоженію ея. Свои требованія онъ предъявитъ свободному народу и докажетъ ему, что пролетарскія требованія совпадаютъ съ народнымъ дѣломъ и народнымъ благомъ.

Всюду, гдѣ пролетаріату удастся дезорганизовать правительственную власть, немедленно должны быть удалены должностныя лица, и завѣдываніе всѣми общественными дѣлами и учрежденіями должно перейти въ руки представителей организованнаго пролетаріата. Смѣна должностныхъ лицъ въ мѣстностяхъ побѣдоносныхъ всеобщихъ стачекъ, какъ показываютъ примѣры Ліона, Манчестера, Лодзи, Риги, Баку и т. д. не представляетъ большихъ трудностей. Мы видѣли, какъ быстро «*теряются*» вдасти. Въ большинствѣ случаевъ они, вѣроятно, бѣгутъ или «добровольно» сложатъ свои полномочія. Мстить пролетаріатъ не будетъ, такъ какъ месть и жестокость не свойственны его психикѣ, какъ это свидѣтельствуетъ исторія рабочаго движенія во всѣхъ странахъ и въ томъ числѣ у насъ въ Россіи. Во всякомъ случаѣ сознательная часть его должна употребить все свое вліяніе, чтобы воспрепятствовать безсмысленнымъ и вреднымъ для народнаго дѣла актамъ народной мести.

Мы здѣсь говоримъ какъ разъ противоположное тому, что писало центральное правленіе союза коммунистовъ въ своемъ мартовскомъ воззваніи 1850 года. Оно рекомендовало нѣмецкимъ рабочимъ не только не противиться «примѣрамъ народной мести противъ не-

нависныхъ лицъ и общественныхъ зданій, но брать руководство этими примѣрами въ свои руки». Этотъ совѣтъ давался подъ вліяніемъ увлеченія буржуазными революціями, но въ настоящее время его навѣрное не повторили бы члены центральнаго правленія коммунистическаго союза. Въ моменты освобожденія, которые переживалъ современный пролетаріатъ во время всеобщихъ стачекъ его массовое чувство было свободно отъ подлой жажды человѣческой крови. Правда, буржуазная пресса старалась выставить парижскій пролетаріатъ во время коммуны какимъ то кровожаднымъ чудовищемъ, но на дѣлѣ во время коммуны вспышки народнаго гнѣва отступаютъ на задній планъ передъ тѣми великими порывами гуманности, которые проявили парижскія народныя массы въ моментъ своего,къ сожалѣнію, столь краткаго торжества.

«Какимъ-то чудомъ — писалъ Марксъ въ своемъ знаменитомъ манифестѣ по поводу гражданской войны во Франціи — коммуна преобразила Парижъ. Блудный Парижъ второй имперіи исчезъ безслѣдно! Столица Франціи перестала быть сборнымъ пунктомъ британскихъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ, ирландскихъ абсентеистовъ, американскихъ экс-рабовладѣльцевъ и выскочекъ, русскихъ экс-помѣщиковъ и валашскихъ бояръ. Ни одного трупа не лежало въ Morgue, не было ни одного ночного грабежа, почти ни одной кражи; въ первый разъ съ февраля 1848 г. улицы Парижа стали безопасны, хотя на нихъ не появлялось ни одного полицейскаго. «Мы — говорилъ одинъ изъ членовъ Коммуны, — не слышимъ болѣе ни объ убійствахъ, ни о грабежахъ, ни о насиліяхъ противъ личности; полиція, какъ кажется, увлекла за собой въ Версаль всѣхъ своихъ консервативныхъ друзей». Кокотки отправились вслѣдъ за своими покровителями, этими обратившимися въ бѣгство приверженцами религіи, семьи и, главнымъ образомъ, собственности. На сцену снова выступили истинныя парижанки, героическія, великодушныя, самоотверженныя, какъ женщины древняго міра. Парижъ трудящійся, мыслящій, борющійся, истекающій кровью, но сіяющій вдохновеннымъ сіяніемъ исторической иниціативы, почти забывалъ о каннибалахъ, стоявшихъ передъ его воротами, весь отдавшись дѣлу закладки основъ новаго общества».

Однимъ изъ самыхъ торжественныхъ дней Коммуны было 6-ое апрѣля, когда 137 батальонъ національной гвардіи «при громкихъ и радостныхъ крикахъ народа» сжегъ гильотину, какъ символъ ненавистной пролетаріату смертной казни. Этотъ героическій фактъ невольно вспомнился намъ, когда на одномъ изъ женевскихъ собраній Плехановъ съ пафосомъ говорилъ о томъ желанномъ моментѣ, когда на Казанской площади будетъ воздвигнута гильотина для Николая II!

И зараженные этой плехановской психологіей искристы на своемъ невиданномъ съѣздѣ отказались внести въ свою программу требованіе отмѣны смертной казни при пошлыхъ крикахъ: «а для Николая II!» Вѣроятно, искристы уже назначили на почетную должность палача одного изъ своихъ уважаемыхъ товарищей.

Впрочемъ, здѣсь смѣяться можно только сквозь слезы. Всѣ эти революціонеры съ плехановской психологіей, всѣ эти революціонеры, стремящіеся походить на Робеспьера, всѣ эти «герои» несостоявшейся у насъ кровавой буржуазной революціи, будутъ, вѣроятно, играть извѣстную роль въ революціи пролетарской.

«Во всякой революціи бокъ о бокъ съ ея истинными представителями — говоритъ Марксъ въ «Гражданской войнѣ» — выдвигаются люди другого чекана. Это или герои прошлыхъ революцій, сросшіеся съ ними, не понимающіе смысла настоящаго движенія, но пользующіеся большимъ вліяніемъ на народъ по своему гражданскому мужеству и личному характеру или просто по традиціи; или же *пустые крикуны, повторяющіе изъ году въ годъ одни и тѣ же стереотипныя нападки на существующее правительство и снискивающіе себѣ этимъ славу революціонеровъ высшей пробы.* Такіе люди всплыли наружу и послѣ 18 марта; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они играли даже первостепенную роль и, насколько это отъ нихъ зависѣло, задерживали истинное движеніе рабочаго сословія, и тормозили развитіе всякой революціи. Они — неизбѣжное зло; освободиться отъ нихъ можно только со временемъ...»

Этого «неизбѣжнаго зла» очень много въ обѣихъ русскихъ революціонныхъ фракціяхъ. «Героевъ прошлыхъ революцій» больше, кажется, въ лагерѣ соціалистовъ-революціонеровъ, пустыхъ же крикуновъ, изъ

году въ годъ повторяющихъ однѣ и тѣ же стереотипныя фразы, видимо, больше въ лагерѣ искристовъ.

Великодушный, даже къ своимъ бывшимъ угнетателямъ, пролетарій, разумѣется, въ первый же моментъ побѣды освободитъ всѣхъ заключенныхъ, какъ политическихъ, такъ и *уголовныхъ*. Онъ не можетъ не освободить уголовныхъ «преступниковъ», такъ всѣ они прежде всего жертвы преступнаго буржуазнаго строя, на уничтоженіе котораго направлена пролетарская революція. Мы знаемъ, что освобожденію уголовныхъ преступниковъ не сочувствуютъ многіе соціалисты, не говоря уже объ искристахъ, видимо, вполнѣ довольныхъ русскимъ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Одинъ извѣстный западно-европейскій соціалистъ, въ общемъ очень сочувственно отозвавшійся о предлагаемомъ нами проектѣ программы, къ требованію освобожденія уголовныхъ преступниковъ отнесся отрицательно.

«Вы хотите освободить уголовныхъ преступниковъ?! — писалъ онъ намъ — я нѣтъ!»

Противъ освобожденія пролетаріатомъ въ моментъ революціи уголовныхъ преступниковъ, навѣрное, высказался бы и Фридрихъ Энгельсъ.

Въ уже цитированномъ нами памфлетѣ противъ «бакунистовъ» Энгельсъ рѣзко нападаетъ на революціонное правительство Картагены, которое въ 1873 г. году освободило изъ каторжной тюрьмы всѣхъ заключенныхъ.

«Что эта революціонная мѣра» — пишетъ Энгельсъ насмѣшливо — внушена бакунистами, въ этомъ послѣ разоблаченій отчета объ «Альянсѣ» (бакунинскомъ Интернаціоналѣ) не можетъ быть сомнѣнія. Тамъ доказано, какъ Бакунинъ мечтаетъ о «снятіи оковъ со всѣхъ худыхъ страстей» и объявляетъ русскаго разбойника образцомъ всѣхъ истинныхъ революціонеровъ. Что правильно для русскаго, то хорошо и для испанца. Если такимъ образомъ картагенское правительство освободило отъ оковъ «худыя страсти» запрятанныхъ разбойниковъ и этимъ довело до крайнихъ предѣловъ деморализацію своихъ войскъ, то оно дѣйствовало совершено въ духѣ Бакунина.»

Если и доказано, что картагенское правительство освободило заключенныхъ подъ вліяніемъ бакунистовъ,

то отнюдь не доказано, что это освобожденіе усилило деморализацію революціонныхъ войскъ; по крайней мѣрѣ, Энгельсъ не приводитъ ни одного доказательства. Мы думаемъ, что облагораживающее вліяніе пролетарской революціи, о которомъ такъ хорошо говоритъ Марксъ, должно нравственно поднять и большинство преступниковъ противъ буржуазныхъ законовъ, но, конечно, только въ томъ случаѣ, если они будутъ освобождены изъ своихъ ужасныхъ каторжныхъ тюремъ. Кромѣ того мы увѣрены, что разнузданныхъ худыхъ страстей гораздо меньше въ «Мертвомъ домѣ» и въ «Мірѣ отверженныхъ», чѣмъ въ аристократическихъ вертепахъ, гдѣ «сливки» буржуазнаго общества безнаказанно предаются всевозможнымъ оргіямъ, въ родѣ изнасилованія малолѣтнихъ дѣвочекъ. Со многими изъ этихъ привиллигированныхъ разбойниковъ Энгельсу, вѣроятно, приходилось встрѣчаться въ англійскомъ «обществѣ». Чего же такъ бояться освобожденія разбойниковъ не привиллигированныхъ?

Свой взглядъ на «преступленіе» и «наказаніе» мы болѣе подробно выяснимъ въ одной изъ послѣдующихъ главъ, когда будемъ говорить объ отмѣнѣ буржуазной системы наказаній, теперь же въ пользу освобожденія уголовныхъ преступниковъ въ первый же моментъ пролетарской побѣды укажемъ еще на ту товарищескую помощь, которую «уголовные» такъ часто оказываютъ въ русскихъ тюрьмахъ своимъ «политическимъ» товарищамъ по заключенію.

Въ одиннадцатомъ листкѣ «Жизни», призывая русскую интеллигенцію къ протесту противъ правительственныхъ издѣвательствъ надъ харьковскими и полтавскими крестьянами, мы уже говорили объ этой трогательной связи между заключенными революціонерами и разбойниками, и мы повторяемъ здѣсь то, что вылилось тогда изъ сердца, возмущеннаго правительственной жестокостью и интеллигентнымъ равнодушіемъ.

Берите примѣръ — писали мы — хотя бы съ этихъ «уголовныхъ» преступниковъ, со всѣхъ этихъ разбойниковъ, воровъ, бродягъ, которыхъ ваши судьи наказываютъ во имя вашего буржуазнаго благополучія. Эти «уголовные», эти «разбойники» понимаютъ величіе закованныхъ революціонеровъ лучше, чѣмъ вы, люди громкихъ именъ. Боясь нарушить свое спокойствіе,

вы сторонитесь борцовъ за свободу народа, а они, эти «разбойники» не страшатся пытокъ и смерти, лишь бы улучшить участь политическихъ, лишь бы дать имъ возможность вернуться на поле битвы....

Участники современной борьбы въ тюрьмахъ могутъ разсказать много трогательныхъ исторій о самоотверженныхъ услугахъ «уголовныхъ» «политическимъ». Возьмите, напримѣръ, февральскій «бунтъ» въ полтавской тюрьмѣ. Когда «уголовные» услыхали крики политическихъ, плачъ женщинъ, они, какъ одинъ человѣкъ, бросились на помощь. «Желѣзная дверь изъ отдѣленія уголовныхъ» — разсказываетъ одинъ политическій — «съ трескомъ вылетѣла, и толпа уголовныхъ около 300 человѣкъ, съ молотами и топорами въ рукахъ, бросилась къ намъ съ крикомъ: васъ бьютъ? скажите, васъ били? мы защитимъ васъ! Стража и солдаты мгновенно бѣжали, успѣвъ втолкнуть насъ въ камеры, уголовные бросились къ нашимъ дверямъ, пожимая намъ руки черезъ рѣшетки, обѣщая намъ свою поддержку. Взволнованные всѣмъ происшедшимъ мы съ трудомъ успокоили ихъ.»

Невольно вспоминается трогательная сцена между распятымъ Христомъ и разбойникомъ!

И въ моментъ побѣды, въ моментъ народнаго освобожденія, революціонеры раскроютъ всѣ тюрьмы, освободятъ всѣхъ заключенныхъ, какъ политическихъ, такъ и уголовныхъ. Сознательный пролетаріатъ протянетъ тогда руку своему несчастному брату. Онъ введетъ «разбойника» въ новое царство свободы, справедливости и труда!

А вы равнодушные? Гдѣ будете вы тогда? Счастье ваше, что пролетаріатъ не знаетъ буржуазной жестокости, что онъ великодушенъ и благороденъ, что онъ сотретъ съ лица земли всѣ тюрьмы и не захочетъ мстить вамъ за ваше жестокое и подлое равнодушіе!

Съ буржуазной точки зрѣнія не мыслимо не только освобожденіе уголовныхъ преступниковъ, но и конфискація всѣхъ запасовъ, предметовъ первой необходимости, для распредѣленія между всѣми нуждающимися, но въ томъ то и дѣло, что буржуазная точка зрѣнія не можетъ быть точкою зрѣнія пролетаріата.

Искристы и однородные съ ними буржуазные соціалдемократы заботятся, главнымъ образомъ, о томъ,

чтобы пролетаріатъ не компрометировалъ себя въ глазахъ крупной и мелкой буржуазіи, и они будутъ прилагать всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать такому «грабежу», какъ захватъ въ моментъ всеобщей стачки хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, одежды и пр., изготовленныхъ трудомъ пролетаріата, но тѣмъ не менѣе принадлежащихъ буржуазіи. Усилія буржуазныхъ соціалдемократовъ будутъ однако тщетными, такъ какъ исторія стачечнаго движенія показываетъ, что пролетаріатъ во всѣхъ странахъ считаетъ совершенно справедливымъ въ моментъ всеобщей стачки брать для поддержанія своей жизни «излишки» продуктовъ, которыми завалены торговые склады, хлѣбные элеваторы, лавки и т. д. Съ пролетарской точки зрѣнія это справедливо и необходимо. Только при этомъ условіи всеобщая стачка можетъ быть доведена до побѣдоноснаго конца.

Запасовъ въ моментъ стачки-революціи будетъ, надо полагать, много, такъ какъ она, вѣроятно, вспыхнетъ во время кризиса, вызваннаго перепроизводствомъ. Подѣлятъ «запасы» пролетаріи и крестьяне по-справедливости, по-любовно, никого не обижая, въ томъ числѣ и тѣхъ, у кого запасы будутъ взяты. Дѣло пойдетъ дружно и весело. За это говоритъ много характерныхъ фактовъ изъ жизни рабочихъ и крестьянской бѣдноты.

Отношеніе къ войску опредѣлится прежде всего тѣмъ, что пролетаріатъ долженъ всѣми силами стремиться всеобщую стачку рабочихъ дополнить стачкою солдатъ. Рабочіе и крестьяне не могутъ разбить современную армію, выступая противъ солдатъ не только съ камнями, но и съ самодѣльными бомбами. Но они могутъ разбить и обезоружить ихъ, выходя на встрѣчу солдатамъ, какъ братья, и открывая имъ свою грудь съ возгласомъ: «Стрѣляйте въ эти открытыя груди, если рука ваша не дрогнетъ передъ братоубійствомъ.» Мы видѣли, какъ трогаетъ, какъ захватываетъ солдатъ порывъ товарищеской солидарности, проявляемой рабочими во время всеобщихъ стачекъ. Въ такіе моменты призывъ къ возстанію противъ братоубійственной военной дисциплины, призывъ къ уходу изъ казармъ и полковъ, навѣрное, вызоветъ массовое дезертирство, которое въ силу своей заразительности быстро

разобьетъ всю войсковую организацію, превратившись во всеобщую стачку солдатъ.

Пролетаріатъ не можетъ и не долженъ разсчитывать, чтобы на его сторону перешли организованныя войска со всѣми своими кадрами, такъ какъ офицеры въ своей массѣ принадлежатъ къ буржуазіи, противъ которой направлено его революціонное движеніе; пролетаріату, повторяемъ, важно разбить всю военную организацію. Сохраненіе войскъ съ офицерами, примирившимися съ новымъ порядкомъ, опасно пролетаріату, такъ какъ «примиреніе» можетъ легко исчезнуть, и «войска» измѣнятъ въ самую рѣшительную минуту. Солдаты, вернувшіеся домой, въ семью, въ ряды своихъ товарищей рабочихъ, явятся гораздо лучшими защитниками революціонныхъ завоеваній, чѣмъ перешедшее на сторону революціи организованное войско.

Самодержавно-буржуазная администрація смѣнена, войско распущено, острая нужда неимущихъ устранена, тюрьмы раскрыты.

Вотъ условія, при которыхъ сознательный пролетаріатъ ведетъ свою избирательную агитацію среди рабочей и крестьянской массы, еще не поднявшейся до соціалистическаго сознанія. Эта «избирательная агитація» будетъ въ то же время соціалистической пропагандой, которая въ этотъ революціонный моментъ съ необычайной быстротой и легкостью подыметъ соціалистическій инстинктъ, живущій въ груди каждаго пролетарія, въ груди каждаго обездоленнаго и трудящагося, на высоту соціалистическаго сознанія.

Сущность соціализма не удается постигнуть большинству ученыхъ буржуа, но она удивительно легко постигается самыми необразованными пролетаріями. Исторія рабочихъ движеній во всѣхъ странахъ даетъ много поразительныхъ примѣровъ того, какъ воспріимчива въ революціонные моменты рабочая масса къ соціалистической пропагандѣ, какъ быстро она проникается соціалистическимъ ученіемъ.

Лафаргъ въ своей статьѣ о «Первомъ маѣ» приводитъ характерное признаніе одной реакціонной газеты, которая, заявивъ, что соціалистическія теоріи безсмысленны и преступны, принуждена въ то же время согласиться, что только онѣ въ состояніи воодушевить и разшевелить народныя массы. «Послѣднее замѣча-

ніе совершенно вѣрно — прибавляетъ Лафаргъ — теоріи Маркса не утопическія мечтанія геніальнаго мыслителя, но духовный рефлексъ явленій дѣйствительности капиталистическаго общества. Въ этомъ непреодолимая сила ихъ пропаганды».

Въ проектѣ программы мы говорили о созывѣ всероссійскаго учредительнаго собранія, такъ какъ, конечно, стремленіе русской соціалдемократіи должно быть направлено къ тому, чтобы во всѣхъ мѣстахъ Россіи по возможности одновременно вспыхнули всеобщія стачки рабочихъ и возстанія противъ государственныхъ повинностей, и чтобы народные представители всей Россіи собрались для совмѣстнаго обсужденія основъ новаго строя.

Но на дѣлѣ учредительное собраніе будетъ, вѣроятно, созвано уже послѣ того, когда отдѣльныя мѣстности и города созовутъ свои мѣстныя учредительныя собранія и приступятъ къ творческой работѣ въ смыслѣ созданія условій, необходимыхъ для развитія соціалистическаго хозяйства. Очень вѣроятно, что Россія, какъ и весь міръ, въ извѣстный періодъ пролетарской революціи будетъ представлять изъ себя рядъ революціонныхъ коммунъ, подобныхъ парижской коммунѣ 1871 года, отчасти разъединенныхъ мѣстностями, гдѣ еще нѣкоторое время будетъ въ той или другой формѣ держаться старый порядокъ.

Свою практическую программу сознательный пролетаріатъ будетъ, конечно, стремиться осуществить, не дожидаясь побѣды пролетарской революціи во всей Россіи или во всемъ мірѣ; и чѣмъ энергичнѣе примется онъ за творческую работу въ завоеванныхъ революціей общинахъ, тѣмъ скорѣе падутъ остатки стараго міра.

Выясненію этой практической программы будутъ посвящены слѣдующія главы.